

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Т Р У Д Ы
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · XXIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Т Р У Д Ы
ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ

14—17 июня 1935 г.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ • XXIV

Март 1937 г.

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунов*

Редактор издания академик И. Ю. Крачковский

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор С. М. Данини

Сдано в набор 2 сентября 1936 г. — Подписано к печати 11 марта 1937 г.

136 стр. (2 фиг.)

Формат бум. 72×110 см. — $8\frac{1}{2}$ печ. л. — 9.76 уч.-авт. л. — 46590 тип. зн. в печ. л.

Тираж 1000. — Ленгорлит № 852. — АНИ № 1403. — Заказ № 1626

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Программа сессии	6
Резолюция сессии	7
И. Ю. Крачковский. История арабской литературы и ее задачи в СССР	13
А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при аббасидах)	25
А. М. Шами. О периодизации новой истории арабских стран	51
В. Б. Луцкий. Национальная революция 1925—1927 гг. в Сирии	63
Г. В. Церетели. Вновь найденные письма Шамиля	94
А. Я. Борисов. Об открытых в Ленинграде мутазилитских рукописях и их значении для истории мусульманской мысли	113
В. А. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР	127

ПРЕДИСЛОВИЕ

В июне 1935 г. по инициативе Ассоциации арабистов при Институте Востоковедения Академии Наук СССР была созвана первая Сессия арабистов с приглашением специалистов и заинтересованных учреждений не только из Ленинграда, но и других центров СССР. Сессия ставила своей целью, с одной стороны, ознакомление более широких кругов арабистов с полуторагодовой работой ассоциации, основанной в январе 1934 г., и с другой, подведение некоторых итогов по отдельным отраслям арабистики, выяснение стоящих перед нею задач и сообщение о частных ведущихся работах и сделанных открытиях. В связи с этим, доклады, намеченные для прочтения на сессии, носили двоякий характер: одни, несколько обзорного типа, были посвящены состоянию данных отраслей науки на Западе и у нас, выдвигая наиболее существенные задачи, другие — знакомили с конкретно разработанными темами и достигнутыми выводами как общего, так и частного характера.

Деловая работа сессии продолжалась четыре дня, началась утренним заседанием 14 июня и закончилась вечерним 17 июня. О ходе ее дает представление помещаемая программа сессии; о результатах и выводах, к которым она пришла, — публикуемая ниже обстоятельная резолюция, которая была принята на последнем заседании и разослана как участникам сессии, так и учреждениям, приславшим своих делегатов. Общий отчет о сессии помещен ответственным секретарем ассоциации А. Ф. Искандеровым в „Вестнике Академии Наук“ за 1935 г., № 9, стр. 57—64.

Одним из пожеланий, выраженных на сессии и отмеченных в резолюции, было опубликование отдельным выпуском прочитанных на сессии докладов. Институт востоковедения охотно пошел навстречу ходатайству ассоциации об этом, отведя для издания очередной выпуск своих „Трудов“. Один из прочитанных на сессии докладов (Я. С. Виленчика) за это время уже опубликован в известном библиографическом журнале „Orientalistische Literaturzeitung“ 1935, стр. 721—727, и не печатается здесь вторично, так как с мыслями автора можно ознакомиться по статьям в „Записках Института Востоковедения“ и „Библиографии Востока“. Программные доклады печатаются без изменения в том виде, как они были прочитаны; прочие с некоторыми добавлениями и присоединением обычного научного аппарата, как в печатных статьях.

Бюро ассоциации надеется, что „Труды Сессии арабистов“ отразят работу сессии и представят некоторый вклад в научную арабистику СССР.

Петергоф 30 I 1936 г.

И. Крачковский

ПРОГРАММА СЕССИИ

14 июня (12—3 ч. и 6—9 ч.)

Открытие сессии. Вступительное слово директора Института Востоковедения Академии Наук СССР А. Н. Самойловича.

И. Ю. Крачковский. История арабской литературы и ее задачи в СССР.

А. Ю. Якубовский. Ирак на грани VIII и IX веков (черты социального строя при аббасидах).

Обсуждение прочитанных докладов.

15 июня (11—2 ч. и 5—8 ч.)

А. М. Шами. Периодизация новейшей истории Египта.

В. Б. Луцкий. Сирийская революция 1925—1927 годов.

Я. С. Виленчик. К вопросу о происхождении арабского двуязычия.

16 июня (11—2 ч. и 5—8 ч.)

Г. В. Цертели. Письмо Шамиля барону Николаи.

Заседание, посвященное 30-летию научной деятельности академика И. Ю. Крачковского.

17 июня (11—2 ч. и 5—8 ч.)

А. Я. Борисов. Об открытых в Ленинграде памятниках мутазилитской литературы и их значении для истории мусульманской мысли.

В. А. Крачковская. Задачи арабской эпиграфики в СССР.

Заключительное заседание. Закрытие сессии.

РЕЗОЛЮЦИЯ

ПЕРВОЙ СЕССИИ АРАБИСТОВ ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Первая сессия Ассоциации арабистов — фактически превратившаяся в первую сессию арабистов СССР — большой праздник советской востоковедной науки. На заседаниях сессии принимали активное участие от 60 до 70 человек, среди которых были представители учреждений Ленинграда, Москвы, Киева, Тбилиси, Баку и других центров. Только в Великой Стране Советов, где наука является делом масс, а не отдельных ученых-одиночек, где наука пользуется неустанной поддержкой партии, правительства и всего рабочего класса, — возможны подобные сессии. Только в Великой Стране Советов, где все национальности пользуются полной свободой и фактическим равноправием, возможна востоковедная наука, не подчиненная никаким колонизаторским замыслам, но, напротив, служащая великому делу освобождения угнетенного человечества. В этом огромном принципиальном отличии востоковедной науки Советского Союза от колонизаторской науки капиталистического Запада — залог небывалого расцвета советского востоковедения в целом, и в частности — советской арабистики.

Небывалый размах социалистического строительства, рост благосостояния и культуры трудящихся масс Советского Союза в результате успехов первой и второй пятилетки, рост революционного движения в странах Запада и Востока — все эти важнейшие процессы нашей эпохи предъявляют к советской науке и в частности к востоковедению небывало высокие запросы, в то же время ставя советскую науку в исключительно благоприятное положение. Лозунг вождя народов Советского Союза и трудящихся масс всего мира т. Сталина „кадры решают все“ открывает перед советской наукой исключительно широкие перспективы. О величайшем внимании партии и правительства к востоковедной науке свидетельствует созываемый в 1937 г. Всесоюзный Съезд советских востоковедов.

К этому съезду советское востоковедение идет с рядом значительных достижений. Советское востоковедение значительно расширило сферу науки, открыв такие новые области исследования, почти не стоявшие раньше в поле зрения, как экономика колониальных стран и история

национально-освободительного движения. В этих областях советская арабистика прочно стоит на позициях марксизма-ленинизма. Широко изучается новая литература востока, в частности советская арабистика занимает в этом отношении ведущую роль благодаря трудам академика И. Ю. Крачковского. Новое материалистическое учение о языке значительно продвинуло вперед изучение восточных языков. Октябрьская революция, пробудив многие народы Советского Востока к самостоятельной национальной культурной и политической жизни, вызвала широкий интерес к их истории. Многочисленные раскопки, бережное отношение советской власти к памятникам материальной культуры и письменности народов Советского Востока открыли широкие перспективы для изучения исторического прошлого как этих народов, так и народов, приходивших с ними в соприкосновение — и в частности арабов. Вооружение советских востоковедов марксистско-ленинской теорией дает возможность понять и разрешить даже самые сложные, самые запутанные проблемы истории Востока. К достижениям советской науки надо отнести расшифровку ряда рукописей, в частности советская арабистика в лице академика И. Ю. Крачковского внесла такой ценный вклад в науку, как расшифровка арабского документа начала VIII в., найденного в Согдиане, и южно-арабских таблиц.

Важным фактором роста советской востоковедной науки является тот размах в деле подготовки практических востоковедных кадров, который был непосредственным результатом Октябрьской революции, создание Восточного института в Ленинграде и Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве, коренная реорганизация бывшего Лазаревского института, создание университетов и восточных факультетов в национальных республиках Советского Востока. В то же время созданы серьезные предпосылки для подготовки научных кадров (аспирантура Академии Наук и вузов, специальные кафедры и отделения в институтах истории и литературы, а также на соответствующих факультетах).

Вместе с тем советская востоковедная наука и в частности арабистика в целом ряде областей еще отстает от запросов и потребностей, к ней предъявляемых, от тех возможностей, которые открывает перед нею советская власть. В совершенно недостаточной мере разрабатывались исключительные по богатству фонды арабских источников, находящиеся в Ленинграде и в других центрах. Мало было сделано в области использования арабских источников для изучения истории народов СССР. Не уделялось достаточное внимание и разработке общей истории арабов. Еще очень мало сделано в изучении новых отраслей арабистики: экономики и новейшей истории арабских стран.

1. ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРАБИСТИКИ

Отмечая эти достижения и недостатки советской арабистики, первая сессия арабистов выдвигает следующие важнейшие задачи, стоящие перед нашей наукой.

1. Изучение средневековой и новой истории арабских стран и народов, а также истории соответствующих стран до эпохи арабского завоевания, с учетом арабских источников. Особое внимание в области средневековой истории должно быть уделено проблемам социальной и экономической истории периода халифата, представленной исключительно богатыми источниками, крайне ценными для изучения специфики восточного феодализма. Такое же значение приобретает изучение истории Магриба в VIII—XV вв.

В области новой истории как важнейшая задача намечается изучение истории национально-освободительного, в особенности крестьянского движения, причем серьезное внимание должно быть обращено на источниковедение.

2. В области экономики сессия обращает особое внимание на изучение форм и методов империалистической эксплуатации в арабских странах, аграрных отношений, экономического состояния рабочего класса, а также племенной проблемы. При разработке проблем экономики и новейшей истории арабских стран необходимо заострить внимание на борьбе с теориями, враждебными марксизму-ленинизму, и прежде всего с расовой „теорией“ фашизма, отвергающей историческое и творческое значение так называемых неарийских народов, и с империалистически-сионистскими взглядами.

3. В области литературоведения сессия считает необходимым:

а) Всемерно развивать и дальше изучение новой арабской литературы и публицистики.

б) Установить культурную связь с арабскими прогрессивными и революционными литературными течениями.

в) Обеспечить и усилить издание переводов современных арабских художественно-литературных произведений на русский язык и другие языки народов Союза.

г) Обеспечить критическое издание переводов важнейших литературных, исторических и философских памятников, в частности подготавливаемых переводов истории Абу-Ханифы Динавери, „Книги Скупых“ Джамхиза, „Книги хараджа“ Абу Юсуфа Якуба и „Пролегомен“ Ибн Халдуна.

д) Поставить вопрос о переводе на арабский язык классиков марксизма-ленинизма, а также лучших образцов художественной и научной литературы.

е) Обеспечить изучение арабско-мусульманской идеологии.

ж) Отмечая имеющуюся значительную работу в области описания арабских рукописей — не только в Ленинграде, но и в других центрах нашего Союза (Тбилиси, Ташкент и др.) — продолжать планомерную работу в этом направлении, а также обеспечить систематическое издание как наиболее ценных уникальных рукописей, так и описаний.

Наладить систематическое собрание, издание и изучение материалов по арабской эпиграфике и палеографии.

4. В области арабской лингвистики сессия считает центральными проблемами научного исследования вопросы семасиологии и синтаксиса как в описательном, так и, особенно, в историческом разрезе. Кроме того, необходимо продолжать изучение вопроса о взаимоотношениях диалектов с литературным языком и путях их дальнейшего развития, с учетом особенностей языковых взаимоотношений в условиях колониальной политики империалистов.

5. На ряду с этими непосредственными задачами советской арабистики, сессия считает необходимым участие арабистов в ряде смежных наук, имеющих большое культурно-историческое значение:

а) Участие в разработке проблем истории народов СССР и сопредельных стран; как монографическое изучение, так и составление свода арабских источников для истории народов СССР, включая не только материалы феодального периода, но и нового времени (вплоть до XIX—XX вв.).

б) Изучение истории арабской письменности у народов СССР.

в) Изучение истории науки у арабов (в частности медицины, химии, военного дела и математики).

г) Изучение среднеазиатских арабов — с участием Института языка и мышления Академии Наук СССР.

II. МЕРОПРИЯТИЯ В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ АРАБИСТИКИ

Для разрешения этих задач, для того, чтобы обеспечить широкое и планомерное развитие советской арабистики, чтобы поднять ее на уровень, соответствующий общему росту советской науки и культуры, необходимо провести следующие мероприятия.

1. Обеспечить учет и правильную расстановку наличных кадров арабистики.

2. Обеспечить систематическую подготовку необходимых кадров по всем перечисленным выше отраслям советской арабистики, учитывая не только текущие потребности, но также перспективы научного развития и обратить особое внимание как на количественное расширение аспирантуры, так и на ее качественную подготовку.

3. Обеспечить научное преподавание арабского языка и смежных дисциплин в специальных вузах, организовав для этого специальные кафедры и отделения как в Ленинграде, так и в Москве и обеспечить одновременно систематический прием и подготовку кадров в востоковедных вузах Советского Союза.

4. Отметить острую необходимость в создании кадров высококвалифицированных переводчиков на арабский язык, обеспечив их подготовку организацией специального семинара.

5. Сессия считает одной из важнейших предпосылок для успешного развития советской арабистики вооружение ее высококачественными

словарями как общими, так и специальными. Отмечая острую нужду в словаре ново-литературного языка и полное отсутствие таких словарей, сессия считает недопустимым положение, при котором подготовленный целиком к печати и проредактированный еще в 1932 г. арабско-русский словарь до сих пор не издан. Сессия настаивает на необходимости скорейшего издания этого словаря. С этой точки зрения сессия придает также серьезное значение работе, ведущейся по составлению словаря сирийского диалекта.

6. Сессия считает необходимым наладить составление и издание учебников для вузов по основным отраслям советской арабистики.

7. Сессия считает необходимым обеспечить издание научных трудов по всем отраслям советской арабистики. В частности необходимо обеспечить соответствующую полиграфическую базу, в первую очередь в типографии Академии Наук СССР.

8. Сессия считает необходимым издание систематической и регулярной библиографии по соответствующим областям арабистики, обеспечив своевременное печатание очередных выпусков библиографических сборников.

9. Сессия считает, что развитие научно-исследовательской работы должно сочетаться с развитием научно-популяризаторской работы в области советской арабистики (издание научно-популярных книг и брошюр, путешествий, биографий, художественно-литературных произведений и т. д., чтение научно-популярных лекций). Научно-популяризаторская работа должна быть обеспечена соответствующими кадрами.

10. Непременным условием для успешного развития советской арабистики сессия считает регулярное и бесперебойное снабжение руководящих кадров арабистики необходимой литературой и прессой, устранив все имеющиеся в этой области недочеты. В первую очередь должно быть устранено непропорциональное распределение валютных фондов, предназначенных на выпуск литературы, ставящее кадры арабистов в особенно тяжелое положение.

11. Сессия отмечает необходимость наладить культурную связь с представителями арабистики других стран и особенно с молодой, быстро растущей арабистикой стран Востока.

III. ОБ УЧАСТИИ ВО ВСЕСОЮЗНОМ ВОСТОКОВЕДНОМ СЪЕЗДЕ

Учитывая, что Всесоюзный съезд востоковедов, созываемый в 1937 г., будет смотром достижений советской востоковедной науки как в центре, так и в республиках Советского Востока; учитывая, что съезд наметит перспективы и план дальнейшего развития советского востоковедения, — сессия арабистов считает необходимым активное участие советских арабистов в работах съезда и предлагает поставить на повестку дня съезда несколько докладов по важнейшим отраслям советской арабистики. Сессия

порукает Бюро Ассоциации ленинградских арабистов договориться с организационным комитетом съезда о количестве докладов, наметив конкретные темы и докладчиков.

На ряду с проблемами арабистики сессия считает необходимым учесть при составлении программы съезда проблемы африканистики и семитологии.

Учитывая острую необходимость в издании всесоюзного востоковедного журнала, сессия арабистов считает необходимым поставить этот вопрос перед съездом.

Сессия арабистов, на которой впервые встретились арабисты Ленинграда, Москвы и других востоковедных центров нашего Союза, является крупной вехой на пути развития советской арабистики. Сессия укрепила связь между представителями различных отраслей арабистики и наметила пути для дальнейшего их плодотворного сотрудничества. Это сотрудничество и тесный контакт должны быть закреплены участием арабистов других центров в работе Ленинградской ассоциации путем постановки отдельных докладов (как исследовательских, так и обзорного типа), постоянной корреспонденцией, взаимной информацией и т. д. Особенно желательно организовать выезды руководящих ленинградских кадров с докладами и лекциями в Москву. Вместе с тем сессия признает желательным регулярный созыв сессий подобного типа — как по всем отраслям советской арабистики, так и специализированных и выражает пожелание об устройстве к следующей сессии выставок по различным отраслям арабистики.

Сессия арабистов просит дирекцию Института Востоковедения Академии Наук СССР и Бюро Ассоциации ленинградских арабистов учесть ее решения и разработать на их основе конкретные мероприятия, которые обеспечат успешный рост и процветание советской арабистики, одной из ведущих отраслей советского востоковедения, и обсудить вопрос об издании трудов настоящей сессии арабистов.

И. КРАЧКОВСКИЙ

ИСТОРИЯ АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ЗАДАЧИ В СССР

Мое настоящее сообщение об истории арабской литературы и ее задачах в нашей стране вызвано двумя обстоятельствами. Когда возникла идея сессии арабистов, нам казалось желательным подвести хотя бы по некоторым областям арабистики итоги, характеризовать состояние их разработки, тем самым наметив прежде всего для самих себя дальнейшие пути движения. По всем областям осуществить этого не удалось, так как не всегда специалисты брались с охотой за соответствующую тему; это и не было необходимо, так как на ряду с докладами общего порядка чувствовалась потребность дать сообщения по конкретным частным вопросам, характеризующим работу, которая ведется отдельными исследователями, поделиться сделанными ими открытиями. История литературы приобрела значение, выходящее за пределы одной специальности; понимаемая как история письменности вообще, она могла послужить полезной параллелью для ряда связанных с письменными источниками дисциплин. Одновременно с этим соображением общего порядка мой доклад стимулирован и другим обстоятельством реального, личного характера. В этом году впервые после более чем десятилетнего перерыва на Лингвистическом факультете Института философии, лингвистики и истории возобновлено самостоятельное преподавание истории арабской литературы, притом со значительно более расширенной программой, чем раньше, с расчетом на четыре года. Впервые после долгого промежутка, подводя итоги для самого себя и стараясь формулировать их слушателям, я мог заметить с радостью несомненное оживление в этой области мировой науки за последние десятилетия, но также должен был констатировать с большой грустью наше отставание от этого движения, нагнать которое с каждым моментом становится труднее.

Сегодня, в аспекте работ сессии арабистов, я постараюсь обрисовать обе эти мысли с теми выводами, которые, на мой взгляд, вытекают сами собой. Сделать это нужно тем более, что именно на глазах нашего поколения развивалось все это движение; именно начало двадцатого века дало сильный толчок, поставив веху нового периода, который продолжается и теперь, когда с каждым годом все отчетливее чувствуется приближение другого периода, еще не оформившегося, но близкого к назреванию.

Такой вехой, поставленной на рубеже двух веков, явилась „История арабской литературы“ Brockelmann'a — свод, подводивший итоги всего доступного тогда материала. Встреченная сдержанно, иногда суровой критикой, она быстро оказалась необходимым пособием в нашей области. Все чувствуют ее недостатки; трудно найти арабиста, который, обращаясь к ней, почти каждый раз не раздражался бы от мелких и крупных недоразумений, от пропусков и опечаток, но нет ни одного арабиста в нашей области, который мог бы обойтись без нее. Наука настолько к ней привыкла, что нам теперь даже трудно себе представить, как можно было работать по истории литературы, пока не было книги Brockelmann'a.

Она вызвала известное увлечение общими обзорами и курсами литературы, которые появляются целой пачкой около этого времени: вслед за немецким самого Brockelmann'a (1901 г.) идет французский Huart'a (1902 г.), итальянский Pizzi (1903 г.), английский Nicholson'a (1907 г.), сербский Goldziher'a (1909 г.). У нас в тех же годах А. Е. Крымский начинает создавать ряд пособий, которые до последних дней остаются единственными общими обзорами на русском языке. Постепенно в Европе волна увлечения большими курсами, вызванная книгой Brockelmann'a, начинает спадать, во 2-м и 3-м десятилетия XX в. они появляются только единицами. Работа направляется больше вглубь, по линии укрепления базы и аналитических исследований. Общий характер картины теперь уже не тот, что на рубеже века. Самое понятие литературы, правда, меняется мало. Когда речь идет о средневековом феодальном периоде, она попрежнему изучается в составе всей письменности, но когда обращаются к литературе XIX—XX вв., здесь наступает естественная дифференциация с преимущественным вниманием к литературе художественной, отчасти к произведениям, характеризующим реформистские течения в исламе.

Мало меняя отношение к существу предмета, современное оживление особенно глубоко и планомерно захватывает изучение сохранившихся материалов, в первую очередь рукописей. На Западе крупные рукописные собрания в общем можно считать описанными и введенными в обиход науки; наступает очередь или более мелких или недавно возникших, иногда крупных собраний; изредка появляются издания переработанных по требованиям современной науки старых каталогов. На протяжении немногих лет мы получаем каталоги Тюбингена, Бреслава, Манчестера, коллекции Browne'a в Кембридже, Упсалы и др. Все они приносят интересные новинки, все они — иногда одним открытием освещают казавшиеся темными для наших предшественников вопросы. На ряду с этими важными, но все же отдельными единицами, совершенно исключительное, можно сказать, эпохальное значение приобретает начатое недавно систематическое изучение рукописей в Стамбуле. Результаты его уже теперь, поистине, колоссальны. Если другой крупный рукописный центр — Каир был все же хоть несколько известен, не столько по мало удовлетворительным индексам, сколько благодаря большим связям с ним

арабистов, то про Стамбул до последнего времени этого сказать было нельзя. Уже первое десятилетие XX в., благодаря отдельным заметкам жившего в Стамбуле арабиста О. Rescher'a, дало возможность почувствовать все богатство хранящихся там сокровищ. После войны поселившийся там ориенталист Н. Ritter начал планомерное исследование сперва индивидуально, а затем как член стамбульского филиала Немецкого востоковедного общества. Почти каждый номер „Der Islam“ и других изданий приносил и приносит его статьи со сведениями о неожиданных открытиях в самых разнообразных областях письменности, начиная с арабских научных переводов с санскритского и греческого, произведений художественной литературы и кончая специальными трактатами по минералогии, стратегии и спорту. Можно смело сказать, что за последнее десятилетие нет почти ни одного крупного арабского текста в Европе, в котором Ritter не принял бы участия или сам или открытыми им стамбульскими материалами. За последнее время дело становится на прочную базу: турецкое правительство организовало особую комиссию для составления научного каталога стамбульских рукописей. Можно надеяться, что колоссальная, важнейшая работа будет доведена до конца и 70 тысяч рукописей войдут в обиход науки. Одно их количество уже говорит о том, что это является целой эпохой для всей истории арабской литературы, как такую же эпоху в отдельных областях открывали и некоторые частичные находки Ritter'a.

Не менее, чем внимание к рукописным собраниям, характерно для современного движения в истории литературы стремление к созданию объединяющих сводов и вспомогательных пособий. Некоторые из них выходят за пределы арабистики. Достаточно назвать „Энциклопедию ислама“, близкую к своему завершению. Начатая печатанием в 1908 г., она испытывает судьбу, похожую на „Историю арабской литературы“ Brockelmann'a: все пользующиеся ею ясно видят ее недостатки, но тем не менее все в нашей области должны к ней обращаться, так как другого аналогичного пособия нет, и по мере приближения к окончанию значение ее повышается. В области более специальной одно громадное предприятие едва лишь начато осуществлением: издание конкорданса и индексов ко всем основным сборникам сунны. Работа была начата по инициативе голландских арабистов, попрежнему являющихся главным организующим центром в нашей области, еще в 1916 г. Велась она группой в составе 40 арабистов Европы, Америки и арабских стран. Закончена она была к началу 30-х годов, издание взяла на себя Union Académique Internationale при поддержке Академий Наук различных стран. Для научного наблюдения была составлена международная комиссия из 14 арабистов. Издание, начатое печатанием в 1933 г., рассчитано на десять лет по два-три выпуска in-folio ежегодно с 10 печатными листами в каждом. Это предприятие сразу вдвигает в науку колоссальный и раньше совершенно недоступный для обозрения отдельным человеком материал. Классифицированный во всех

деталей, анатомически разложенный на составные части, этот материал обогащает не только специальные области исламоведной письменности, лингвистики и литературы, он в такой же мере расширяет горизонт историка и социолога, доставляет твердую базу для лексикографа. Другого, столь же крупного предприятия в этой области на протяжении всей истории арабистики я не знаю; конкорданс к Корану основан на меньшем в неисчислимом числе раз материале и построен по менее совершенной системе. Индивидуальными усилиями приближается к концу другое, более скромное начинание аналогичного характера — указатель к поэтическим цитатам в произведениях арабской грамматической литературы, издаваемый А. Fischer'ом. Он представляет своего рода ключ к давно подготовленному им словарю классического литературного языка, появление которого составит в нашей области несомненно такую же эпоху, как в свое время выход словаря Lane'a. Значение указателя, который будет закончен через два года, в своей области очень велико, он и теперь уже сильно облегчает работу, что понятно всякому, кому приходилось иметь дело с поэтическими цитатами или намеками, разбросанными не только в произведениях художественной литературы, но и в самых разнообразных арабских сочинениях, вплоть до медицинских или математических. Можно было бы значительно продолжить перечисление аналогичных работ, хотя и более мелкого масштаба; приведенные примеры говорят, с какой настойчивостью работы ведутся, иногда в очень сложных условиях, насколько они облегчают предварительные стадии научных исследований будущих поколений, какую интересную эпоху в этом смысле арабисты переживают.

Не ко всем областям истории арабской литературы интерес, конечно, одинаков. Если в начале века на первом плане стояли дисциплины филологические, с которыми начали соперничать исламоведные, то теперь положение переменяется: гегемония перешла к истории точных и естественных наук, на ряду с которыми сохраняют свое положение исламоведные и значительно отступает на задний план литература художественная и связанная с ней филология. И здесь также характерно, как в помянутых областях, появление больших сводов и создание крупных Corpus'ов. Во главе надо поставить широко задуманное произведение, которое интересует не одну только арабистику — „Введение в историю науки“ бельгийца Sarton'a, издаваемое Институтом Carnegie в Вашингтоне. Оно представляет синхронистический обзор с библиографическими данными всей научной продукции в мире с древнейших времен, включая кроме медицины, естественных и точных наук — религию, философию, педагогику, музыку, географию, историю, филологию, право и социологию, — строго говоря все основные отрасли письменностей, кроме художественной литературы. Два вышедших тома (в общей сложности до 3000 страниц) доводят изложение до XIII в. включительно, т. е. захватывают основной творческий период развития арабской культуры. На ряду со своим сводом Sarton редактирует посвященный истории мировой науки орган Isis; около

него и около международной комиссии по истории знания группируются главные начинания арабистического характера в этой области. Предпринято большое издание *Corpus'a* арабских медиков, одинаково важное и для арабистики и для истории европейской культуры и для медицины; упомянутая уже *Union Académique Internationale* организует в общеевропейском масштабе составление каталога арабских алхимических рукописей. Работа действительно кипит и захватывает разные области широко и глубоко. В Египте географ и меценат Юсуф Кемаль организует грандиозное издание *Monumenta geografica Africae et Aegypti*, выполняемое трудами, главным образом, голландских ученых. Если атлас, выпущенный К. Miller'ом „*Marrae arabicae*“ должен считаться преимущественно, как показала критика, сводом сырого, иногда требующего проверки материала, то издание Юсуфа Кемалья, широко поставленное, не стесненное финансовыми возможностями, хотя и ограничивает свою задачу территориально, но тем не менее открывает новые пути и решает основательно ряд вопросов, связанных с историей арабской географической литературы. Во всех областях действуют теперь ученые, объединяющие специальные знания с филологической подготовкой, хорошо знакомые и с арабским и с европейским материалом; везде на почве серьезных аналитических изысканий даются синтетические построения, часто совсем меняющие прежние взгляды на историю культуры, стирающие грани между Востоком и Западом.

Если изучение арабской письменности, связанной с наукой, теперь идет впереди, то филология и художественная литература отступают на задний план. Быть может и сам доступный материал оказывается несколько исчерпанным. В области поэзии за два первых десятилетия Англия действовала особенно энергично, дав ряд монументальных изданий, как *Нақāиды аль-Ахтāля* и *Джерйра*, *аль-Муфаддалййāt* и серию отдельных диванов. Таких колоссальных текстов в таком количестве едва ли мы скоро дождемся. Отдельные издания во всех отраслях, конечно, продолжают, и некоторые из них заставляют нас как бы насторожиться, а иногда служат грозным предупреждением. В Англии начинают издавать отдельные тома того самого историка X века *аҫ-Сӯли*, который был впервые открыт и исследован русской наукой; может быть близко время, когда без нашего участия будет издан и тот том, что хранится в Публичной библиотеке. По уника 6. Азиатского музея издана в Германии „История Египта“ *Ибн Ияса* (XVI в.). Число таких примеров растет, и они заставят нас сделать некоторые выводы во второй части доклада. На ряду с отдельными изданиями необходимо особо отметить важную в нашей области серию, которая основана Стамбульским филиалом Немецкого востоковедного общества. Обязанная больше всего усилиям уже упомянутого *Ritter'a*, она насчитывает за пять лет своего существования более десятка томов; она не побоялась включить в свой состав начало 30- томного биографического словаря *аҫ-Сафадй*. Особенно надо отметить ее исламоведные изда-

ния, тесно связанные с деятельностью недавно (1933 г.) погибшего семиолога G. Bergsträsser'a. Многим известна та судьба, которая постигла второе издание знаменитой „Истории Корана“ Nöldeke. Выпущенная в 1860 г., она почти на полвека определила движение науки в намеченном направлении. Когда возникла мысль о 2-м переработанном издании, по просьбе автора оно было поручено указанному им ученику — один умер, выпустив I том; второй, приглашенный на смену, погиб, не доведя до конца III тома. Этот том посвящен истории коранического текста. Для поставленной задачи Bergsträsser'ом была проделана колоссальная работа: им были изучены старейшие рукописи и фрагменты Корана, исследована современная традиция коранической рецитации, выпущено и подготовлено к печати несколько арабских сочинений, связанных с изучением текста. Ряд работ его и его учеников вышел в издании „Bibliotheca Islamica“, некоторые в других сериях; Баварская Академия Наук взяла на себя попечение над организованной им работой по составлению Apparatus criticus к Корану, которая, повидимому, не прервана и его смертью. С этими трудами мы получили возможность для текстуальной критики Корана; получили возможность обоснованно переводить Коран.

Расширяя внимание на все области письменности, иногда только поверхностно затронутые, современная история арабской литературы расширяет их хронологически, с полным правом вовлекая в круг своего ведения и новую литературу XIX — XX вв., которая еще несколько десятков лет тому назад считалась недостойной серьезного изучения. Большой сдвиг здесь произошел и не малую роль сыграли опубликованные у нас работы. В Европе даже успела создаться уже известная традиция в некоторых учреждениях, специально изучающих новую литературу. Среди них есть и старые, как Берлинский семинар восточных языков, есть и новые, как Французский институт в Дамаске. Об индивидуальных очагах тем более упоминать не приходится.

Углубление интереса к отдельным областям, изучение их в новом охвате выдвигает на первый план не столько общие курсы литературы, которые в таком количестве появились в начале века, сколько обзоры по отделам, областям или по географически и культурно выделяемым районам. Выходят лекции по исторической литературе D. Margoliouth'a, появляется ряд общих обзоров географической литературы, которые позволяют осветить эволюцию этой области во всей ее сложности очень ярким светом. Арабская литература в Испании получает всесторонние обзоры научно-популярного характера, такого достоинства и такой полноты, каких нельзя указать в других областях, в других категориях литературы. Сложные вопросы арабско-европейских взаимодействий связываются с этой областью жизненно, решение их дебатруется оживленно с различных сторон и опять-таки наше поколение присутствует при том, как из окутывающего раньше тумана вырисовываются более отчетливые очертания. На ряду с такой интенсивной разработкой отдельных областей, общие

обзоры редко вносят новое освещение в принятую раньше схему; учитывая, конечно, новые достижения науки, они чаще всего вызываются учебно-популярными целями. Таков полезный, мало доступный обзор Rescher'a, таков очень практичный и удачно составленный учебник Gibb'a. Даже количество отдельно выходящих историй арабской литературы гораздо меньше, чем в начале века; число статей в Энциклопедиях, конечно, попрежнему велико, и некоторые разрастаются до большого объема как, например, статья M. Guidi в „Enciclopedia Italiana“. И спрос и предложение отдельных обзоров истории арабской литературы сильно упал. Когда известное издательство Athenaeon в Германии задумало включить в свой „Handbuch“ литературы, редактируемый известным литературоведом O. Walzel'em, историю арабской литературы, то оно обратилось к заграничному арабисту. Соглашение не состоялось в связи с вопросом о сроке, но показательно, что и теперь, хотя прошло больше пяти лет, в этой серии истории арабской литературы не появилось.

Характерны для современного оживления те области и моменты арабской литературы, которыми занимаются ее историки; не менее характерен и состав их, в котором мы видим периодические колебания сравнительно с началом нашего века. Количество их, конечно, неуклонно растет — по поверхностному подсчету в настоящее время можно указать за границей не менее 200 арабистов, известных трудами по арабской литературе, не считая специально лингвистов и исследователей других областей письменности.

Любопытно то, что ряд стран, раньше стоявших в стороне от общего движения, теперь выдвигается в первые ряды. Если в странах, получивших самостоятельность после войны, как Чехо-Словакия или Польша, число арабистов сравнительно ограничено, то, например, Испания, которая еще в начале века являлась в арабистике провинцией, если не захолустьем, теперь, благодаря созданию прочной преемственности и большому количеству арабистов, в некоторых областях начинает играть первенствующую роль. В дополнение к многочисленным университетским кафедрам, связанным с изучением арабской культуры, создаются две специальных высших арабистических школы типа научно-исследовательских институтов, в Мадриде и Гранаде; они развивают усиленную издательскую деятельность и даже основывают специальный журнал по арабистике — первый случай в истории мирового востоковедения. Этот журнал посвящен преимущественно изучению Магриба, т. е. арабской Испании и Северной Африки, но в нем находят себе место и работы по арабистике вообще, так же как в изданиях упомянутых школ. Возникновение первого специального органа в нашей области, хорошо организованного и прекрасно информированного — факт достаточно крупный и интересный. Италия, с 20-х годов выдвинула большое число арабистов. Здесь же с тех же 20-х годов, возник орган, посвященный современному Востоку, „Oriente Moderno“. Изредка в нем появляются материалы и по новой арабской литературе,

но он дает возможность следить и за фоном, на котором эта литература растет.

Оживление истории арабской литературы обязано не только интенсивному участию отдельных европейских стран, но в еще большей мере постепенному вхождению в эту работу арабских ученых. За последние десятилетия оно приняло систематический характер и теперь распространяется на все области, более или менее стремясь применить методы европейской науки. Если раньше каталоги рукописей в арабских городах представляли редкость, то теперь мы получаем их все чаще и чаще, благодаря трудам местных ученых: достаточно назвать работу Cheikho по библиотеке университета в Бейруте, Дāūда Челебī по библиотеке Мосула, трехтомный каталог коллекции Сбāта в Каире. Издание классических произведений приобретает планомерный характер: впереди идет Египетская библиотека в Каире как по количеству своих изданий, так и по их изяществу и соответствию требованиям текстуальной критики. В Хайдерабаде в Индии создается особая организация, ставящая задачей подготовку и издание крупных, часто многотомных трудов, хотя сильно уступающих по качеству выполнения египетским, но дающих историку новый, иногда неожиданный материал. Арабы создают и справочные пособия, отвечающие насущной потребности: библиографический словарь Серкиса своевременно дополняет труд Broskelmann'a, история арабской журналистики Таррāзи оказывается одним из основных пособий по новоарабской литературе вообще. Выпускаются монографии об отдельных авторах классического и нового периода, иногда целыми, удачно задуманными сериями, как в Бейруте Фū'адом аль-Бустāни. Не все арабские страны принимают одинаковое участие в этом движении; во главе стоят, как и следовало ожидать, Египет и Сирия; но если в них мы видим целые солидные группы ученых, то и в Месопотамии и в Тунисе отдельные работники сравнялись с европейскими. Нельзя забыть того, что багдадец открыл и издал считавшийся утраченным для науки первый арабский словарь ал-Халиля.

Участие арабских стран в работе над памятниками арабской литературы стало настолько интенсивным в наши дни, что в некоторых областях гегемония переходит к ним от Запада. С определенностью это можно сказать об издании текстов; неудивительно, что такая известная в нашей области серия, как Gibb Memorial, выпускаемая в Лондоне, большинство томов с арабским текстом печатает в Каире. Но и в области исследований арабы часто опережают европейских ученых: работая лет 5 тому назад над произведениями крупнейшего арабского философа-поэта Абū-л-'Алā, я убедился, что наиболее интересные мысли о нем за последние двадцать лет высказаны не на Западе, а на Востоке, не в Европе, а в Африке — египетским ученым Тāхā Хусейном.

Грани стерты, Запад и Восток слились в науку, нет арабов и европейцев; над историей литературы и там и здесь работают арабисты, работа ширится и кипит. Какое же место в этой работе занимает наша страна?

Надо признать, что в некоторых отдельных областях мы имеем большие успехи: мы дали толчок изучению новой литературы, что всеми признано и засвидетельствовано печатно, мы выпустили ряд изданий, которые западная и арабская наука достойно оценила, но нам надо еще более упорно работать, чтобы сохранить достойное положение и перейти на арену международных предприятий в области арабистики, где мы можем показать себя во весь рост.

Наши материалы по истории старой феодальной литературы и письменности настолько богаты и неисчерпаемы, что мы в любой момент можем принять участие в мировой разработке отдельных областей, если только будет на это доброе желание, если будет сознание всей важности этого дела для общей культуры. Именно на нас лежит великий долг исполнения особых задач, связанных с нашей страной, решения которых ждет от нас мировая наука, которые никем не могут быть выполнены так хорошо, как нами. Но жизнь не ждет, и наука требует ответа; если мы будем слишком медлить, задачи будут решены другими, перейдут в другие руки, как случилось с изучением новой арабской литературы.

На одном из первых мест я бы поставил описание арабских рукописей нашего Союза. Достаточно сказать, что в одном Ленинграде можно насчитать до 10 000 неописанных арабских сочинений, которые в лучшем случае имеют суммарный index, часто не вошли даже в него. На каждом шагу по всем областям письменности здесь можно делать открытия, которые не попали еще в обиход нашей науки и лежат мертвым капиталом. Но это только начало. Если собрания Москвы вообще бедны арабскими рукописями, то другие центры количественно может быть даже превосходят Ленинград. Достаточно вспомнить Казань, на рукописи которой не обращали внимания с 50-х годов. Между тем, за последние 20 лет там объединен ряд библиотек медресе и отдельных собраний; даже краткое упоминание одних названий часто дает возможность предвидеть, какая богатая жатва здесь будет. Те же слова можно применить и к Средней Азии и к Кавказу, где работа, как мы может быть услышим на сессии, частично начата. Нужно ее усилить и расширить — это работа долгих лет и многих лиц; надо показать, что мы умеем ценить наши сокровища и умеем их научно исследовать; нельзя ждать, что и эта работа будет сделана не нами.

Второй нашей задачей я считаю научное монографическое исследование арабских источников для истории восточной Европы и как венце его — составление полного свода. Задача не нова и возникала не раз; к ней подходили с момента создания научной арабистики в России больше ста лет тому назад. Тогда она казалась проще и яснее; теперь она настолько разрослась в связи с изучением истории народов СССР, научные требования настолько усложнились, что, несмотря на неоднократные попытки, наладить ее как следует до сих пор не удается, частью за отсутствием подготовленных работников, частью за невозможностью для них целиком отдаться

этой задаче. Теперь необходимо уже привлечь материалы не только древнего периода, но и более нового времени, вплоть до XX в. И здесь придется с грустью констатировать, что даже то произведение, которое, казалось бы, должно составить предмет нашего неотъемлемого изучения — путешествие Макария Антиохийского в Россию XVII в. — памятник единственный в своем роде — издается не у нас, а во Франции, издается не нашим ученым, а румынским, издается без привлечения наших рукописей и, смею думать, хуже, чем сделали бы это мы. Но наука не ждет, говорил я, ей нужны ответы на запросы, и всякое промедление наказывается.

Если первые задачи, лежащие на нашей арабистике, ясны и неоднократно ставились, то третья начинает обрисовываться в самое последнее время, и ее контуры только слегка намечаются — это изучение той арабской литературы и письменности, которая была распространена среди народов СССР и часто создана ими непосредственно. Целый ряд крупных деятелей, писавших по-арабски, вышел из этой среды: достаточно вспомнить турка ал-Фараби, одного из крупнейших арабских философов, выдающегося ученого, уроженца Хивы иранца ал-Бирюни, кодификатора арабской риторики турка-хивинца ас-Секкаки. Изучение творчества таких выдающихся единиц входит, конечно, в общую историю арабской литературы, но изучение обычной ходовой литературы в этих странах позволяет решить не менее важную задачу. Анализ школьной традиции и состава обычных шаблонных произведений позволит осветить те пути и каналы, которыми просачивалось и питалось влияние арабско-мусульманской культуры в соответствующих странах. Несомненно, что на всем протяжении территории, подвергшейся влиянию ислама, общий тип нивелирующей культуры был одинаков, но так же несомненно, что каждая страна вносила свои специфические особенности. Все эти вопросы не выяснены и даже не намечены; только путем детального анализа можно приблизиться к их разрешению, и, конечно, те ученые, которые живут в странах, бывших носительницами этой культуры, более других обязаны принять участие в работе. По каждой из наших областей надо создать такой труд, какой существует для освещения роли уроженцев Боснии и Герцеговины в арабско-турецкой литературе. Остается еще третий, быть может, наиболее важный аспект этой же задачи. В странах, куда проникал арабский язык и культура, местными уроженцами создавалась не только традиционная схоластическая письменность на арабском языке, но иногда возникали оригинальные произведения, органически связанные с краем, которые интересны и как литература и как документальный исторический источник. Так было и в Татарии и Башкирии, где целый ряд местных хроник и даже литературных произведений писался на арабском языке еще в начале XX в., в более усиленной степени так было на Кавказе. В целом ряде областей, так, например, в Дагестане, Чечне, Ингушетии, арабский язык почти до 20-х годов нашего столетия служил основным литературным. Бывали моменты, когда количество произведений на нем возрастало чрез-

вычайно — достаточно вспомнить все движение мюридизма, всю эпоху Шамиля. Она отразилась не только в документах, не только в приказах и письмах, но и в настоящих литературных произведениях на арабском языке — в целых поэмах, воспоминаниях, хрониках. Все это полностью не исследовано и не учтено, еле-еле начинает приводиться в известность, отдельными крохами публиковаться. Для истории получается здесь перво-классный свежий, живой материал, но и арабская литература выигрывает не меньше. Несомненно, что при настоящем историко-литературном анализе этой области мы получим новую главу общей истории арабской литературы, главу оригинальную и насыщенную содержанием, не только никем не написанную, но никем даже не задуманную. Задача важная и достойная и с ней тоже медлить нельзя.

Два вывода вырисовываются у меня из всего изложения. Прежде всего, нельзя работать в отрыве от мировой науки. Наш арабист в каждый данный момент должен быть осведомлен о том, что делается и на Западе и на Востоке.

Между тем задачи, стоящие перед нашим арабистом, больше и сложнее, чем перед его западными коллегами. Советский арабист должен иметь свое лицо и должен уметь с достоинством высказать свое мнение по всем вопросам, волнующим науку в данный момент. Он должен подкреплять свое мнение всей полнотой научных выводов современности, быть в них полным хозяином. Иначе голос его прозвучит слабо и только уронит его престиж и, что хуже, уронит престиж не только его одного. Но этого мало, — на советском арабисте лежит долг участия не только в разработке обще-литературных вопросов; именно он должен осветить те области арабской письменности, которые связаны непосредственно с СССР. Задача эта еще более трудная, уже потому, что она не только не разработана, но часто и не осознана. Здесь все время надо идти по целине, не только намечать пути, прокладывая дорогу, прорубая лес, но и выработать технику, выяснять массу возникающих проблем.

В связи с этим ясен и второй вывод. Для всех намеченных работ нужны специально подготовленные люди и притом не в таком количестве, которым мы располагаем теперь; иначе положение останется прежним, и мы окажемся за бортом движения науки. Для подготовки таких людей прежде всего необходимо сознание, что они нужны, как нужна та область, которой они занимаются; все остальное тогда удастся осуществить. Подготовка их, конечно, сложна и длительна; к этому надо быть готовым. Однако крупный почин уже сделан: два года тому назад Ленинградский институт философии, лингвистики и истории с восстановлением кафедры семитических языков возобновил прерванное почти на десять лет самостоятельное научное преподавание арабского языка, возобновил на широкой семитологической базе с четырехлетним курсом истории арабской литературы в таком масштабе, как раньше не практиковалось. Но это лишь первый шаг: специальности, нужные нам в Союзе, настолько разнообразны

и настолько сложны, настолько мало разработаны, что подготовить к ним в течение хотя бы пятилетнего курса высшего учебного заведения невозможно. По окончании его необходима особая специализация с учетом всех потребностей нашей арабистики в области литературы, с установлением комплекса всех смежных областей, нужных для овладения специальностью, с предвидением трудностей, которые встретятся в никем совершенно не исследованных сферах. Подготовка нужна длительная и трудная, так как нам надо решать те задачи, которые стоят в СССР перед историками арабской литературы. Задачи великие, но достойные, и в такой же мере они достойны нашей великой страны.

Ленинград
8 июня 1935 г.

А. ЯКУБОВСКИЙ

ИРАК НА ГРАНИ VIII—IX вв.

(ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ХАЛИФАТА ПРИ АББАСИДАХ).

Уже самое название темы для доклада, рассчитанного только на час, указывает на его обобщающий характер. Перед докладчиком стоит соблазнительная и ответственная задача вскрыть наиболее яркие черты общественного строя халифата на материале, относящемся по преимуществу к Ираку конца VIII и начала IX вв. Хотелось бы рассеять одно неправильное, но распространенное мнение о традициях русской арабистики, будто бы совершенно чуждой обобщающей мысли. В известной мере, как раз наоборот. Крупнейший глава русского востоковедения и в частности арабистики конца XIX и начала XX вв. В. Р. Розен, при всей своей любви к разным видам описательной и аналитической работы, всегда подчеркивал важность научных обобщений. По его мнению на каждом этапе знания необходима обобщающая мысль, которая, подводя итоги прежде добытым фактам, опираясь на свежий материал, делает выводы, которые продвигают данную дисциплину вперед. „Сделанные на основании этого материала обобщения, — писал В. Р. Розен, — могут впоследствии, по открытии новых памятников, оказаться не вполне верными, но воздерживаться от всяких обобщений до приведения в известность всех сохранившихся памятников, тоже невозможно“.¹ В. Р. Розен не ограничивал ценность обобщающей мысли только узкими рамками той дисциплины, в которой она родилась. Эту черту В. Р. Розена отметил еще Н. Я. Марр в своей статье „Барон В. Р. Розен и христианский Восток“. Остановившись на его замечательных „*Remarques sur les manuscrits orientaux de la collection Marsigli à Bologne...*“, Н. Я. Марр делает выписку из них, которая показывает насколько широко было научное мировоззрение этого поистине крупнейшего востоковеда. „Уже понято, что история человечества будет фрагментарна, доколе не будет изучена история азиатских народов; уже понято, что искание исторических законов, управляющих судьбами человеческого общества, останется довольно бесплодным трудом, доколе оно будет базироваться на сравнительно ограниченном количестве фактов

¹ В. Р. Розен. Сведения о памятниках грузинской словесности А. А. Цагарели. ЗВО, т. I, стр. 148.

одной европейской жизни“.¹ Думается, приведенных взглядов достаточно, чтобы представить какое место занимало обобщение в научном мировоззрении В. Р. Розена. Арабистика сейчас накопила огромное количество фактического материала, но не использовала в смысле выводов и одной десятой находящегося в ее руках богатства. Более того, мимо некоторых из хорошо известных науке источников исследовательская мысль прошла чуть-чуть их коснувшись, не говоря уже о том, что целый ряд фактов в опубликованных источниках и совсем не обратил на себя внимания. Есть основания думать, что слова эти относятся прежде всего к темам, аналогичным затронутой докладчиком.

В истории халифата Ирак занимает совершенно особое место. В известном отношении это наиболее сильная и наиболее слабая точка арабского государства. Наиболее сильная, поскольку Ирак — самая богатая производительными силами область халифата, наиболее слабая, ибо Ирак — центр постоянной оппозиции против омейядов и связанной с ними Сирии. В течение целого столетия, еще даже до прихода к власти Моавии, здесь начала скапливаться та энергия недовольства омейядской политикой, которая привела к гибели не только последнюю, но и ее носителей. Едва ли будет преувеличением сказать, что в Ираке с исключительной четкостью определились все главнейшие противоречия, которые были в халифате, как он сложился на базе старой культуры переднеазиатских областей в условиях захвата политической власти вышедшим на историческую сцену арабским народом, руководимым своими энергичными вождями. Кто хоть немного задумывался над указанными противоречиями внутри самого халифата, опираясь на исключительный по своему богатству фактический материал, оставленный источниками, по преимуществу арабскими, должен признать, как действительно сложна была социальная обстановка в странах под арабской властью. Мы имеем здесь дело не с одними только классовыми противоречиями, которые в условиях антагонистических обществ играют основную роль, но и с пестрым этническим составом населения, где завоеватель ставит покоренные народы, не принявшие еще ислама, в неравноправное с собой положение, наконец, с явными привилегиями одной области халифата (Сирии) над другими, за счет которых она хотела жить. Принимая указанное обстоятельство во внимание, станет совершенно ясным, что именно в Ираке, где эти сложные противоречия были наиболее ярко выражены, должны скапливаться оппозиционные силы, огромные количественно, сильные качественно, которые выхода из тупика искали в революционном действии, конкретное содержание которого в каждый данный момент определялось фактической обстановкой текущего политического момента. При определении силы и действенности оппозиционных настроений в Ираке следует учесть и те культурные традиции, которые накопились за долгие

¹ Приложение к т. XVIII ЗВО, стр. 9: Н. Я. Марр. Барон В. Р. Розен и христианский Восток.

века существования этой примечательной области. Не трудно понять, какое значение имели такие факты, как не умершие традиции древней Вавилонии, как огромный опыт, пережитый от ахеменидов и до блестящего периода сасанидского Ирана включительно, осложненный к тому же наличием культурной работы соседней Сирии.

Сложные явления религиозного творчества в обстановке слагающегося феодального общества — зороастризм, христианство, манихейство, различные ереси в них, наконец, маздакизм как революционная теория угнетенных масс, облеченная в форму религиозного учения, как и полагается всем концепциям феодального общества, — все это жило интенсивной жизнью в Ираке, сопротивлялось исламу, а если и принимало последний, то только внешне, по существу стараясь изменить его идейное содержание, приспособить к нуждам и привычным взглядам.

В арабской исторической литературе не раз ставился вопрос: что толкало арабов к завоеваниям? Один из наиболее глубоких ответов мы найдем у автора „Книги о харадже“, написанной для халифа Харун-ар-Рашида (786—809). Слова, приводимые им по этому поводу, приписаны халифу Омару I (634—644), который будто бы сказал: „Мусульмане едят их (покоренных), пока они живы; когда мы и они умрем, наши дети будут есть их детей, пока они живы“.¹ В данном случае совершенно неважно, в какой мере можно действительно приписать слова эти Омару I. Важнее другое: так думали, так объясняли себе факт арабского завоевания люди, жившие в первые века ислама. В сознании культурного араба, принадлежащего к господствующему классу, прочно сидела мысль, что завоеватели из поколения в поколение живут за счет трудящегося населения покоренной страны.

При описании и анализе общественных отношений того времени указанное обстоятельство приходится принимать прежде всего во внимание. Мы ничего не поймем в классовой борьбе в первые века халифата, если пройдем мимо этого факта. В качестве недовольной, оппозиционно настроенной силы против омейядского халифата будет выступать не только раб, земледелец, ремесленник, но земледелец-иноверец (христианин, иудей, зороастриец), ремесленник-иноверец и даже иногда иноверец купец и феодал. Внешнее выражение это неравноправное положение покоренного населения находит прежде всего в одежде.² Своеобразие омейядской эпохи в отличие ее от аббасидской заключается в следующем. Во главе господствующего класса халифата стоят арабские верхи, пользующиеся максимальными привилегиями по сравнению с местными феодалами, иноплеменными (иранцы, армяне, сирийцы и т. д.) и иноверными (зороаст-

¹ На это место у Абу-Юсуфа-Якуба впервые обратил внимание Lamtens в „La Syrie“, стр. 60.

² Абу-Юсуф-Якуб. Книга о харадже, см. главу, *فصل في لباس اهل الذمة و زيهم*, стр. 72—73, литогр. изд. Булак, 1302 г. хиджры. Литература кроме того указана во французском переводе Абу-Юсуфа-Якуба, сделанном E. Fagnan, Paris, 1921, стр. 195, прим. 2.

рийцы, христиане, манихеи и т. д.). На Востоке, как и всюду при феодализме, завоеватели находили общий язык с господствующими слоями общества покоренной страны за счет трудящегося населения, однако это не мешало им ставить себя в совершенно особые условия. Нужно только вспомнить хараджную систему, на которой держался халифат, чтобы понять, что главная доля произведений труда покоренного населения шла на содержание верхушки завоевателей. Это обстоятельство не могло не влиять на положение и настроение всех элементов покоренной страны. В Ираке все трудящееся население, которое при омейядах рассматривалось только с точки зрения своей способности выплачивать налоги, прекрасно понимало, что его эксплуатируют не только как раба, крестьянина и ремесленника, но и как иноплеменника, к тому же завоеванного, и, наконец, как иноверующего. В какой-то доле должен был быть недоволен и купец и феодал-земледелец неарабского происхождения. Когда-то полный хозяин своих земель, монополюльно эксплуатировавший трудящееся население данной страны или области, он теперь находится на милости у победителя араба. Ни одна область халифата не чувствовала себя обиженной по этой линии при омейядах в такой мере, как Ирак. Халифы, двор, гвардия, войско, чиновничество, наконец, высшие слои ряда арабских племен, живущих в Сирии и связанных с омейядами, поставили целую часть халифата — Сирию в привилегированное по сравнению с другими областями положение. Сюда свозились все богатства покоренных стран; харадж в ренте натурой и деньгами в огромной своей доле шел именно сюда и здесь по разным каналам двигался, не выходя за пределы Сирии, в карманы близких власти феодальных групп. Ирак был одной из богатейших областей молодого арабского государства; весь изрезанный каналами, многие из которых были судоходны, усаженный садами, пальмами, обильный хлопком и рисовыми полями, озелененный частыми участками густой и сочной люцерны, он политическими условиями поставлен был в необходимость жить не для себя, даже не для своего господствующего класса, а для Сирии, для тех, кто считал себя находящимся на верхушке общественной лестницы, сидящим у самого трона халифов. С первых же дней халифата, еще даже до омейядов, Ирак был поставлен в положение, когда население не могло рассчитывать на получение в пользование продуктов своего труда. Более всего для этого сделал, конечно, Омар I. Сколько бы ни продолжались споры по вопросу — запрещал или нет Омар I арабам приобретать земельную собственность в завоеванных странах, хотя В. В. Бартольд показал всю несостоятельность подобного взгляда,¹ — все же остается бесспорным, что Ирак с первых же лет завоевания рассматривался как область, где преобладали хараджные земли, т. е. такие, которые в первую очередь приносили большие доходы казне. Вышеотмеченное положение Ирака в омейядский период опреде-

¹ В. В. Бартольд. Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности. Христ. Восток, т. VII, стр. 224—225.

дло на целое столетие и его отношение к халифату, династии и Сирии. Вот почему в этой цветущей области, в этом центре государства мы видим неиссякаемый очаг волнений, восстаний, которые ставят халифат не раз на край пропасти. Сюда собираются со всех сторон все недовольные существующими порядками элементы, здесь они формируются в вооруженные отряды, находят себе вождей, готовые программы и руководящие идеи. Шиитские движения сменяются хариджитскими, иногда сосуществуют с ними во времени, часто соперничая в перспективах захвата власти. К сожалению, еще не проделана необходимая работа по тщательному анализу каждого из этих движений с классовой точки зрения. Даже наиболее напряженный период борьбы Ирака с Сирией и омейядами, падающий на царствование Абд ал-Мелика, несмотря на существующие о нем работы,¹ не может считаться изученным с точки зрения классового анализа событий. Таковы огромного размаха шиитское движение во главе с ал-Мухтаром (685—687), хариджитское — во главе с Шабибом, разгромленное в 696 г., или мощное восстание Абд ар-Рахмана ибн-Ашаса, ликвидированное в 701 г. Нужны были напряженные усилия центральной власти, нужен был, наконец, Хаджджадж и связанная с ним целая система мероприятий, чтобы наложить узду на Ирак.

Хаджджадж — это не случайность; или Хаджджадж с его суровой, жестокой рукой, или Ирак, который в любой момент может опрокинуть омейядов с их политикой. По всей вероятности, цифры о 130 000 казненных рукой палача, о 50 000 мужчин и 30 000 женщин, находящихся в тюрьмах в Ираке к моменту смерти Хаджджаджа,² преувеличены в несколько раз, однако каково бы ни было их настоящее число (и в действительности они выражались десятками тысяч), казни, тюрьмы, террор — это система, программа утверждения ненавистной власти омейядских властителей, которые перекачивали большую часть продукта цветущей области в Сирию. Нельзя не отметить одного характерного факта: в Ираке восстания всегда подавлялись сирийскими войсками, причем по большей части кайситскими. И только, по существу, один раз сирийские войска оказались совершенно ненадежными. Имею в виду уже разложение Омейядского халифата при Мерване II (744—750), когда в Ираке были расположены сирийские гарнизоны, составленные в большинстве своем из йеменитов (кельбитов). Самый факт обращения в опасные моменты к сирийским войскам указывает, насколько они были связаны одними интересами с омейядской династией и насколько все иракские элементы были для последней ненадежны. Более ста лет продолжалось господство Сирии над Ираком, да и вообще над всеми областями халифата. К середине VIII в., как известно, соотношение в корне изменилось, Ирак из центра оппозиции, из области, которую власть рассматривала только как домэн, приносящий доходы, превратился в центр халифата. При аббасидах Ирак

¹ См. Jean Périer. *Vie d'al - Hadjdjâdj ibn - Yousof*, Paris, 1904.

² Ук. соч., стр. 314. Здесь в прим. 3 даны ссылки на источники.

встал на место поверженной Сирии и по первоначальному замыслу руководителей аббасидского движения должен был стать центром государства, где хозяевами являлись не одни только представители арабской феодальной аристократии, а где рядом с ними у самого трона халифов, на самых ответственных административных должностях встали представители феодальной знати поверженного арабским завоеванием сасанидского Ирана. Едва ли не наиболее глубоким замечанием в источниках по вопросу об аббасидском перевороте 748—750 гг., если брать его в идеологических явлениях, будут слова Ибн-аби-Тахира, автора одного из астрологических сочинений (ум. в 280 г. хиджры = 893 г. н. эры), приведенные В. Р. Розеном в его рецензии на книгу *Alberunis India*, изданную проф. Ed. Sachau в 1887 г. Вот эти слова: „и вот поэтому власть перешла при ней (т. е. при указанной констеляции. В. Р.) от омейядов к аббасидам, и отошла вера магов от дихканов, и они приняли ислам во время Абу-Муслима, и была эта перемена (веры) похожа на начало (новой) религии“ (т. е. по важности и по значению этот переворот может быть уподоблен перевороту вследствие основания новой религии).¹

Слова Ибн-аби-Тахира дают нам указание (это отметил уже В. Р. Розен), что по существу только при аббасидах господствующий класс феодального Ирана, да и то только в компромиссной форме, принял ислам. До середины VIII в., т. е. в течение целого столетия, ислам мало захватил Иран, если не считать того успеха, который он имел в среде городского населения, главным образом среди купечества и отчасти ремесленников. При омейядах феодалы Ирана, стоящие в стороне от власти, не имели никаких стимулов к принятию ислама, и были, по-прежнему, зороастрийцами. Еще более решительно это можно сказать об иранском крестьянстве. Как мы увидим ниже, оно уже совсем не питало склонности к восприятию новой религии и долгое время не только при омейядах, но и при аббасидах, держалось своих старых верований, по большей части в форме различных ересей, связанных в той или иной мере с маздакизмом. Да и какого другого отношения можно было ожидать от масс сельского населения к исламу, который в их сознании был идеологическим выражением арабского господства, с его хараджной системой, изымающей у сельского земледельческого населения около $\frac{1}{2}$ продуктов его тяжелого труда?

Слова Ибн-аби-Тахира имеют огромную значимость. Он прекрасно понимал, что в халифате произошли какие-то крупные перемены, раз в религиозной сфере наметился массовый отход от прежних религиозных воззрений. Для крутого поворота в сознании людей должна была быть соответствующая база, на основе которой и мог произойти переворот. Базой этой и явился политический компромисс, т. е. привлечение иранского дехканства, особенно его аристократии, к управлению страной.

¹ ЗВО, т. III, стр. 155—156.

Если взглянуть в перспективе на первое столетие аббасидской власти, нельзя не заметить, как это уже не раз и отмечалось в исторической литературе, что представители иранских феодалов становятся активными руководителями всей внутренней политики аббасидов. Особенно ярок пример с целой династией таких руководителей, как Бармекиды — выходцы из Балха.¹ Эти сказочно богатые восточно-иранские феодалы захватили все наиболее важные места по центральному и провинциальному управлению, играя роль первых людей при Мансуре (754—775), Махди (775—785) и Харун ар-Рашиде (786—809). В течение полстолетия представители этого дома — Халид, Яхья, Фадл и Джа'фар, пока при Харун ар-Рашиде не разразилась с ними катастрофа, медленно, но верно держали курс на то, что впоследствии осуществили тахириды и саманиды. Сошли со сцены одни, пришли другие, но пришли из той же среды и с теми же стремлениями. „После воцарения Мамуна (813 г.) Тахир, — по словам В. В. Бартольда, — был назначен наместником ал-Джезиры (Месопотамии), военным начальником Багдада и заведующим натуральными повинностями в Саваде (Ираке)“.² Если внимательно проследить имена наиболее ответственных чиновников аббасидского государства, станет ясно, в чем на самом деле исторический, т. е. классовый смысл движения Абу-Муслима, приведшего к аббасидам. Если омейядский халифат и можно назвать арабским, то аббасидский следует именовать арабско-иранским.

В том и другом случае господствующим классом были феодалы, только во втором периоде мы имеем расширение круга господствующего класса в сторону включения иранских элементов, причем на определенный период с явным преобладанием последних. Общеизвестно, какое это имело значение в смысле сложения самых форм государственного устройства. Здесь наблюдается самое широкое использование на новой, правда, базе традиций и опыта сасанидской государственности. Что же от аббасидского переворота получили народные массы, которые такое деятельное участие принимали в движении Абу-Муслима? Ни одно из обещаний аббасидских пропагандистов исполнено не было. Быть может никто, как В. В. Бартольд, который в течение ряда лет читал студентам Петербургского, потом Ленинградского университета лекции по истории халифата, к сожалению, не воплощенные им в напечатанный курс, не сумел так ярко наметить противоречия, которые быстро вскрылись в халифате на этом новом этапе. По его не раз высказываемым словам, программная речь аббасидов, произнесенная представителем династии в Куфе еще в 749 г. с обещанием народу не возводить новых построек, не проводить новых каналов, не взимать тяжелых налогов и сделать Куфу — центр постоянных движений против омейядов — столицей халифата, была только необходимым демагогическим приемом. Трудящиеся массы — земледельцы и ремесленники — не получили ничего кроме ухудшения своего положения. Требо-

¹ Encyclopédie de l'Islam. В. В. Бартольд, *Barmakides*, стр. 680—683.

² В. В. Бартольд. *Туркестан*, ч. II, стр. 214.

вания аббасидской казны к плательщикам налогов (особенно хараджа) не уменьшались, а возрастали буквально с каждым годом. Ирак, ставший центром аббасидского халифата, не стал счастливее, чем при омейядах. Правда, здесь была основана новая столица, знаменитый Мединат ас-Селам — Багдад; сюда, а не в Сирию и Дамаск, как при омейядах, стекались огромные поступления со всех концов государства, однако все это шло только на потребу узкому кругу близких двору и династии феодалов. Аббасиды не разрешили противоречий, которые раздирали халифат, особенно, Ирак. В известной мере противоречия даже обострились. Если в омейядский период общая ненависть к Сирии и Дамаску, как символам угнетения арабских феодальных верхов, могла на время объединить классово-враждебные элементы Ирака, то при аббасидах, когда иракские феодалы стали хозяевами положения, трудящиеся массы получили возможность ясно видеть, где их настоящие враги. В. В. Бартольд в своих лекциях по истории халифата это обстоятельство особо подчеркивал, говоря что шиитские движения со времени аббасидов становятся более демократичными. На самом деле, не на омейядский, а именно на аббасидский период падают, главным образом, крестьянские движения почти по всему халифату, особенно в его восточных областях. Характерно, что наиболее напряженным временем в этом отношении является конец VIII и первая половина IX вв. Вспомним только восстания Муканны в Средней Азии при Махди (775—785)¹ и Бабека в Арране (816—838)² — эти поистине примечательные явления классовой борьбы в истории феодального общества на Востоке. Оба движения направлены не только против власти с ее суровым прессом хараджной системы, но и против самых основ феодального общества. Характерно, что оба движения, как многие другие этого периода, проникнуты вновь оживившимся маздакитскими идеями. Насколько быстро аббасиды потеряли доверие народных масс, насколько они сами проявляли боязнь непосредственного соприкосновения, даже простого соседства с ними, видно хотя бы из истории построения и устройства города Багдада. Известно, что аббасидские эмиссары обещали сделать Куфу столицей халифата, но это обещание не было исполнено, ибо уже с первых дней существования новой власти ясно было, что Куфа — ненадежный центр: слишком много было в ней оппозиционно

¹ Муканна см. Нершахи, изд. Schefer, персидский текст, стр. 63—74, русский перевод. Лыкошина, стр. 84—96; Якуби, BGA, VII, стр. 304; Табары, сер. III, т. I, стр. 484, 494; Ал-Бируни, Хронология, араб. текст, стр. 211, английский перевод стр. 194; Низам ал-Мульк, изд. Schefer, персидск. текст, стр. 198—199, франц. перевод, стр. 290; Ибн ал-Асир, т. VI, стр. 25—26, 34—35.

² Бабек, см. Абу-Ханифа, стр. 397—401; BGA, VII, Якуби, стр. 272; Табары, сер. III—т. II, стр. 1015, 1039, 1045, 1101, 1171 и сл., 1186 и сл. Maçoudi, VII, 62, 123 и сл.; Nizam-oul-Moulk, изд. Schefer'a, персидск. текст, стр. 200 и сл.; Ибн ал-Асир, VI, стр. 231, 315 и сл., 325 и сл., 337; Ибн-Халдун, 'Ибар, III, стр. 258—262; Ибн ан-Надим, Фихрист, стр. 343—344. Указанные источники дают главные материалы, но не претендуют на полноту.

настроенных элементов. Одно время предполагалось, что столица будет устроена в Хашимии недалеко от Куфы. Во всяком случае так думали при ас-Саффахе и даже в первые дни царствования ал-Мансура. Однако от этой мысли вскоре пришлось отказаться по той простой причине, что жители соседней Куфы, всегда недовольные властью, могли дурно влиять на находящиеся вблизи от резиденции халифата войска. Во всяком случае об этом вполне определенно говорит Ибн ат-Тиктака¹. Так в поисках места дошли до ближайших окрестностей развалин знаменитой столицы сасанидского Ирана — Ктезифона. Заложенный здесь круглый город, план которого был тщательно, до мелочей, продуман с точки зрения максимальных гарантий в отношении личной безопасности халифа, его родни и высших представителей власти, вскоре все же был признан ненадежным. Ал-Хатиб ал-Багдади (ум. в 1071 г.) в своей истории Багдада рассказывает нам в этом отношении интересные вещи. Согласно первоначальному замыслу центральный базар помещался в пределах круглого города. Однако уже через одиннадцать лет после основания, а именно — в 157 г. хиджры, ал-Мансур перевел базар в предместье Керх. Ал-Хатиб ал-Багдади особо подчеркивает, что причиной этого была боязнь, что ремесленники и мелкие торговцы окажутся источниками народного недовольства и даже волнений. Он даже приводит конкретный случай. „Наступил 157 г. — Абу-Джа'фар назначил в это время Яхью бен-Закария на должность заведующего счетоводством. Этот последний соблазнил простой народ и внушил ему восстать. Абу-Джа'фар убил его за это у ворот аз-Захаб и перевел рынки ал-Медины к воротам ал-Керха...“² Любопытно, что когда ал-Мансур переводил рынки на новое место и собственноручно намечал топографию размещения по кварталам каждого вида ремесла, он будто бы сказал: „Устройте рынок мясников (سوق القصابين) и поместите их на краю базаров, так как они безрассудные и в их руках находится режущее железо“.³ Ремесленники в глазах ал-Мансура были настолько опасны для спокойствия столицы, что он, по словам того же ал-Хатиба ал-Багдади, приказал выстроить для жителей рынков специальную пятничную мечеть и запрещал им входить в ал-Медину, т. е. в центральные части города.⁴ Если эти факты так отчетливо выявились в самом начале аббасидской власти, то что говорить о более позднем времени, когда классовые противоречия углубились до крайности? Нет ничего удивительного в том, что большинство халифов только номинально будут считать Багдад своей столицей. Фактически они в нем не живут и даже избегают в нем появляться.

¹ См. ал-Хатиб ал-Багдади. L'introduction topographique à l'histoire de Bagdâdh. Изд. G. Salmon, стр. 76—77. Здесь в примечании к слову „Al-Hâshimyya“ говорится: „Elle fut fondée par As-Saffâh, mais Al-Mansouîr, son successeur, l'abandonna, craignant le voisinage de Koufiens, qui cherchaient à semer la discorde dans son armée.“ Cf. Ibn at-Ṭiḡṭaka, op. cit., p. 217.

² Указ. соч., арабский текст, стр. 20, французский перевод, стр. 98.

³ Указ. соч., арабский текст, стр. 22, французский перевод, стр. 99.

⁴ Указ. соч., арабский текст, стр. 22.

Никогда, пожалуй, классовые противоречия в аббасидском халифате не вскрывались так ярко, как при Мамуне (813—833). Об этом времени можно написать одну из увлекательнейших книг по истории человеческого общества, настолько каждый день здесь наполнен движением, борьбой, которая происходила на всех участках материальной и духовной жизни. В области духовной культуры в начале IX в. халифат находился в расцвете своих сил. Казалось, можно говорить о культурном превосходстве халифата даже перед Византией и Багдада над Константинополем. Продуктивная духовная жизнь халифата, особенно Ирака, протекала однако, как уже сказано, в условиях сложных, непримиримых противоречий. О них следует сказать хотя бы несколько слов. Аббасиды не смогли установить даже простого мира в рядах господствующего класса. Запад и восток халифата, арабская феодальная аристократия и иранская ее параллель — не могли поделить ни самой власти, ни доходов, получаемых с многочисленных масс огромного государства. Только под этим углом зрения можно понять ту трагическую для страны и, особенно, Багдада борьбу, которая в течение нескольких лет происходила между Амином и Мамуном, сыновьями Харун ар-Рашида. Как и при Абу-Муслиме победа оказалась за Востоком. Вместе с Мамуном в поверженный, разрушенный Багдад, который так замечательно описан поэтом из Согда ал-Хурейми,¹ пришли тахириды и саманиды, пришли на этот раз прочно, чтобы не выпустить власти над халифатом, во всяком случае над восточными его областями из рук иранской феодальной знати. В своих упомянутых лекциях В. В. Бартольд со свойственным ему глубоким пониманием событий, хотя и не поднявшимся еще на уровень марксистского анализа, сумел наметить главные линии происходящего. Позволю себе дать его схему, несколько углубив и детализовав ее. Установление власти иранской феодальной аристократии привело только к обострению отношений с народными массами. Движения в Куфе, Басре, Мекке, Медине, шедшие под шиитскими лозунгами, имели мало общего с тем, что было при омейядах и в первые годы при аббасидах. Главная действующая сила этих движений — саалики (по определению арабских источников), а по существу крестьяне и ремесленники; столь же напряженная обстановка была на востоке халифата. У феодальной аристократии Ирана во главе с Мамуном, кстати сыном персианки, не было никакой уверенности в завтрашнем дне. От края и до края халифат находился в огне крестьянских восстаний, и вот, в этот момент, Мамун при поддержке определенных феодально-иранских групп в лице известного в его эпоху Фадла ибн-Сахла идет на крайнюю меру. Он решается вырвать у народных масс зеленое знамя шиитов, отказывается от черного цвета аббасидов, хочет сделать зеленый цвет государственным² и тем самым оттянуть к власти умеренные круги шиитских

¹ Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда, ЗКВ, V, стр. 445—447.

² Мамун в 201 г. хиджры предписал заменить черный цвет зеленым. См. Табари, сер. III, т. II, стр. 1012.

движений. Более того, он объявляет шиитского имама Али ибн-Мусу ар-Риза наследником престола. Одно время казалось, что задача ликвидации народных движений против феодальной власти будет успешно решена, однако действительность оказалась много сложнее, чем он думал. Этот его шаг встретил резкую оппозицию справа в лице известного Тахира, представлявшего круги феодальной иранской знати, да и самый отход умеренных шиитских кругов во главе с Али ибн-Мусой ар-Риза к власти расчистил дорогу более крайним элементам. Земледельцы и ремесленники после убийства Абу-Муслима, т. е. после 755 г., все больше поддаются пропаганде хурремитских или, как их иначе называли, хуррединских эмиссаров,¹ учение которых было насквозь пропитано маздакизмом,² и вместо зеленого цвета в борьбе против халифата и основ феодального общества выкидывают красное знамя.³ Затея Мамуна оказалась неудачной. Заигрывание с умеренно-шиитскими кругами не дало нужных результатов, зеленое знамя было отставлено, на свое место вернулся черный цвет аббасидов, а участники неудачной политической комбинации Фадл ибн-Сахл и Али ибн-Муса ар-Риза заплатились жизнью.⁴ Известно что последний скончался, съев отравленную кисть винограда. Халифу Мамуну не выпало на долю видеть спокойных дней. Несмотря на весь блеск культурной жизни, страна не выходила из потрясений. Восстание Бабека удалось ликвидировать только при преемнике Мамуна Мутасиме (833—842). Еще более опасное движение происходило в Египте. Исключительными мерами было подавлено в 832 г. коптское восстание, захватившее также арабов в восточных районах нижнего Египта. Из всех движений оно, быть может, было наиболее опасным для халифата. Небезинтересно, что то и другое движение подавил Афшин, феодальный князек из далекой Усрушаны (в Средней Азии), находящийся вместе с другими представителями иранской знати у самого трона халифа в качестве одного из близких ему лиц. В конце жизни Мамуна халифат не имел радужных перспектив. Власть не могла найти себе даже покойной резиденции. Мамун совсем почти не жил в Багдаде. Прежний состав гвардии был ненадежен. Пришлось обратиться к туркам. Первое время (при Мамуне) казалось, можно спокойно жить под их охраной. Но, увы, ближайшие годы показали, что здесь таится одна из смертельных опасностей для власти.

¹ О хурремитах много сведений у Табари, интересные данные о них находятся в Сиасет-Намэ Низам ал-Мулька, изд. Schefer'a, персидский текст, стр. 199 и сл.

² См. Motahhar el-Maqdisi, ed. Huart, IV, арабский текст, стр. 31.

³ См. Низам ал-Мульк, Сиасет-Намэ, персидский текст, стр. 199. Очень интересное упоминание есть у Абу-Ханифы под термином *المحمور* стр. 382, а также у Табари, сер. III, т. I, стр. 493.

⁴ Версия Якуби (BGA, VII, стр. 304) гласит об убийстве Фадл ибн-Сахла в бане в Серахсе. Рассказ об отравлении Али ибн-Муса ар-Риза помещен у того же автора, стр. 306. См. также Табари, о смерти Фадл ибн-Сахла, сер. III, т. II, стр. 1027, о смерти Али ибн-Мусы, там же, стр. 1030.

Самарра — этот полувековой эпизод с новой столицей — показала, что аббасиды вступали в период агонии.

Вышеприведенные несколько штрихов из политической жизни халифата и в частности Ирака могут быть поняты лишь на основе марксистского анализа классовой структуры их общественной жизни, что лучше всего можно сделать на материале, относящемся непосредственно к Ираку конца VIII и начала IX вв. Даже небольшого знакомства с историей халифата указанного периода достаточно, чтобы бросилась в глаза одна характерная черта, которую отмечали все исследователи, работавшие по первоисточникам. Черта эта — развитые денежные отношения, которые особенно характерны для западных областей халифата — Ирака, Сирии и Египта. Как бы мы ни относились осторожно к известиям повествовательных источников, хотя многие их данные основаны на архивных материалах, подвергнуть огульному недоверию их сведения не представляется возможным. Говоря о деньгах и денежных отношениях, приходится иметь в виду не только те факты, что купля и продажа в городах происходила в денежной форме (динары и дирхемы), но прежде всего то обстоятельство, что казна халифов, их бюджет складывался в огромной своей доле из денежных поступлений. Пользуюсь случаем напомнить, что глава русской арабистики конца XIX и начала XX вв. В. Р. Розен в своей рецензии на работу Kremer'a „Ueber das Budget der Einnahmen unter der Regierung des Harun al-Rasid“, помещенной в ЗВО, IV,¹ сделал несколько глубоких замечаний по поводу приводимых Kremer'ом бюджетных цифр. Кремер в указанной работе, опираясь на рукопись ал-Джахшярия („Книга везирей и сановников“), из записки, „составленной для везира Яхья ибн-Халида Бармекида“ во времена Харун ар-Рашида, где приведены сметы архивного происхождения, дает цифры бюджета халифата на грани VIII и IX вв. „Общий доход в деньгах равнялся 530 312 000 диргемам. Из них 125 532 000 поступало золотом (5 706 000 динаров), остальные 404 780 000 — серебром. Кроме того поступала масса местных продуктов натурой, ценность которых была весьма значительна, но не поддается точному определению“.²

Не может подлежать сомнению, что такие огромные денежные суммы бюджета могли складываться только на основе податных (главным образом хараджных) поступлений с трудящегося населения огромного государства. Что это именно было так, в востоковедной исторической науке давно известно. Напомню только сведения одного из надежных арабских географов Ибн-Хордадбега, автора IX в. Давая перечень поступлений с округов Савада (Ирака), он пишет (привожу только в порядке примера): „Округ Анбар, рустаков (волостей) 5, риг 250, пшеницы 2300 курр, ячменя 1400 курр, серебра 150 000 дирхемов; округ Катраббул, рустаков 10, риг

¹ Указ. соч., стр. 128.

² Указ. соч., стр. 130. Соотношение динара и дирхема в это время выражалось: 1 динар = 22 дирхемам.

220, пшеницы 2000 курр, ячменя 1000 курр, серебра 200 000 дирхемов¹. Как видно из перечня, сбор повинностей с Савада происходил, согласно Ибн-Хордадбеху, в смешанной форме (деньги + натура). Известно, что это свойственно хараджу типа мисаха,² который тщательно заносит в особые реестры каждый земельный участок как с точки зрения его количества, так и качества земли и характера его культуры.

При поверхностном взгляде может показаться, что развитие денежных отношений есть результат той стадии развития феодального общества, когда имеются налицо все признаки разложения феодализма, а следовательно и перехода к капитализму. Однако такой взгляд был бы глубоко ошибочным. Одним из крупнейших западноевропейских историков халифата Беккером в статье „Steuerpacht und Lehnswesen“, совершенно правильно указано, что денежное хозяйство халифата нельзя понимать как капитализм. По его мнению, халифат в какой-то мере продолжает еще традиции античности, одной из характерных черт которой является развитие денежных отношений.³ Беккер далек от учения об общественно-экономических формациях, однако наблюдение им сделано верно, хотя настоящие причины отмеченного явления им и не поняты, ибо вне учения о социально-экономических формациях понять их нельзя. Мне представляется, что природа денежного хозяйства лежит в специфических условиях восточного феодализма эпохи халифата с неизжитым еще рабовладельческим укладом, с одной стороны, малоземельем и постоянным соседством с кочевым хозяйством, которое стимулирует товарообмен, — с другой. О рабстве в системе общественных отношений халифата нужно ставить вопрос очень четко, ибо вне правильной оценки роли рабства совершенно не понять всех специфических особенностей феодального строя халифата. Позволю себе привести следующие слова Н. Lammens из его работы „La Syrie“:⁴ „Некоторые цифры позволяют представить, насколько велико было у арабов распространение рабства и какую значимость имел рабский труд. Моавия насчитывал 4000 рабов только в своих владениях в Аравии. Jéménite Dhoûl Kala, сирийскому вождю, приписывалось освобождение 10 000 рабов.⁵ Эти несчастные сидели или на землях, которые они обрабатывали, или занимались ремеслами, доход с которых шел рабовладельцу. В последних случаях они платили поденную плату, редко бывшую более низкой, чем один дирхем в день. Жены рабов несли те же обязанности. Освобождение переводило их в сословие maulā, но оно не влекло для них за собой никаких политических прав (привилегий). Им было запрещено жениться на арабских женщинах. Они были обязаны оказывать своим

¹ BGA, VI, арабск. текст, стр. 8.

² См. M. Van Berchem. La propriété territoriale et l'impôt foncier, стр. 45 и сл.

³ Der Islam, V, стр. 81—83.

⁴ H. Lammens. La Syrie, Beyrouth, 1921, стр. 123—124.

⁵ H. Lammens делает ссылку на Ибн-Асакира, V, стр. 271; впрочем, здесь говорится об освобождении 12 000.

бывшим владельцам почет и помощь, их законные наследники, если они умирали без завещания, уступали дорогу самому последнему, самому оборванному арабу (бедуину). Войны, набеги не прекращали снабжать рынок Сирии рабами. Христиане тоже владели рабами. Богатейший Афанасий Bar Goumayé из Эдессы, интендант и советник вице-короля Египта Абдал-Азиза, насчитывал не менее 4000 (рабов)“.

В другом месте, несколько раньше, Lammens пишет: „Ремесла еще с доисламского времени были в презрении у арабов, впоследствии строительное искусство, портняжное, сапожное и т. д. были предоставлены христианам и рабам — последние облагались *dariba*, ежедневной податью с изделий их ремесла. Евреи были красильщиками, дубильщиками, цирюльниками (ставящими пиявки) и занимались другими мелкими ремеслами, презираемыми христианами“.¹

Откуда поступало такое огромное количество рабов? Арабские и сирийские источники, дающие сведения об этой эпохе, приводят массу фактов. Позволю отметить в качестве образца следующий случай. По словам сирийского хроникера Denys de Tell-Machré, „в 228/9 г. Неоцезаря была взята Масламой, который вывел жителей этого города в качестве пленных и продал их в рабство, как животных“.²

Указанный факт — один из многих. Военнопленные — основной источник, откуда в огромном количестве поступали рабы. Однако были и другие каналы, по которым развивалось рабство. Тот же Denys de Tell-Machré рассказывает следующее. В первой половине VIII в. в окрестностях Эдессы был христианский монастырь Мар Хабиль. Монастырь этот как-то не возвратил определенному лицу (арабу) оставленного последним временного вклада (сокровища). Правитель, также араб, приказал продать имущество монастыря, чтобы вернуть сокровище вкладчику, причем постановил: „Если этой суммы будет недостаточно, чтобы их освободить, монахи должны быть проданы, и долг тем самым уплачен. Все население города и целой округи, узнав о жестоком распоряжении, которое было объявлено относительно благочестивых монахов, выражали сильную скорбь по поводу того, что должны продать, как рабов, их братьев и их детей, которые, вместо отречения от мира, должны идти в рабство к язычникам“.³ Можно ли продавать такое огромное количество рабов, если общество знает только одну форму домашнего рабства? Думается, что нет. В полном соответствии с огромными цифрами рабов, находится и тот факт, что в каждом большом городе халифата, а особенно в Ираке, были специальные рынки рабов. Якуби, описывая новую столицу халифата Самарру, основанную при Мутасиме в 838 г., говорит: „Рынок рабов (рақйқ) находится в квартале, в нем помещается отдельный ряд, в котором есть

¹ Н. Lammens. La Syrie, стр. 116—117.

² Denys de Tell-Machré. Chronique, quatrième partie, французский перевод, стр. 24.

³ Указ. соч., стр. 15—16.

худжры (комнатки), клетушки и лавки, предназначенные для продажи рабов¹. О таком же рынке упоминает Якуби и в Багдаде.² О квартале — рынке рабов в Багдаде — говорит и Масуди (дār-ар-рақйқ).³ На рынках этих обучали рабов определенным специальностям. Слова Lamtens о рабах в ремесле, о рабах, переведенных на оброчное положение и обязанных выплачивать dariba, заслуживают особого внимания. Один из известных при дворе Харун ар-Рашида певцов (многие из них выходили из среды рабов), по имени Мескин, рассказал как-то, по словам Масуди, о себе следующее: „Был я прежде рабом, по профессии портным, принадлежал я некоему человеку из дома Зубейра. Лежала на мне в отношении к моему господину повинность (dariba), выплачивал я каждый день ему два дирхема. Когда я заканчивал выполнение лежавшей на мне повинности (dariba), то мог приступить к работе на удовлетворение своих нужд“.⁴ Этот небольшой, но выразительный пример является образцом распространенного в то время явления, когда купленный на рынке раб, обученный какому-нибудь ремеслу, или до того как он стал рабом знавший это ремесло, переводился рабовладельцем на оброк. Огромное количество рабов эксплуатировалось на самых тяжелых видах работ. А. Mez в своей „Die Renaissance des Islams“⁵ приводит со слов берлинской рукописи (IV 7a) „Китāб-ал-‘уйūн“ следующее. Участники восстания зинджей (70-е годы IX в.) принадлежали к тем неграм-рабам, „которые разгребали солончаки у Басры до тех пор, пока не доходили до плодородной почвы. Негрские холмы (холмы из трупов) стоят там, как горы. Десятки тысяч их работало на каналах Басры“. Только принимая во внимание вышеприведенные факты, можно будет понять следующее замечательное место из „Книги о харадже“ Абу Юсуфа-Якуба. „Ты спрашиваешь, о эмир правоверных (Харун ар-Рашид), о беглых рабах и рабынях, которые препровождаются в руки правителей всех областей (халифата). Действительно, число этих рабов велико, и они заключены в тюрьмах каждого большого и малого города, и не приходит за ними никто, кто бы искал их. Поручи (о эмир правоверных) человеку, достойному доверия, чьей верой и надежностью ты удовлетворен, дело о продаже рабов, заключенных в тюрьме твоей столицы Мединат-ас-Селам (Багдада). Напиши (вместе с тем) должностным лицам с судебными функциями в больших и малых городах, чтобы они выявили — кто раб, а кто рабыня, и чтобы спрошен был каждый из рабов о его имени, о имени его владельца, из какой кто страны и где проживает его владелец, и из какой он (раб) народности и чтобы все это было записано в (особый)

¹ BGA, VII, стр. 260.

² Указ. соч., стр. 248.

³ Maçoudi. Les prairies d'or, VI, стр. 459.

⁴ Указ. соч., VI, стр. 343—344.

⁵ A. Mez. Die Renaissance des Islams, стр. 162.

реестр. Записано должно быть имя определенного раба, его физические качества, его рабочая специальность, год, месяц, когда он убежал, и год, месяц, когда он был пойман, а также его возраст“.¹

Тюрьмы городов халифата и особенно Ирака были не случайно наполнены беглыми рабами. Вот что рассказывает упомянутый выше сирийский хроникер Denys de Tell-Machré: „В ту эпоху многие рабы (esclaves)² сговорились тайно, собрались в числе около 500 человек — Medes, Sindhiens et Khasares, взяли за оружие и вторглись среди бела дня в Харран.³ Они направили свои усилия на царскую казну и прошли мечом по всему, что встречали на своем пути“.⁴ Рабские восстания — частое явление в халифате; возникая то тут, то там они иногда достигают больших размеров, пока не закончатся грандиозной войной рабов в 869 г., о которой еще в 90-х годах написал статью Нельдеке.⁵ Рабство в халифате и особенно в Ираке, как это видно из фактов, мной приведенных, далеко выходило за пределы домашнего. Рабы работали на искусственном орошении, в рудниках, на добыче селитры и в разных видах ремесл. Принадлежали рабы как частным лицам, так и государству; рабы, о которых упоминает „Китāб-ал-‘уйūн“, принадлежали государственной власти. Однако было бы огромной ошибкой сделать вывод, что халифат был рабовладельческим обществом, ибо анализ остальных сторон общественной жизни определенно вскрывает, что мы имеем дело с действующими феодальными отношениями. Рабство — только уклад, но уклад, имеющий огромное значение для социально-политической и культурной жизни арабского государства.

Совершенно особо стоит вопрос о крестьянстве в условиях халифата. Нельзя переносить наши обычные представления о непосредственном производителе сельского хозяйства, как они сложились на изучении европейского феодального общества, на земледельца стран Востока. Искусственное орошение и связанное с ним малоземелье есть такой факт, который накладывает свой собственный отпечаток на все восточное общество. Земледельческий труд не ограничивается фигурой крестьянина, обрабатывающего землю в условиях сельской общины. На ряду с ним мы имеем и ипольщика, который может быть совсем не связан с последней, хотя очень часто в одном и том же лице соединяется то и другое. К сожалению, мы еще мало изучили источники, поскольку они говорят о сельской общине в Ираке. Пока можно только констатировать факт их существования.

Все сельские общины обрабатывали земли, которые считались собственностью государства, платя за них харадж. О харадже писали много,

¹ Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, изд. Булак, стр. 113.

² Перечисление указанных народностей подчеркивает, что термин „esclaves“ говорит о рабах.

³ Харран — город в Месопотамии на р. Гуллабе.

⁴ Chronique de Denys de Tell-Machré, стр. 99.

⁵ Th. Nöldeke. Orientalische Skizzen. Ein Sklavenkrieg im Orient, стр. 153—185.

но и по настоящее время в западноевропейской и нашей литературе существует не мало спорного в трактовке отдельных сторон этого вопроса. Известно, что харадж делился на несколько видов. Наиболее распространенные из них: 1) харадж в форме мисаха и 2) харадж в форме мукасама.

1) Харадж мисаха, т. е. такой харадж, который взимался с земель измеренных, занесенных в кадастровые книги, причем с определенной единицы определенного качества земли взималось в смешанной форме определенное количество в натуре и дирхемах. При омейядах большая часть земель в Ираке принадлежала к этой категории.

2) Харадж мукасама, т. е. такой харадж, который выражался в определенной доле урожая. Два эти вида хараджа были известны еще сасанидской эпохе. Харадж, который был до Кавада I (488—531) и при Каваде, есть харадж мукасама; харадж, введенный Хосроем Ануширваном, есть харадж мисаха. Институты старые,¹ только термины новые арабские. При аббасидах в Ираке харадж вновь (правда не всегда) стали собирать в форме мукасама. До Кавада харадж в форме мукасама взимался от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{10}$ доли урожая в зависимости от качества земли и близости ее от городов. Абу Юсуф-Якуб в конце VIII в. в своей „Китаб ал-харадж“ советует Харун ар-Рашиду взимать харадж мукасама на следующих началах. Крестьянин — возделыватель пшеницы и ячменя — должен выплачивать $\frac{2}{5}$ на землях, орошаемых каналами; на землях же, орошаемых помощью колес, — $\frac{3}{10}$.² Возделыватель фиников, винограда, клеверных полей, садов должен выплачивать $\frac{1}{3}$ урожая. Абу Юсуф-Якуб, большой сторонник хараджа мукасама, считает его наиболее выгодным для обеих сторон и придерживается по ряду соображений более мягкой политики к крестьянству, чем это практиковалось в действительности. На самом деле взимание хараджа мукасама колебалось между $\frac{2}{5}$ и $\frac{1}{2}$ всего урожая, если возделыватель обрабатывал поля, орошаемые каналами, под пшеницей и ячменем.

Как заботливо государство охраняло свои интересы в области взимания натуральных налогов с непосредственных производителей сельского хозяйства, можно увидеть из того факта, что правительственные чиновники должны были зорко следить за тем, чтобы крестьяне не пользовались хлебом раньше, чем не сдадут налог в казну. В этом отношении очень интересно то место из „Книги о харадже“ Абу Юсуфа-Якуба, где он рассказывает о существующей практике в этой области и где дает советы, как наиболее выгодно построить взимание натуральных повинностей. Характерно, что и сама книга посвящена Харун ар-Рашиду. Вот что пишет наш автор: „Отдай распоряжение (о, эмир правоверных!), чтобы жатва и обмолот производился в тот момент, когда хлеб уже созрел, и чтобы не задерживали хлеба по окончании жатвы больше того времени, которое нужно

¹ Так смотрели и сами арабы: BGA, II, стр. 217—218; Абу-Ханифа Динавери, стр. 72—73; Табари, сер. I, т. II, стр. 960—963; Белазури, стр. 228.

² Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 28 (последние строчки).

для молотыбы. Когда обмолот уже возможен, хлеб должен быть рассыпан на току, и как только определилась возможность обмолота, он не должен задерживаться ни одного дня, в противном случае хлеб будет расхищен пахарями, прохожими, птицами и животными. Это приносит ущерб хараджу, но не владельцу хлеба (пахарю), так как последний, как это мне приходилось слышать, употребляет его в пищу, когда он еще в колосьях, в течение всего того времени, которое протекает от момента, когда он еще не сжат и до раздела (между государством и пахарем). Оставление хлеба (в колосьях) в поле и на току приносит ущерб хараджу. Когда хлеб рассыпан на току и сложен в кучи, то необходимо тотчас же приступить к обмолоту и не задерживать хлеба. В том случае, когда хлеб задерживается на току один, два, или три месяца, то залеживание это наносит ущерб как государству, так и плательщику хараджа, а благодаря этому произойдет замедление в процветании (страны) и хлебопашества¹. Далее рассказывается о том, что сборщик хараджа должен немедленно после обмолота произвести обмер и раздел хлеба, причем после раздела та часть, которая поступает в качестве хараджа в казну, должна быть немедленно вывезена, в противном случае произойдет расхищение хлеба и ряд недоразумений с плательщиками. Нет надобности особо комментировать вышеприведенное место из „Китаб ал-харадж“, здесь все ясно. Характерно, что состояние, при котором непосредственный производитель сельского хозяйства не мог распорядиться своим урожаем до окончания сбора государством причитающейся ему доли, имело место и в сасанидском Иране. В источниках, повествующих о сасанидской эпохе, распространен характерный рассказ о Каваде, женщине и плачущем ребенке. Кавад отправился как-то на охоту, по дороге увидел сад, а в нем женщину, которая не позволила ребенку сорвать плод гранатового дерева (в другом варианте фигурирует виноград). Ребенок заплакал. Удивленный Кавад спросил женщину, почему она обижает ребенка и не позволяет ему сорвать плода. Женщина ответила: „Пока не пришел царский сборщик податей, урожай нам не принадлежит, и мы не имеем права сорвать даже одного плода“². В свете вышеприведенного места и „Книги о харадже“ анекдотический рассказ о Каваде, женщине и плачущем ребенке приобретает глубокий исторический смысл.

Величина хараджа, суровый контроль со стороны власти над сбором урожая и его распределением между государством и земледельцем ставили последнего в очень тяжелые условия. Ко всему этому присоединялась еще широко практиковавшаяся система сдачи на откуп хараджа представителям купеческо-ростовщического капитала. Развитые денежные отношения

¹ Абу Юсуф-Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 61–62.

² Al-Tha'ālibī. Histoire des rois Persans, арабский текст и французский перевод, стр. 595, BGA, II, стр. 217–218. Рассказ этот кроме того встречается в целом ряде литературных и исторических сочинений.

в халифате сопровождалась хищнической деятельностью разного рода ростовщиков, торгующих деньгами, отдающих их в рост, участников и организаторов спекуляций, в том числе и откупов. Абу Юсуф-Якуб целую главу своего труда посвящает откупам налогов в Саваде. Он резко обрушивается на эту систему сбора налогов, а главным образом хараджа, говорит о злоупотреблениях, указывает, что при откупах земледельцу приходится выплачивать не только то, что полагается государству, но сверх этого еще и откупщику, рисует творимые откупщиками насилия над несчастными тружениками и не раз подчеркивает, что откупщики разоряют крестьян, подрывают в корне их хозяйственные возможности и тем самым снижают и платежеспособность их в отношении к государству.¹ Картина, им нарисованная, настолько выразительна, что нет нужды в каких бы то ни было комментариях. Читая эти страницы его труда, невольно вспоминаются другое время, другие области Востока и другой автор. Рашид ад-Дин в той части своего труда „Джами ат-таварих“, где он описывает порядки в Хулагидской Персии (XIII в.) до Газан-хана (1295—1304), и где он показывает, как участие ростовщического капитала в сборе податей и налогов с населения приводит к полному его разорению,² точно в увеличенном масштабе повторяет рассказанное Абу Юсуфом-Якубом для своего времени. Привожу эту параллель походя, только для того, чтобы подчеркнуть как долго держится на Востоке в своеобразных условиях восточного общества хищническая роль купеческо-ростовщического капитала.

Было ли свободным земледельческое население Ирака, живущее в условиях сельской общины? По словам крупного немецкого историка-ориенталиста Becker'a „крестьяне (в Египте. А. Я.) были прикреплены к земле; они не могли изменить своего местожительства, иначе как при получении паспорта“,³ который выдавался им государственным чиновником. Послушаем теперь, что говорят наши источники об Ираке, да и вообще о Месопотамии в целом и о Сирии.

В „Книге о харадже“ Абу Юсуфа-Якуба мы встречаем упоминание о том, что сельское население в Ираке (Саваде) метилось особыми свинцовыми пломбами. Вот его подлинные слова: *و ختم على اعناقهم لصاصا* „и печатали на их шеях (возделывателей полей) свинцовые пломбы“.⁴

В другом месте Абу Юсуф-Якуб говорит: „(О, эмир правоверных) сверх того надлежит тебе, чтобы ты печатал выи их (плательщиков) во время собирания поголовной подати, пока не закончится с их стороны это дело, потом ты ломаешь эти печати, подобно тому как это сделал

¹ Абу Юсуф-Якуб, арабский текст стр. 60 и сл.

² Рашид ад-Дин, рукопись Института востоковедения: Д. 66, л. 406а; D'Ohsson, IV, стр. 376—377

³ Becker. Egypte. Encyclopédie de l'Islam, 18-e Livraison, стр. 15.

⁴ Абу Юсуф-Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 22.

с ними Осман ибн-Хунейф¹. И, наконец, продолжает Абу Юсуф-Якуб: „Рассказал мне Камил бен-ал-Ала со слов Хабиба бен-Аби Сабата, что Омар бен-ал-Хаттаб послал Осман бен-Хунейфа провести измерение земли Савада (Ирака). Обязан он (Осман бен-Хунейф) собирать с каждого джериба земли Савада культивированной и находящейся под дождем (غامر وغامر) 1 дирхем и 1 кафиз и печатал он деревянщину (علوج) Савада. И провел он через печатание 50 000 деревянщины согласно разбивки на разряды в 48, 24 и 12 дирхемов. Когда закончилось с их стороны дело их (т. е. когда они уплатили подати), он отослал их к дехканам, и печати были сломаны“.²

Еще более интересные сведения об этом для того же VIII в. дает упомянутый выше сирийский хроникер Дионисий из Телл Махра. Привожу его рассказ: „Он поставил другого правителя, чтобы клеймить и отмечать людей на шеях, как рабов. „И кто, — говорил пророк, — не получил знака этого зверя на лбу...“ Но здесь они носили этот знак не только на лбу, но и на обеих руках и даже на спине. Этот управитель прибыл и заставил всю местность дрожать перед собой больше, чем дрожали при его предшественниках. Он действительно имел приказ метить людей на руках знаком, который не стирался и не менял своего места в течение всей жизни человека“.³

В другом месте тот же автор дает еще более ценные указания о клеймении сельского населения, подлежащего обложению: „Он (арабский правитель) послал вместе с цензором клеймовщиков и клейма, чтобы согласно приказу первых последние накладывали клейма, и на каждом из клейменных было отмечено имя его города и его деревни, чтобы он был затем препровожден в свою деревню и в свою область... Клеймовщик схватывал сначала знатных людей данной местности (*les notables d'un endroit*) и говорил им: „пусть каждый из вас приведет своих (людей) в город, и чтобы никто не избежал этого, вы за них ответственны“. Когда знатные (*notables*) приводили всех этих крестьян из их деревень, (клеямовщик) клеймил их. На правой руке он вписывал имя города, а на левой: „Месопотамия“. Он привешивал на шею каждого две бляхи, из которых одна носила имя города, а другая дистрикта... Он вписывал также имя (облагаемого) человека, его приметы, его портрет, из какой деревни и из какого дистрикта он был“.⁴ Над свидетельством двух авторов VIII в. (араба и сирийца) стоит призадуматься. Оба они писали независимо друг от друга, писали один о Саваде, другой о Северной Месопотамии. Между нашими авторами есть некоторое расхождение. Абу Юсуф-Якуб говорит о печатях в виде свинцовых пломб на шеях, причем указывает, что печати эти уничтожались с того времени, как плательщики податей — непосред-

¹ Абу Юсуф - Якуб. Книга о харадже, арабский текст, стр. 72.

² Указ. соч., стр. 73.

³ *Chronique de Denys de Tell-Machré*, французский перевод, стр. 104—105.

⁴ Указ. соч., стр. 123—124.

ственные производители сельского хозяйства — выполняли свои обязательства. Denys de Tell Machré, отмечая наличность печатей, указывает еще на клеймение, которое уничтожено быть не могло и оставалось на всю жизнь. Во всяком случае из слов того и другого с совершенной очевидностью следует, что крепость к государственной повинности была.

Таково было положение иракского крестьянства, живущего в условиях сельской общины, однако ни в какой мере число занимающихся земледельческим трудом им не исчерпывается. На ряду с крестьянином мы имеем дело с ипольщиком, который по большей части в виду сильного малоземелья совмещал в себе и крестьянина сельской общины. В том и другом случае мы имеем дело, конечно, с нерегулярным хозяйством. В арабской литературе ипольщики известны под терминами „мунасиф“, „а’мир“, „аккар“, „шарик“ и „а’мил“. Ипольщикам в Ираке я посвятил специальную статью под заглавием „Об ипольных арендах в Ираке в VIII в.“, которую и доложил на заседании Ассоциации арабистов в апреле 1934 г., до сих пор, к сожалению, по независящим от меня обстоятельствам, не вышедшую из печати.

Не считая возможным оставить настоящий доклад без беглого, по крайней мере, упоминания о нем, позволю себе повторить кое-что из мной сообщенных уже фактов. Абу Юсуф-Якуб написал в своей „Книге о харадже“ целую главу под заголовком: „О сдаче (возделывателю) необработанной земли и земли под пальмами“.¹

Здесь он изложил все действующие в его время виды ипольных договоров между собственником земли и земледельцем. Отсюда мы узнаем, что земледельцы обрабатывали предоставляемый им участок земли из половины, трети, четверти, пятой, шестой, седьмой доли в зависимости от того, получал ли земледелец кроме земли семена, орудия производства, скот, полностью или частично. Ипольные аренды, а следовательно и ипольщики, были чрезвычайно распространенным явлением на переднеазиатском Востоке и в частности в Ираке. Как мы увидим ниже, ипольщики работали преимущественно на частновладельческих землях, которые дробились на мелкие участки и раздавались земледельцам на вышеуказанных условиях. Ипольщиком мог быть как крестьянин соседней сельской общины, так и совершенно безземельный человек, знающий земледельческий труд. В зависимости от своего хозяйственного состояния он и заключал соответствующий договор с собственником земли. Наиболее тяжелые виды ипольных аренд падали на безземельных производителей, ибо, получая кроме земли еще семена, орудия и скот, они вынуждаемы были работать даже из седьмой доли урожая. В виду того, что при аббасидах все частновладельческие феодальные земли принадлежали к хараджным или ушрия, ипольщики в доле обрабатываемого ими участка несли

¹ Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 50—52.

и эти повинности в отношении к государству. Наиболее привилегированные земли были земли ушрия. Судя по Абу Юсуф-Якубу, ушрия всегда перелагался на землевладельца; что же касается хараджа, то его иногда платил собственник земли, а иногда в определенной доле он выплачивался исполщиком. Общеизвестно, что исполные аренды есть одна из наиболее тяжелых форм эксплуатации рабочей силы земледельца, вследствие чего и останавливаться на этом особо не стоит. Одно только следует напомнить — исполные аренды есть та форма эксплуатации, в которой всегда деятельно проявляется купеческо-ростовщический капитал.

В настоящем сообщении я не ставлю себе задачей выяснить, какие формы землевладения мы имеем в указанную эпоху на западе халифата и в частности в Ираке. Отчасти это уже сделано в западноевропейской литературе, а главное — для этого потребовался бы отдельный доклад. Мне только важно подчеркнуть, что землевладельцы не вели крупного сельскохозяйственного производства. Кому принадлежали такие имения, что за люди были их владельцы и каким термином эти имения обозначались?

Позволю привести себе одно очень выразительное место из Белазури („Книга завоевания стран“). Вот оно: „Многие ученые, между прочим один клиент Хишама ибн-Аммара, рассказывали мне, что у Абу-Суфьяна ибн-Харба, когда он во времена язычества вел торговлю с Сирией, было в ал-Белка имение, называемое Куббаш. Оно перешло к Муавию и его потомству. Затем, в начале господства нынешней династии (аббасидов. А. Я.), оно было конфисковано и стало принадлежать одному из детей повелителя верующих ал-Мехдия. Потом оно принадлежало людям, которые занимались торговлей оливковым маслом, куфийцам, называвшимся Бану Нуаймами“.¹

Термин, которым обозначается имение — общеупотребительное в арабском языке слово ضيعة (мн. ч. ضياع). Нельзя пройти мимо одной детали: имение переходит из рук в руки, было в частных руках, потом попало в собственность к Муавию и его потомства, с приходом аббасидов, как и полагается, было конфисковано и стало собственностью дома последних, пока вновь не перешло в частные руки — куфийца-торговца оливковым маслом. Последнее обстоятельство чрезвычайно характерно для специфических условий восточного феодального общества. Крупный торговец оливковым маслом и он же крупный землевладелец. В эпоху аббасидов мы часто наблюдаем соединение в одном лице — носителя купеческо-ростовщического капитала и землевладельца. Абу Юсуф-Якуб целую главу посвятил так наз. кати'а, т. е. также частной феодальной земельной собственности, только более мелкой.² Белазури рассказывает: „Сказал мне Бекр ибн-ал-Хайсам: я встретился в Аскалоне с одним арабом, и он сообщил мне, что его дед был одним из поселенных в Аскалоне

¹ Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 66—67, тексты исторические (см. арабский текст, стр. 129).

² Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 32—35.

Абд-ал-Меликом (685-705), который назначил ему здесь, в числе прочих гарнизонных воинов, участок земли (قطيعة). Этот человек показал мне одно имение, и сказал: Это один из участков, дарованных Османом ибн-Аффаном“.¹ Кто же обрабатывал эти крупные, средние и мелкие частновладельческие земли? Принимали в их обработке участие рабы? К сожалению, факты этого рода еще недостаточно приведены в известность. Что рабы вели тяжелую работу по искусственному орошению, сомневаться не приходится, и об этом я выше упоминал. Однако занимались ли они обработкой самой земли? Факты этого рода имеются,² но мне не приходилось нигде встречать, чтобы это делалось в большом масштабе на манер римских плантаций, основанных на рабском труде. Зато мы не раз встречаем указание, что частновладельческие земли дробились на мелкие участки и передавались в обработку на основе испольных аренд, о чем выше мной специально и указывалось, когда я говорил об испольщиках. Абу Юсуф-Якуб, описывая кати'а, упоминает, что „Абдаллах ибн-Масуд и Са'д давали свои земли (в обработку) из трети и четверти урожая“.³

На основании всей совокупности известных нам сведений мы твердо можем сказать, что все эти земли можно было дробить, дарить, продавать, покупать и передавать в наследство. На ряду с частным землевладением мы уже в аббасидский, и даже в омейядский период имеем возможность наблюдать интересное явление, характерный восточный феодальный институт, известный под именем икта', который впоследствии в сельджукский период получил крупное развитие на Востоке. Не входя во все юридические тонкости вопроса об икта', не касаясь всех разногласий, которые в науке существуют по этому поводу, считаю необходимым отметить одну черту, которая является решающей для понимания как самого этого института, так и его эволюции. Икта' находится в определенной зависимости от всей системы хараджа. Перед исследователем не может не стоять вопрос: куда государственная халифская казна могла девать те огромнейшие доходы, которые приносил ей харадж, взимаемый как в натуре, так и в деньгах? Выше мы видели огромные цифры бюджета при Харун ар-Рашиде. Двор, близкие члены династии, гвардия и гарнизоны, расставленные на разных границах государства, а также чиновничество, которое исчислялось большими цифрами, поглощали почти сполна все поступления с трудящегося населения. Содержание так или иначе связанных с государством верхов общества далеко не исчерпывалось так называемым жалованием. На ряду с последним мы имеем дело с своеобразным пожалованием, с типично восточной формой бенефиция.

¹ Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 85, арабский текст, стр. 144.

² Арабский военачальник Са'ид ибн-Усман после взятия Бухары в 70-х годах VII в. отослал пленных к себе в Медину, где и обратил их в рабство, заставив работать их, по одной версии, по орошению (Белазури 412), а по другой в — земледелии (Нершахи, персидский текст, стр. 39). Пленные были из числа бухарской знати.

³ Абу Юсуф-Якуб, арабский текст, стр. 35.

Позволю себе привести несколько примеров. По рассказу Белазури к Абд-ал-Мелику, омейядскому халифу, как-то обратился некий Сулейман-ибн-Са'д и попросил его дать ему в виде пособия харадж Урдунна за год. Абд-ал-Мелик сделал это и назначил его правителем Урдунна.¹ Еще В. В. Бартольд в своем „Туркестане“ не раз отмечал, что видные чиновники государства, как правители, так и полководцы, получали в разных частях государства доход с определенных селений, а иногда и городских базаров. Например, „доходы с иштиханских базаров и некоторых селений принадлежали упоминаемому в истории халифов полководцу Оджейфу б. Анбасу, халиф Мутасим конфисковал их“.² Не может быть сомнения в том, что указанные доходы с селений и есть или доля полагающегося с них хараджа или весь он целиком. Этот бенефиций, который давался на год, на несколько лет, а иногда и пожизненно постепенно закрепит за собой термин икта'. В истории Египта, Передней и Средней Азии икта' сыграет огромную роль. Исторический смысл этого института в том, что он образует один из тех каналов, по которым постепенно будет складываться феодальное поместье. Будучи сначала только правом на временное получение доли доходов с определенных государственных поступлений, бенефиций, он мало-по-малу будет превращаться в земельное владение с правом присваивать себе и часть продукта труда сидящих на нем земледельцев, т. е. в феод.³ Вся последующая история Передней и Средней Азии дает этому множеству доказательств.

Вышеизложенные черты социального строя Ирака в конце VIII и начале IX вв. ясно показывают, что в самой социальной структуре были такие противоречия, которые с необходимостью должны были приводить к напряженной борьбе. Рабство было укладом, тормозящим нормальный рост феодальных отношений. Рабы жили в условиях самой тяжелой эксплуатации. Рабский уклад должен и мог быть ликвидирован только путем восстаний. История халифата полна ими. Целая цепь их завершается знаменитым восстанием зинджей 869 г., после чего мы не видим рабства в таком большом размере ни в Передней, ни в Средней Азии. Характерно, что именно на X и еще в большом размере на XI и последующие века, связанные сначала с турками (сельджуки, караханиды) и потом монголами, падают максимальные явления роста феодальных институтов.

¹ Н. А. Медников. Палестина, т. II, стр. 90. Белазури, арабский текст, стр. 193.

² В. В. Бартольд. Туркестан т. II, стр. 98.

³ Мы имеем возможность проследить отражение перехода икта' в феод и в юридической литературе XI в. Маверди, автор *الاحكام السلطنية*, определенно высказывается в том смысле, что икта', которое передается по наследству, незаконно, так как *خرج بهذا* Султан должен объявить такой икта' незаконным и запретить людям, подлежащим хараджу (*اهل الخراج*) выплачивать харадж владельцу икта'. *Maverdii. Constitutiones politicae*, стр. 340, 7—11. В данном случае упоминаемый икта' есть уже тот его вид, который переходит в феод.

Крестьянство сельских общин, эксплуатируемое хараджной системой, и ипольщики на частновладельческих землях, также находящиеся под прессом государственных взиманий, т. е. вдвойне эксплуатируемые, получающие иногда только половину от продукта своего труда, не могли мириться ни с основами феодального общества, ни с возглавляющей его государственной властью и не выходили в некоторые периоды, особенно в рассматриваемую нами эпоху, из состояния напряженной борьбы, переходящей иногда в настоящую гражданскую войну, ставившую халифат буквально на край пропасти.

А. ШАМИ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВОЙ ИСТОРИИ АРАБСКИХ СТРАН

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 V 1934 г. о преподавании истории ставит перед востоковедами и в частности перед нами, арабистами, новые чрезвычайно важные задачи. Введение курса новой истории колониальных и зависимых стран в средних и высших школах обязывает нас помочь обеспечить подготовку этого курса, дать марксистско-ленинскую разработку ряда проблем, связанных с разработкой и преподаванием этого курса.

Задача настоящего доклада — поставить вопрос о хронологической канве новой истории арабских стран, о периодах, на которые можно ее разделить. Правильное решение этого вопроса поможет в установлении той „историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий“, которой требует указанное постановление ЦК и СНК.

В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина мы имеем исчерпывающие указания по вопросу о периодизации развития европейского капитализма.

Укладывается ли развитие колониальных, в частности арабских, стран в эти периоды?

Совершенно очевидно, что развитие колониальных стран связано с развитием европейского капитализма, и дело не в голой констатации этого факта. С другой стороны, дело, конечно, не в том, чтобы механически подогнуть периодизацию исторического развития колониальных стран под периодизацию развития стран-метрополий. Вопрос ставится иначе: является ли историческое развитие колониальных стран в новое время частью исторического развития капиталистического мира в целом, или оно идет по „самобытному“ пути?

„Новейшая история колоний, — указывает VI конгресс Коминтерна, — может быть понята только, если ее рассматривать как органическую часть истории развития капиталистического мирового хозяйства в целом, начиная с самых ранних его форм и кончая последним его этапом — империализмом“.¹

¹ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна. Вып. 6. Тезисы и резолюции, стр. 127.

Историческое развитие колониальных стран, конечно, отличается рядом специфических особенностей от развития капиталистического хозяйства — на то они и колонии, — но оно является частью исторического развития капиталистического мира в целом.

Поэтому периодизация исторического развития капиталистического мира в целом может и должна быть применена и к колониям, конечно с уточнением и детализацией ее для каждой данной страны и данного исторического отрезка времени.

Какова марксистская периодизация развития мирового капитализма? „Обычное деление исторических эпох, — указывает Ленин,¹ — много раз приводившееся в марксистской литературе... таково: 1) 1789—1871; 2) 1871—1914; 3) 1914 — ?. Разумеется, грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны. И мы лишь примерно берем особенно выдающиеся и бросающиеся в глаза исторические события, как вехи больших исторических движений.

Первая эпоха, с великой французской революции до франко-прусской войны, есть эпоха подъема буржуазии, ее полной победы. Это — восходящая линия буржуазии... Вторая эпоха полного господства и упадка буржуазии... Третья эпоха, только начинающаяся, ставит буржуазию в такое „положение“, в каком были феодалы в течение первой эпохи“.

В „Замечаниях о конспекте учебника новой истории“² т. Сталин, развивая мысль Ленина о делении новой истории, намечает те же три основных периода в истории нового времени:

„1) от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны (исключительно) — период победы и утверждения капитализма в передовых странах;

2) от Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (включительно) — период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской коммуны, перерастания старого „свободного“ капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

3) от 1918 г. (год окончания войны) до конца 1934 г. — период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса в этих странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния, с одной стороны, и с другой стороны — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и второй пятилеток в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране, период искоренения последних остатков капитализма в нашей стране“.

¹ Ленин. „Под чужим флагом“, т. XVIII, стр. 108.

² „Большевик“, 1936, № 3, стр. 65.

Таким образом мы имеем три эпохи исторического развития, резко отличающиеся, отделенные друг от друга четкими рубежами: 1) эпоху промышленного капитализма, эпоху поднимающегося капитализма, прогрессивности буржуазии, хотя в эту же эпоху мы имеем уже первые классово-самостоятельные выступления пролетариата; 2) эпоху империализма, высшую и последнюю стадию капитализма, переход буржуазии к реакции, начинающуюся борьбу пролетариата за власть; 3) эпоху, начавшуюся с Октября 1917 г., эпоху всеобщего кризиса капитализма, эпоху начавшейся мировой пролетарской революции.

Если подойти с указаниями Ленина и Сталина о трех основных эпохах исторического развития капиталистического мира к истории колониальных, в частности арабских, стран, то мы увидим, что новейшая история их укладывается в эти три эпохи.

В самом деле, какие характерные черты первой эпохи, до 71 г.?

Частичное подчинение или открытый захват ряда арабских стран (захват Алжира в 1830 г., оккупация Сирии в 1860 г., частичное подчинение Египта), большее или меньшее разложение феодальных отношений и создание отдельных элементов капиталистического общества, массовые стихийные возмущения крестьянства против все усиливающегося гнета и насильственного „объединения“ (восстания в Сирии и Судане против Мухаммеда-Али, крестьянская война в Ливане в 50-х годах), общенародный характер движения против иностранных захватчиков (война Абд-эль-Кадера против французов).

Вторая эпоха, характеризующаяся полным подчинением арабских стран и превращением их в империалистические колонии или полуколонии, характерна и тем, что в более развитых странах, как Египет, Сирия, Алжир и Тунис, формируется национальное движение, возглавляемое буржуазией, в известной мере уже сложившейся как класс. Движение это, в соответствии с характером колониальной буржуазии и слабостью молодого пролетариата, является в большинстве случаев реформистским и по отношению к империализму и по отношению к феодализму.

Наконец, третья эпоха, вся проходящая под знаком Октябрьской революции, эпоха, характеризующаяся борьбой двух систем, разлагающегося капитализма и побеждающего социализма, характерна для колониальных стран неслыханным усилением национально-революционной борьбы, являющейся естественным союзником и составной частью мировой пролетарской революции.

Эти три эпохи новой истории арабских стран, в основном совпадающие с эпохами, отмеченными классиками марксизма-ленинизма для европейского капитализма, конечно должны быть разбиты на более мелкие периоды, чтобы точнее уяснить конкретный ход исторического развития изучаемых нами стран. И на такую более дробную периодизацию мы тоже находим достаточно указаний в работах классиков марксизма-ленинизма.

Возьмем первую эпоху.

Можно ли говорить как об едином периоде обо всем большом отрезке времени — от конца XVIII в. и до 70-х годов XIX в., на протяжении которого мы имеем, например, такие разнородные состояния Египта, как могущественная империя Мухаммеда-Али 30-х годов и Египет 70-х годов, находящийся в полном подчинении „долговой комиссии“? Очевидно нет.

Всю эту эпоху целесообразно разделить на два разнородных периода: первый — от 1798 г. (наполеоновская экспедиция) до 1840 г. (разгром армии Мухаммеда-Али) и второй — от 1840 г. до конца периода, который, по соображениям, на которых я немного ниже останавлиюсь, предлагаю отодвинуть до 1880 г.

Первый период как раз характерен не подчинением европейскому капитализму, а наоборот, тенденцией к созданию, на развалинах заживо разлагающейся Оттоманской империи, независимого государства, объединяющего под гегемонией Египта все арабские страны.

Больше того, в Египте уже ясно сказывается наличие предпосылок для развития местного капитализма и вызревание отдельных его элементов. Все увеличивающееся проникновение европейского торгового капитала, вовлечение Египта (и других арабских стран) в мировое хозяйство и насаждение в связи с этим торговых сельскохозяйственных культур, приводят в Египте к известным реформам Мухаммеда-Али, которые по сути своей являются попыткой облегчить развитие торгового капитала на феодально-крепостнической базе, создать национальное государство египетских помещиков и торговцев. Захват крестьянских земель, насаждение мануфактур, создание постоянной армии, набираемой по рекрутскому набору, представляют собою явления одного и того же порядка. В интересах купцов и феодалов (сам Мухаммед-Али и его сын Ибрагим являются крупнейшими помещиками и одновременно купцами) ведется ряд войн, расширяющих Египетский пашалык за счет захвата Сирии, Аравии и Судана до пределов крупнейшего самостоятельного государства на Востоке. Поэтому к Египту периода Мухаммеда-Али можно с полным правом применить характеристику, данную т. Сталиным петровскому периоду русской истории: „Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса, Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры“.¹

И как создание петровской монархии и ее реформы вызвали ряд крестьянских восстаний против все усиливающегося гнета, так и создание и расширение монархии Мухаммеда-Али вызвали, как известно, ряд

¹ „Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом“. Большевик, 1932, № 8.

восстаний как в Судане, из которого египетские торговцы все больше увеличивали выкачку рабов, так и значительно более важные и мощные крестьянские восстания в Сирии и Палестине (1834—1840 гг.).

Но каким бы тяжелым гнетом ни сопровождалось создание и укрепление государства Мухаммеда-Али, мы не должны упускать из виду, что создание Египетского национального государства несомненно представляет собою исторически-прогрессивное явление.

„Египет под верховенством Мухаммеда-Али“, указывает Маркс в „Восточном вопросе“,¹ являлся „единственной тогда жизнеспособной частью Оттоманской империи“.

В статье „Революционное движение в 1847 г.“² Энгельс пишет еще более резко: „а все эти блестящие успехи «цивилизации» в Турции, Египте, Тунисе, Персии и др. варварских странах — в чем ином заключаются они, как не в подготовке условий к расцвету будущей буржуазии“. Как видим, Энгельс совершенно определенно ставит вопрос о возможности победы буржуазного строя в „варварских“ странах, а из арабских стран точно указывает на Египет и Тунис, как на страны, где происходит подготовка „условий к расцвету будущей буржуазии“. Но в дальнейшем ростки самостоятельного развития этих стран были смяты европейским капитализмом, и процесс создания самостоятельных капиталистических государств сменился процессом подчинения и покорения их, задержки и уродования их хозяйственного, социального, политического и культурного развития.

Рубежом между первым и вторым периодами надо взять 1840 год, когда, как известно, Мухаммед-Али должен был под нажимом европейских держав отказаться от всех завоеваний, сократить численность армии и в дальнейшем отменить монополию внешней торговли, т. е. дать свободу грабежа иностранным купцам, закрыть мануфактуры и т. д.

В этот первый период войдет также и захват Алжира и первое мощное народное восстание против европейских захватчиков под руководством Абд-эль-Кадера.

На 40-е годы, как на рубеж особенно важный в истории колониальных стран, мы имеем многочисленные указания у Маркса. Например, в статье „Революция в Китае и Европа“,³ говоря об усилении завоза иностранной мануфактуры с 1840 г. в Китай, Маркс пишет: „Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии“.

Если в 40-е годы усилился ввоз товаров, этих, по выражению Маркса, „тяжелых орудий“, которые разрушают хозяйство восточных стран, то Маркс указывает на 40-е годы и как на рубеж изменения политического положения восточных стран: „Одним из тех фактов, которые едва обра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 426.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 247.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 312.

щают на себя внимание современников, но образуют четкие вехи исторических эпох, является занятие Константинополя русскими войсками в 1833 г.“¹

Это в отношении Оттоманской империи в целом, для Египта Маркс точно указывает на 1839 год, как на рубеж.

„В 1839 г. царь заставил другие державы взять на себя инициативу разрушения египетского флота и добился того, что был осужден на бессилие единственный человек, который мог бы на самом деле сделать Турцию опасной для России и превратить «закрученный тюрбан» в настоящую живую голову“.²

Таким образом, второй период, начинающийся с 1840-х годов, есть период подчинения арабских стран, и в первую очередь Египта, европейскому промышленному капиталу.

Важными этапами этого подчинения явились открытие Суэцкого канала (1869 г.) и финансовое банкротство Египта, последовавшее, как известно, за банкротством Оттоманской империи (1876 г.). Военная оккупация Египта англичанами совершается еще позже, только в 1882 г., но еще за 30 лет до этого Маркс, констатируя, что „из африканских вассальных государств только Египет может рассматриваться как действительно подчиненный султану“, указывал: „Но Египет на деле принадлежит Англии больше, чем кому бы то ни было, и при будущем разделе Турции непременно отойдет к Англии“.³

Захват Египта англичанами (1882 г.) завершает длительный процесс подчинения его. Оккупация Египта, как и национальное восстание Араби-паши, за которым она следует, уже знаменуют начало новой империалистической эпохи.

В этот второй период (1840—1880 гг.) в передовых арабских странах, в особенности в Египте, начало складываться национальное движение. Высшего предела египетское национальное движение как-раз и достигло в восстании Араби-паши, разгром которого связан с началом английской оккупации.

Многими чертами это движение, и в особенности восстание 1882 г., уже походит на национальные движения, характерные для эпохи империализма.

Буржуазия, стоящая во главе восстания, показывает образцы компромисса с оккупантами, нерешительности и умеренности, в особенности боязни подлинно-революционных выступлений трудящихся масс.

Нерешительность в борьбе против господства феодалов, боязнь „эксцессов“ масс против иностранных угнетателей и оккупантов, нерешительность перед английскими войсками, граничащие с прямым капитулянт-

¹ „Лорд Пальмерстон“, стр. 513.

² „Восточный вопрос“, стр. 423.

³ Маркс. „Национальности в Турции“. Соч., т. IX, стр. 373. Это замечательное историческое предвидение, основанное на тщательном изучении европейской международной политики и внутреннего развития восточных стран, сделано Марксом в начале 1853 г.

ством — основные причины поражения восстания, лежащие в руководстве буржуазией этим восстанием.

На этот период, 1840—1882 гг., относится и захват Туниса, сопровождавшийся жестоким подавлением народных восстаний, и первая оккупация Сирии, в 1860 г., французскими войсками, которые завершили подавление крестьянской войны в Ливане, и, наконец, революционное выступление в Алжире в 1871 г., совпадающее с Парижской коммуной.

Вторую эпоху, эпоху империализма, тоже можно разделить на два периода: первый, до начала XX в., и второй, до Октябрьской революции. Первый период есть период вызревания империалистической стадии капитализма: „Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистической эпохе“ (Ленин); во втором периоде капитализм „уже перерос в империализм“ (Ленин).

Полный захват Англией всего Нильского бассейна характеризует историю арабских стран за последние два десятилетия XIX в.

Борьба с Махдистским государством и разгром его (1896—1898 гг.), сопровождавшийся неслыханным даже в истории колониальных захватов избиением населения, заполняет весь этот период. Конец этого периода связан с отпором, данным абиссинцами популзновениям итальянского империализма на их страну.

В Египте в этот период устанавливается полный колониальный режим, „режим Кромера“, направленный к превращению страны в аграрно-сырьевой придаток Британской империи. Буржуазно-национальное движение, после разгрома восстания Араби-паши определенно повернувшее вспять, принимает характер либеральный и ищет соглашения между укрепляющейся местной буржуазией и феодалами-помещиками, с одной стороны, и империализмом, с другой стороны.

Второй период, от начала XX в. до мировой войны, характеризуется окончанием раздела между империалистами арабских стран в Африке: англо-французский договор 1904 г. о разделе сфер влияния в С. Африке (признание монопольного владения Египта Англией и влияние Франции в Марокко), захват итальянцами Триполитании. Экономическое и политическое закабаление Оттоманской империи превратило ее, а вместе с ней и все ее арабские провинции, в полуколонию, или, по Ленину, в „на 9/10 колонию“.¹ Создание империализмом своего аппарата по непосредственной эксплуатации народов Оттоманской империи, в виде „Управления Оттоманских займов“ со всеми монополиями, связанными с ним, усиленное строительство портов и железных дорог, характеризуют усиление борьбы между империалистическими державами за раздел оттоманского наследства; стоит вспомнить хотя бы борьбу вокруг строительства Багдадской дороги.

На протяжении всего XIX в. европейские державы в своей политике подчинения и раздела Турции всегда выдвигали мотив необходимости

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 231.

„защиты“ христианских народностей Оттоманской империи, страдающих от „мусульманского фанатизма“. „При теперешнем настроении умов в Европе“ — писал, например, русский министр иностранных дел Нессельроде, секретную записку которого цитирует Маркс:¹ „...кабинеты не могли бы равнодушно смотреть, как христианские народности в Турции подвергаются вопиющему угнетению и религиозным преследованиям. Надо, чтобы османские министры сознали эту истину и убедились, что могут рассчитывать на дружбу и содействие великих держав лишь при условии терпимого и мягкого отношения к христианским подданным Порты“. К этой лицемерной „защите“ угнетенных в Турции христиан прибавляется у европейских держав с начала XX в. и „забота“ об евреях, испытывающих в странах Восточной Европы тяжелый экономический гнет и „стремящихся“ будто бы на свою старую „родину“, Палестину: сионистская колонизация Палестины и сионистское движение становятся одним из важных орудий империалистического проникновения в арабские страны.

„Сказка сионистов о вечности антисемитизма“,² идея о всемирной еврейской нации, эта „совершенно ложная и реакционная по своей сущности сионистская идея“,³ мечта о возвращении еврейского народа в Палестину и создании там собственного еврейского буржуазного государства, вся эта сумма реакционных идей была разработана идеологами еврейского национализма — сионистами с целью замазать классовые противоречия среди евреев, создать вокруг общего „национального“ дела национальное единство, изолировать еврейские трудящиеся массы и отвлечь их от освободительной борьбы во всех странах. Хотя количество сионистских переселенцев в Палестине было до мировой войны незначительным (из общего числа евреев, эмигрировавших из стран Восточной Европы за годы 1881—1914, в 2 250 000 чел. осело в Палестине около 20 000, т. е. меньше 1%),⁴ но это не мешало сионизму, как агентуре империализма, уже тогда добиваться концессий и политических привилегий в Палестине и других арабских странах.

Процесс империалистического проникновения в арабские страны и подчинения их империализму идет с начала XX в. чрезвычайно быстро. Полвека раньше, в 1853 г., Маркс (в цитированной уже статье „Национальности в Турции“) еще отмечал, что „при всяком обсуждении «восточного вопроса» из азиатских областей принимается во внимание только Палестина и христианские долины Ливана“;⁵ в начале же XX в. уже не было в Азиатской Турции ни одной арабской провинции (не исключая и пустынь-

¹ „Документы о разделе Турции“. Маркс, т. IX, стр. 684.

² Ленин. „Нужна ли самостоятельная политическая партия еврейскому пролетариату“. Соч., т. V, стр. 248.

³ Ленин. „Положение бунда в партии“. Соч., т. VI, стр. 83.

⁴ L. Stein. „Twenty centuries of Jewish dispersion“ в „Current History“, 1928, № 2.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 373.

ных областей Центральной Аравии), которая в той или иной степени не подпала бы под влияние империалистических стран и не входила бы в их планы раздела Турции. В Северной Африке, где Алжир, Тунис и Египет уже давно были превращены в империалистические колонии, „независимое“ Марокко стало с начала XX в. объектом раздора и жесточайшей борьбы между империалистами, а в Триполитании итальянский империализм проводил „бесстыдный буржуазный грабёж и грязное дело избиения африканских туземцев при помощи усовершенствованных смертоносных орудий“.¹

Период от начала XX в. до мировой войны характеризуется, с другой стороны, русской революцией 1905 г. и рядом революций на Востоке, происходящих под влиянием ее, в первую очередь младотурецкой. И во всех арабских странах усиливается общенациональное, буржуазно-демократическое движение, в первую очередь крестьянских масс (напомним хотя бы ряд восстаний в разных частях Сирии, происходящих после 1908 г.), но буржуазное руководство, стоявшее во главе массовых движений и использовавшее их, определенно стремится ограничить их размах, выхолостить их революционное содержание и выторговать за их счет мелкие конституционно-либеральные реформы у господствующих империалистов и феодалов. Таково движение Мустафы Камиля в Египте. Но если Мустафа Камиль в борьбе за куцое „освобождение“ из-под ига английского империализма, хотя и пытался опереться на „помощь“ французского империализма, отнюдь не стал французским агентом и объективно играл прогрессивную роль, то буржуазное руководство национальным движением в Сирии „верой и правдой“ служило прямым задачам проникновения европейского империализма и расчленения Турции, шедшей по пути буржуазных преобразований. „И бонапартизм, и царизм“ — указывает Ленин в „Итогах дискуссии о самоопределении“ — „используют мелко-национальные движения в свою выгоду против европейской демократии“.² Это как раз и случилось с буржуазными национальными группировками в Сирии, которые служили орудием империализма в деле подчинения Сирии и других арабских стран, в деле подавления подлинно-революционного буржуазно-демократического движения широких арабских крестьянских и городских мелкобуржуазных масс за свое национальное освобождение из-под ига Турции и европейского империализма.

Первая империалистическая война 1914—1918 гг. вскрыла все противоречия, в первую очередь международные, накопившиеся в империалистическую эпоху. Втянув все арабские страны в войну, предварительно тщательно подготовленную здесь, империализм использовал и поддержку империалистической войны со стороны феодалов и буржуазии против интересов народных масс и в Египте и в Сирии, и в Ираке и в Аравии,

¹ Ленин. „Съезд итальянских социалистов“. Соч., т. XVI, стр. 33.

² Ленин. Соч., т. XIX, стр. 258, примечание.

и во французских колониях С. Африки. Оттого, что эта поддержка шла „под чужим флагом“ создания арабских самостоятельных государств, не меняется антинародная сущность поддержки империалистической войны со стороны египетских правящих классов, армии Фейсала, руководимой „арабистом“ Лоуренсом, сирийских отрядов, вербовавшихся во Франции и Америке, не говоря уже, конечно, об армянских и еврейских легионах, империалистический характер которых очевиден.

Перекрыжка политической карты арабских стран по Версальскому и другим, связанным с ним, мирным договорам отнюдь не означает изживания противоречий империализма и установления прочного порядка. Наоборот, с конца мировой войны начинается во всех арабских странах новый этап истории, в высшей степени драматичный, полный, как никогда, революционного напряжения и потрясений, начинается новая богатейшая событиями эпоха. Эпоха эта начинается во всемирном масштабе великой Октябрьской революцией, которая производит „коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира“.¹

Под влиянием Октябрьской революции, пламенное дыхание которой находит отклик во всех углах мира, происходят и крупнейшие революционные восстания 1919—1921 гг. в Египте, Сирии, Палестине, Ираке.

И для арабских стран можно всю послевоенную эпоху делить на три периода, в соответствии с указаниями VI Конгресса Коминтерна о трех периодах всеобщего кризиса капитализма.²

Первый период начинается народными восстаниями 1919—1921 гг. в Египте, Сирии, Палестине, Ираке, революционными волнениями в Северной Африке, революционно-демократическим движением 1918 г. в Абиссинии. Все эти восстания общенародные, руководство в них принадлежит буржуазии. „Над Египтом, — указывал Коминтерн еще в 1922 г., — развевается знамя национального восстания, вождем которого является Заглул“.³

Пролетариат еще не только не претендует на руководящую роль в антиимпериалистической борьбе, но его самостоятельная роль в этой общенациональной борьбе исключительно слаба. Но именно в этот короткий революционный период, когда широкие массы трудящихся втягиваются в активную политическую борьбу, рабочему классу арабских стран удается то, что не удавалось в течение многих мирных лет раньше: удается создание массового профдвижения, главным образом в Египте, удается создание коммунистических партий в Египте и Палестине и коммунистических групп в Алжире. Как бы ни были тяжки в дальнейшем

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 203.

² VI Конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, вып. 6, стр. 56.

³ Послевоенный капитализм в освещении Коминтерна. Партиздат, 1932 г., стр. 41.

поражения профсоюзов и компартий, вызванные империалистическим и буржуазно-феодалным террором, или собственными ошибками коммунистов, в этот период заложено начало важнейшему фактору, обеспечивающему победу колониальной революции, заложено начало самостоятельной организации класса-гегемона, пролетариата.

Этот короткий, богатейший событиями и один из важнейших периодов исторического развития арабских стран заканчивается 1923-м годом.

В Египте, например, декабрьское выступление 1921 г. является уже последним массовым выступлением первого периода, вырвавшим английскую декларацию о „независимости“ 28 II 1922 г. и конституцию 1923 г. Захваты александрийскими рабочими фабрик в 1924 г. являются уже последними арьергардными боями поздно организовавшегося рабочего класса. Они характеризуют в то же время и начало второго периода, периода частичной стабилизации капитализма.

В этот период, на который приходится великая китайская революция 25—27 гг., происходят крупнейшие революционные движения и в арабских странах: сирийская революция 1925—1927 гг. и восстание в Марокко в те же годы. На этот же период приходится и сложение двух новых государственных центров национального объединения арабов: Йемена и объединенного Хиджаза — Неджда. Так же, как и в других колониальных странах, большое значение для революционного развития арабских стран имеет известное усиление в этот период (всюду, кроме Египта) профсоюзной организации рабочего класса. В частности, в Сирии как раз к этому периоду, по существу, относится начало организации массового профдвижения, первые крупные рабочие забастовки, в этот же период заложено было начало боевой компартии Сирии.

Третий период — всеобщего кризиса капитализма, как известно, начинается 1928-м годом. В этот период мы и в арабских странах имеем жесточайший экономический кризис 1929—1933 гг., принесший, вероятно, не менее глубокие разрушения, чем мировая война, и последствия которого очень мало смягчены переходом кризиса в депрессию особого рода. В этот период мы имеем ускоренную подготовку к новому вооруженному переделу мира и контрреволюционной войне против Советского Союза. Как отдельные звенья этой подготовки к новым „великим“ войнам можно рассматривать „малые“ войны в Аравии, зверское подавление итальянским империализмом революционно-освободительного движения в Триполитании или вернее новое завоевание ее, „малую“ войну в Марокко, кровавое подавление „непокойных“ курдов и айсоров в Ираке, и наконец, итало-абиссинскую войну, которая показала, как до крайности обострены междуимпериалистические противоречия и что развязывание новой мировой войны за передел мира является непосредственной опасностью.

На этот же период приходится все более усиливающийся революционный подъем народных масс, выражающийся в ряде повторных массовых революционных выступлений. В Египте мы имеем выступления

1930 и 1931 гг., в которых значительную роль начинают уже играть рабочие, массовые забастовки 1934 г., многочисленные, стихийные, локальные пока еще, крестьянские выступления. В Сирии через весь этот период проходят массовые антиимпериалистические выступления и забастовки. Не говоря уже о других арабских странах, лучше всего можно проследить вызревание нового мощного революционного подъема по Палестине. Эта миниатюрная страна открывает ряд революционных потрясений третьего периода мощным восстанием в августе 1929 г., все историческое значение которого, несмотря на довольно большую литературу в нашей советской арабистике, еще далеко не достаточно освещено и изучено.

Вспыхнувшее, опять как будто „неожиданно“, восстание 1933 г., непрекращающиеся партизанские выступления, выдвинувшие таких народных героев, как недавно казненный Абу-Джилда, и многомесячная борьба 1936 г., охватившая всю страну, показывают, что в трудящихся массах этой маленькой страны накопился такой исключительный запас революционной энергии, что она может играть крупнейшую роль в назревающей арабской буржуазно-демократической антиимпериалистической революции.

Наконец, именно в этот третий период происходит особенно усиленная борьба за арабизацию компартий, за превращение их в подлинно боевые партии, тесно связанные с широкими массами арабских трудящихся. На поверхности эта борьба малозаметная, но она имеет исключительное историческое значение, так как она обеспечивает выковывание подлинных боевых большевистских партий, способных руководить арабским рабочим классом, гегемоном приближающейся арабской антиимпериалистической буржуазно-демократической революции.

В. Б. ЛУЦКИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1925—1927 гг. в СИРИИ¹

1. ОБ ИЗУЧЕНИИ АРАБСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Десять лет тому назад в Сирии вспыхнула великая национальная революция, которая продолжалась больше двух лет. Больше двух лет в упорных боях с более сильным противником, проявляя чудеса героизма, арабский народ отстаивал свою национальную свободу и независимость. Эта замечательная героическая эпопея должна быть запечатлена не только историками, но также художниками слова. Однако изучение сирийской революции — это прежде всего наш долг, долг историков, изучающих новейший период в развитии арабских стран, изучающих национально-освободительную борьбу арабского народа.

Наша советская арабистика пока еще отстает от задач, выдвигаемых жизнью. К сожалению, это отставание особенно проявляется в той отрасли арабистики, которая представлена настоящим сообщением. Мне кажется, что советские арабисты могли бы дать очень много для изучения истории национально-освободительной борьбы арабского народа, но дали еще очень мало. Изучены ли нами многочисленные восстания XIX в. в Алжире — национально-освободительная война, возглавленная Абд-эль-Кадером (1832—1847), ряд восстаний в 50-х и 60-х годах — в Зааче, Лагуате, Большой Кабилии, Орании, на марокканской границе? Изучена ли нами гражданская война 1858—1860 гг. в Ливане, ряд дружеских восстаний, продолжавшихся на протяжении 60-х и 70-х годов XIX в.? Изучены ли фигуры вождей этих восстаний — Тануса Шехина и Шебли Атраша? Изучена ли революция Араби-паши в Египте или восстание, возглавленное Махди Ахмедом в Судане? Изучены ли те течения общественной мысли, которые были связаны с этими движениями в Египте, влияние таких писателей, как Джемаль-эд-Дин Афгани и Мухаммед Абдо на египетскую революцию (а для более позднего периода влияние Кауакиби на программу Лиги арабской родины Наджиба Азури,

¹ Стенограмма доклада, прочитанного на сессии Ассоциации арабистов при Институте востоковедения Академии Наук СССР, в заседании 15 июня 1935 г.

на партию децентрализации и Аль-Ахд)? Изучено ли египетское национальное движение в период Мустафы Камиля?

Новейший период в истории арабского национального движения еще более богат объектами исследования. Друзские восстания в начале XX в., арабское национальное движение в Сирии, возникшее в период русской революции 1905 г., наложившей неизгладимый отпечаток на всю новейшую историю арабов; национально-освободительная борьба в период мировой войны; волна послевоенных национальных революций; египетская революция 1919 г., иракское восстание 1920 г., сирийская революция 1925—1927 гг., палестинские восстания 1920, 1929, 1933 г.; восстание Абд-эль-Керима в Марокко — таковы основные темы, изученные пока еще в очень слабой степени.

Говоря об истории арабского национального движения, необходимо отметить большие заслуги акад. И. Ю. Крачковского, который, смело нарушив традиции старой арабистики, впервые сделал идеологию этого движения объектом научного исследования. В своих трудах по новейшей арабской литературе И. Ю. Крачковский познакомил нас с Джемаль-эд-Дином Афгани, с Абдо, с Кауакиби, с Мустафой Камилем, с рядом других новейших арабских писателей и деятелей, связанных с национальным движением. Он толкнул нас, молодых историков, начинающих изучать арабское национальное движение, к изучению первоисточников.

Кое-что, правда очень мало, сделано молодыми историками. В частности, надо отметить диссертацию т. Кильберг, о восстании Араби-паши (находится в печати). Но при всей большой ценности имеющих работ — это только начало новой науки, только начало новой отрасли арабистики, первые камни в ее фундаменте.

Я привел беглый, далеко не полный перечень объектов исследования, стоящих перед новой отраслью арабистики. Но и этот краткий перечень свидетельствует о том, как богата и как насыщена историческим опытом новейшая история арабских стран. Бесчисленные национально-освободительные и классовые войны, революционные восстания, мощные общественные движения, развитие национальных идеологий — такова одна сторона этой истории. И в то же время исключительный интерес представляет другая ее сторона — наступление империалистов всех видов и типов на арабские страны, борьба между империалистами за экономическое, политическое и культурное порабощение арабских народов. Если брать масштабы прежних эпох, то за последние 50—100 лет арабские страны пережили по интенсивности и богатству своего исторического опыта много веков. И вот этот богатый исторический опыт до сих пор почти не изучен.

А ведь здесь не приходится разыскивать, собирать, каталогизировать, расшифровывать и описывать старинные рукописи — все предварительные этапы работы сопряжены здесь со значительно меньшим трудом, чем в истории средних веков. Исследователи новейшей истории арабских

стран располагают достаточными материалами. Правда, до сих пор важнейшие империалистические и национальные архивы еще закрыты для исследователей. Раскрытие этих архивов в свое время внесет много нового в нашу науку. Но уже сейчас существует ряд доступных нам ценных материалов, к сожалению еще не обработанных нами, или обработанных в очень небольшой степени. Мы не обрабатываем их, во-первых, потому, что у нас очень мало кадров; во-вторых, потому, что эти кадры еще недостаточно организованы, не расставлены правильно, потому что мы не создали еще такой группы арабистов, которая могла бы поднять это большое дело, могла бы разработать эту большую и важную отрасль арабистики. А ведь арабский народ прежде всего хочет знать историю своей национально-освободительной борьбы. И он в праве требовать от объективной исторической науки, чтобы она помогла ему разработать эту историю.

Мне кажется, что в ближайшем будущем Ассоциация арабистов должна, во-первых, обсудить общие задачи новейшей истории арабских стран, определить детально объекты исследования, стоящие перед этой новой отраслью арабистики; во-вторых, разработать возможно более полную библиографию источников; в третьих, подытожить, что делается в этой области на Западе и на Востоке.

Уже сейчас можно сказать, что в этой области арабистики западная наука оставляет нам худшее „наследство“ и количественно и качественно, чем в области средневековой истории арабских стран; что здесь преобладают „ученые“ типа Лоуренса и Фильби—империалистические практики, изучающие новейшую историю арабских стран под углом зрения своих практических интересов. Но даже это „наследство“ при умелом пользовании даст нам некоторые данные.

С другой стороны, на Востоке в этой области наблюдается известное оживление. В частности, надо отметить появление истории арабского национального движения, принадлежащей перу Амина Саида. Эта история, написанная на арабском языке и опубликованная в 1934 г. в Каире, содержит богатейшую документацию по интересующим нас вопросам.

Наконец, Ассоциация арабистов должна поставить новую науку на твердый теоретический фундамент; должна применить к конкретной истории арабских стран метод живого марксизма-ленинизма; должна осветить новейшую историю арабских стран прожектором теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Ленинско-сталинская теория национально-колониального вопроса, теория империализма, теория общественно-экономических формаций, теория двух путей капиталистического развития, теория буржуазно-демократической и пролетарской революции—все эти основные разделы марксизма-ленинизма помогут советским арабистам понять сложные и запутанные процессы арабской истории, вскрыть закономерности исторического развития арабских стран и путем научного прогноза осветить будущее арабских народов...

2. ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Приступая к изучению сирийской революции 1925—1927 гг., мы не имеем возможности пользоваться архивами. Кое-что из архивных материалов опубликовано, но это лишь отдельные случайные публикации, в основном же раскрытие архивов — дело будущего. Не можем мы пользоваться пока также таким ценным источником, как устные показания участников восстания. На данной стадии исследования приходится в основном пользоваться периодической прессой — журналами, газетами, официальными изданиями, а также книжной литературой.

По политическому признаку источники могут быть разбиты на две группы: национальные и империалистические. По формальному признаку источники разбиваются на четыре группы:

1. Документы в узком смысле слова — с одной стороны, национальные документы, воззвания, манифесты, требования, программы, резолюции, законы национального правительства и т. д.; с другой стороны, империалистические документы — всевозможные коммюнике и распоряжения колониальных властей, административные и военные приказы, акты Лиги Наций, протоколы и т. д.

2. Информация прессы, начиная от кратких телеграмм и кончая корреспонденциями статейного типа.

3. Мемуары.

4. Исследования.

Не приходится говорить о том, какого критического отношения требует к себе большинство этих источников, империалистических и реформистских по своему характеру.

Из арабских источников для изучения сирийской революции, помимо многочисленных журнальных статей, которые я не буду перечислять, мне известны две книги Абу-Рашида, вышедшие в Каире в издании Зайдана: *حنا ابو راشد جبل الدروز* (Джебель-Друз, 1925 г.) и его же работа *حوران الدامية* (Окровавленный Хауран, 1926 г.). В 1925 г. в том же Каире вышла книга Карима Сабита *الدروز والثورة السورية وسيرة السلطان باشا الاطرش* (Друзы, сирийская революция и биография Султана Атраша). *كريم ثابت*

Мне не пришлось видеть анонимное издание, выпущенное в 1926 г. арабской типографией в Каире под названием: *الفاجة السورية — آثار جيش الاحتلال الفرنسي و مناظر المدن و القرى المنكوبة فى خلال الثورة السورية 1925—1926* — т. е. „Сирийское бедствие. Следы деятельности французской оккупационной армии и виды городов и селений, пострадавших во время сирийской революции 1925—1926 годов“. Поэтому я не могу сказать, есть ли там текст, имеющий значение, или же это издание содержит только иллюстративные документы. Из других арабских источников надо отметить очерки о сирийской революции, помещенные в июле 1934 г. в газете „*البلاغ*“, а также очерки, напечатанные на французском языке, но

исходящие из национал-реформистских установок, в журнале „La Nation Arabe“, который издается в Женеве Шакибом Арсланом и Ихсаном Джабри.

Наконец, важнейшим источником является уже упоминавшаяся „Арабская революция“ Амина Саида.

Что касается колонизаторской литературы, то прежде всего надо отметить мемуары главнейших виновников, главнейших империалистических деятелей изучаемого периода, во-первых, книгу капитана Carbilliet „Au Djebel Druse, choses vues et vecues. Notes d'un officier de renseignements“, выдержавшую множество изданий, во-вторых, если не мемуары самого верховного комиссара генерала Саррайля (после сирийской революции сам Саррайль ничего не писал), то инспирированную им, написанную на основе его устных мемуаров одним из его близких друзей его апологетическую биографию: Coblentz, „Le silence de Sarrail“ (1930). Эти мемуары, насквозь тенденциозные, насквозь фальшивые, имеют целью оправдать поведение деятелей французского империализма в Сирии в момент революции и накануне ее.

Я опускаю второстепенные мемуары, мемуары деятелей, которые не играли такой выдающейся роли (Royer, Bonardi, La Mazière и др.).

Из империалистических документов надо прежде всего отметить отчеты французского верховного комиссара в Лигу Наций, протоколы мандатной комиссии и Совета Лиги Наций, собрания административных актов верховного комиссариата за изучаемый период. Не приходится оговаривать всю империалистическую тенденциозность этой документации. Различные документы помещены в серии работ Eugène Jung'a (La révolte arabe, 1925; L'islam et l'Asie devant l'impérialisme, 1927; L'islam sous le joug, и др.), которая содержит также информационные материалы. Наконец, документы национального движения помещены в сборнике Kampffmeyer'a „Damaskus“, Dokumente zum Kampf der Araber um ihre Unabhängigkeit (оттиск из журнала „Die Welt des Islams“ за 1926 год).

Из империалистической исследовательской литературы надо отметить прежде всего специальную работу, посвященную сирийской революции, принадлежащую перу американской писательницы MacCallum, „The Nationalist Crusade in Syria“ (1928). Интересные материалы помещены также в следующих исследованиях: Toynbee. Survey of International Affairs. Vol. I—The Islamic World (1927). Polson Newman. The Middle East (1926). Hans Kohn. Geschichte der Nationalbewegung im Orient. Bouron. Les druzes. Histoire du Liban et de la montagne Haouranaise (второе издание вышло в 1930 г.). Отдельные моменты сирийской революции освещены (с прокурорско-полицейской точки зрения) в не лишенной интереса книге F. Ammoun'a „La Syrie criminelle“ (1929). Наконец, надо отметить монографию итальянского фашиста Romolo Tritoni, „L'unità della Siria e l'indivisibilità del suo mandato“ (1934). Эта работа отражает всю глубину франко-итальянских противоречий. Автор, представляющий интересы итальянского империализма,

в достаточной степени резко критикует политику французского империализма в период сирийской революции.

Чтобы не загромождать изложения, я опускаю перечень использованных мною источников, освещающих период, предшествовавший сирийской революции.

3. ПРЕДПОСЫЛКИ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925—1927 гг.

После мировой войны 1914—1918 гг. Сирия вступила в полосу глубокого политического и хозяйственного кризиса. Страна была опустошена и разорена войной. Голод унес свыше 100 000 человеческих жизней. На улицах городов валялись трупы голодающих, и никто их подолгу не подбирал. Тутовые и оливковые рощи были вырублены. Многие сады и стада погибли. Посевные площади резко сократились. В этих условиях французский империализм захватил истощенную страну, и его господство лишь углубило разруху, лишь привело сирийский народ к небывалой хозяйственной катастрофе.

Внутренний рынок Сирии был резко сужен. С одной стороны, в результате империалистического раздела от Сирии были отрезаны ее южные районы, Палестина и Трансиордания; отделены таможенными барьерами соседние арабские страны (Ирак, Аравия) и турецкие области (Киликия и Восточная Анатолия); изолированы от моря искусственными границами внутренние округа страны — Дамаск, Алепо, Хауран, долина Хамы-Хомса. С другой стороны, сократила свой спрос почти до нуля сирийская деревня, истощенная войной, империалистическим налоговым и валютным грабежом, конфискациями и контрибуциями. Между тем империализм под давлением мирового послевоенного кризиса усилил свой натиск на резко суженный сирийский рынок, вытесняя оттуда национальную буржуазию, укрепляя свои позиции посредством монополий и колониальной таможенной политики. Потеря внешних и внутренних рынков привела сирийскую промышленность к полному краху. Закрылись тысячи мастерских и мануфактур. Остались без работы десятки тысяч рабочих и ремесленников.

Кризис сбыта сочетался с валютным кризисом. Стремясь выкачать золото из страны и закрепить за собой сирийский рынок, империализм перевел денежное обращение с турецкой золотой валюты на базу обесцененного бумажного франка. Валютный грабеж оказался прибыльной операцией для французских банков. Но эта операция дезорганизовала рыночную и кредитную систему страны; ударила по туземной буржуазии; разбила вконец ремесленников и крестьян; привела на край голодной смерти рабочих, резко снизив их реальную зарплату.

Но центральным звеном хозяйственной катастрофы был аграрный кризис. Истощенное и разоренное вконец войной крестьянское хозяйство нуждалось во внешней помощи для того, чтобы поднять свои производительные силы хотя бы на прежний, довоенный уровень. Вместо этого

империализм взвалил на него бремя экономического кризиса, бремя валютного кризиса и еще в большей мере бремя налогов. Бесчисленные налоги, неимоверно выросшие по сравнению с турецким временем, поборы и конфискации на содержание оккупационных войск, контрибуции и реквизиции — в эту бездонную яму уходили почти все результаты труда сирийских феллахов. В то же время крестьянское хозяйство истощалось систематическим применением принудительного труда; при этом особенной ненавистью крестьян пользовалась дорожная повинность.

Хозяйственный кризис, вызванный империалистической оккупацией, возбудил недовольство всех классов арабского общества — не только трудящихся масс, которые в первую очередь и прежде всего испытывали бремя империалистического гнета, но также и национальной буржуазии. Национальная буржуазия не желала и не могла желать империалистического господства. Империалистическое раздробление страны лишало ее старых рынков; империалистический грабеж крестьянства сужало ее внутренний рынок. Никогда еще вопросы национального единства и независимости не были так тесно и открыто связаны для сирийской буржуазии с вопросами рынка, как в этот период. В то же время господство империализма уменьшало долю национальной буржуазии в прибылях от эксплуатации сирийского народа. Национальная буржуазия несла тяжелые потери и от валютной политики империализма и от его концессионной политики (от захвата французским капиталом всех железных дорог, шоссе, портов, пароходств, коммунальных предприятий; от передачи всех общественных работ французским компаниям; от гнета табачной монополии и администрации общественного долга), от конкуренции армянских купцов и ремесленников, поощряемой французскими властями (в течение первых лет оккупации в Сирию въехало 40 000 армян). Наконец, сирийскую буржуазию возмущал колониальный политический режим, который ставил ее в бесправное положение.

По словам английского писателя майора Ньюмена, сирийцы „ненавидели Францию“ за ее низкую валюту; за то, что она уступила часть сирийской территории Турции; за то, что она разделила страну на ряд государств, что мешало торговле; за то, что она присоединила область Бекаа к Ливану; за то, что она монополизировала сирийский государственный аппарат. „Торговля, затрудненная созданием искусственных границ, отделяющих Сирию от Трансиордании, Ирака и Палестины, еще более затруднялась французской политикой раздробления страны“.¹

Юнг в одной из своих книг опубликовал письмо, полученное им в тот период, ярко характеризующее настроения сирийской буржуазии.

„Кризис торговли свирепствует уже два года,— пишет корреспондент Юнга.— Купцы с трудом поддерживают свое состояние. Нет денег. Нет ресурсов. Сирия быстро приближается к гибели. В тече-

¹ Polson Newman, The Middle East, 1926, стр. 155.

ние 10 месяцев 14 000 человек эмигрировали из Бейрута в Америку. Вместо 4000 кип шелка Ливан производит 1400 кип. Посмотрите на табак. Все сирийцы рассчитывали на эту отрасль торговли. Но компания Режи (табачная монополия) не хочет ни о чем слушать. Она запрещает торговлю табаком всем, кроме себя, и мандатная власть поддерживает ее, ибо она (монополия) принадлежит французам“.¹

Аналогичные настроения выражены в официальном документе сирийской буржуазии, в меморандуме, поданном сирийско-ливанской делегацией на генуэзской экономической конференции 1922 г.

„Сирийская торговля с другими частями Оттоманской империи целиком парализована,— гласит этот документ,— вследствие раздела этих стран, создания таможенных границ и барьеров. Все привилегии и льготы, коими пользовался Ливан в нормальное время, уничтожены. Торговля Сирии ограничена одной только страной. Эмиссия банкнот без всяких гарантийных фондов частным банком, именуемым Банком Сирии, и признание их в качестве официальной валюты страны нанесло решительный удар по экономической жизни.

Сирия и Ливан никогда не знали торгового и хозяйственного кризиса, подобного современному. Этот кризис только начинается. С каждым годом население все более нищает, экономическая жизнь все более останавливается. Если так будет продолжаться, то сирийцы и ливанцы неизбежно осуждены на разорение и банкротство“.²

В другой декларации перечисляются причины экономического кризиса:

„Стране угрожает неизбежная экономическая разруха: 1) вследствие резкого и продолжительного с н и ж е н и я э к с п о р т а, который ни в какой мере не покрывается импортом, все более и более растущим в результате ничем не оправдываемого протекционизма; 2) вследствие ф и н а н с о в о г о х а о с а (выпуск бумажных денег, курс которых подвергается постоянным колебаниям, вызвал бегство из страны капиталов особенно золота, нарушил стабильность торговых операций, особенно со странами, где франк не имеет принудительного курса); 3) вследствие полного отсутствия органа, гарантирующего экономическое единство; многочисленных таможенных барьеров внутри государства, не считая таможен, установленных на границах Палестины, Трансиордании, Месопотамии, Турции — что еще более осложнило тяжелое экономическое положение, обостренное мировым кризисом; 4) вследствие режима капитуляций, заставляющего местных налогоплательщиков нести целиком всю тяжесть бюджета, чем пользуются иностранцы, освобожденные от всяких налогов. . . ; 5) вследствие табачной монополии Режи, которая мешает развитию местной табачной культуры; 6) вследствие администрации оттоманского долга, которая накладывает несправедливо тяжелые налоги на туземную продукцию; 7) вследствие концессий, предоставленных иностранным обществам, в которых не участвуют туземцы“.³

¹ Jung, La révolte arabe, vol. II, стр. 159—160.

² Kampffmeyer, Damaskus, 1926, стр. 110—111.

³ Ibid., стр. 112—113.

Недовольство своим бесправным положением также нашло отражение в официальных документах буржуазии.

„При оттоманской империи, — гласит первый из документов, цитированных выше, — сирийцы были оттоманами и пользовались теми же правами, что и турки. Они находили доступ во все отрасли оттоманского управления. В константинопольском парламенте они были представлены собственными депутатами. Число арабских депутатов превышало $\frac{1}{3}$ всего состава палаты. В настоящее время, они (сирийцы) рассматриваются как туземцы из африканской колонии, опекаемые иностранной державой“.¹

„Наш сирийский народ на краю терпения, — говорится в другой декларации. — У нас нет ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы собраний... Суд и законная власть в руках оккупантов. Местная администрация, образованная из людей, купленных оккупантами, есть только инструмент для исполнения их воли. Денежное обращение, навязанное силой, и злоупотребления, связанные с экспортом золота, истощают страну и ведут ее к разрухе“.²

Но если национальная буржуазия оказалась в бесправном положении — тем тяжелее был гнет, испытываемый рабочим классом, крестьянством, мелкой городской буржуазией и интеллигенцией.

Сохранение феодального гнета и земельного голода, рост старых налогов, новые поборы и конфискации на содержание оккупационных армий; ужасы принудительного труда, новая волна земельных экспроприаций в пользу иностранных компаний, произвол иностранных чиновников, небывалое углубление хозяйственной разрухи и аграрного кризиса — вот что несло сирийским феллахам господство французского империализма. Рабочему классу империализм нес голод, нищету и безработицу. Катастрофическая гибель мелкой промышленности, кризис торговли, валютный кризис, новые налоги — все это било по мелкой буржуазии городов. Трудящиеся массы испытывали на себе последствия валютного грабежа и еще в большей мере, чем буржуазия, колониальное бесправие, политический гнет империализма. Общее недовольство почти всех классов сирийского общества привело к созданию единого национального фронта против империалистических оккупантов. В состав фронта входили не только рабочий класс и крестьянство, но также мелкая буржуазия, интеллигенция, крупная национальная буржуазия и отдельные феодалы. Вне этого фронта в империалистических рядах оставалась только кучка феодально-бюрократической знати и компрадоров. Каждый класс участвовал в едином национальном фронте со своих позиций, которые будут разобраны ниже.

¹ Ibid., стр. 111.

² Jung, op. cit., стр. 157—158.

4. НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Бои за сирийскую независимость вспыхнули стихийно на другой же день после занятия Сирии английской армией (сентябрь—ноябрь 1918 г.).

В июне 1919 г. в Дамаске собрался Сиро-палестинский национальный конгресс. В основу программы конгресса были положены требования национальной независимости и единства: полная политическая независимость Сирии, включая Палестину и Трансиорданию, — без протектората и опеки; независимость Месопотамии и таможенный союз с нею. Но конгресс не смог провести последовательно до конца эту линию: „категорически протестуя“ против политики империалистических мандатов, конгресс в той же программе пошел на компромисс с империализмом. „В крайнем случае“ он согласился принять мандат, обусловив эту капитуляцию тремя оговорками: 1) срок мандата не превышает 20 лет; 2) мандат рассматривается только „как экономическая и техническая помощь, не наносящая вреда политической независимости“, 3) мандат передается только „незаинтересованной державе“ — США, на худой конец Англии, но ни в коем случае не Франции.¹

Однако эти оговорки не помогли. Пока сирийские националисты вели переговоры с „незаинтересованными“ державами, английские войска, по решению верховного совета Антанты, очистили страну, и французская армия генерала Гуро высадилась в Ливане (ноябрь 1919 г.).

Наступление французской армии вызвало революционное сопротивление всего сирийского народа. Повсюду создавались партизанские отряды, мешавшие французскому продвижению в глубь страны. Конгресс и национальное правительство, заседавшие в Дамаске, создали национальную армию. Колониальная война, начатая Францией, переросла в национально-освободительную революционную войну сирийского народа против оккупантов.

Опуская детальное описание фактов этой первой национально-освободительной войны против оккупантов, надо отметить, что она явилась репетицией революции 1925—1927 гг., что она подготовила почву для этой революции. Но национальная война 1919—1920 гг. закончилась поражением правительства Фейсала и Шахбандара,² которое вопреки борьбе масс, героически защищавших сирийскую территорию, сдавало генералу Гуро один за другим важнейшие центры страны и, наконец, сорвало революционную оборону Дамаска. 15 июля 1920 г. французские

¹ Манифест конгресса опубликован в книге Jung'a, *La révolte arabe*, vol. II, 1925, стр. 123—125. См. также Kohn, *A History of Nationalism in the East*, стр. 288—289.

² Сын мекканского шерифа Фейсал эль-Хашими, командовавший во время войны бедуинскими отрядами полковника Лоуренса, был, по инициативе Национального конгресса, провозглашен 8 марта 1920 г. королем Сирии. Доктор Шахбандар — крупный буржуазный националист — возглавлял национальный кабинет, созданный в 1919 г. в Дамаске.

войска вошли в столицу. Король Фейсал получил приказ покинуть страну в 24 часа. Национальное правительство было разогнано. Военный суд генерала Гуро приступил к расправе с революционными массами.

Поражение под Дамаском не могло прекратить национально-освободительную борьбу сирийского народа. Она продолжалась. Франция была вынуждена увеличить оккупационную армию до 70 000 человек и сохранить этот чрезвычайный контингент до середины 1922 г. „Многочисленные арабские банды (т. е. партизанские отряды. В. Л.), — повествует Юнг, — продолжали поддерживать острое возбуждение по всей стране“.¹ На территории Алауитов партизанские отряды шейха Салиха ибн-Али сражались против оккупантов в течение двух лет (1919—1921 гг.). В Северной Сирии — под Алепо и в долине Оронта — продолжали действовать партизанские отряды Ибрагима Ханану. В 1922 г. вспыхнуло восстание друзских крестьян под руководством Султана Атраша и хауранских крестьян под руководством шейха Исмаила Харира. Началось племенное восстание бедуинов на Евфрате. Прокатилась волна антиимпериалистических боев по крупным городам Сирии (Дамаск, Хомс).

Эти восстания, не изученные до сих пор, рассматривались оккупантами как арьергардные бои революционной войны 1919—1920 гг. Когда в 1922 г. империалисты расправились с друзами и хауранцами, им казалось, что сирийская революция разгромлена окончательно. Но историческая действительность опровергла их расчеты. Экономический и политический кризис, вызвавший первую революционную войну, не только продолжал свирепствовать, но углубился. Все вопросы, все противоречия, поставленные и не разрешенные революционными событиями 1919—1920 гг., продолжали существовать, обостряясь изо дня в день. Революционная борьба сирийского народа с оккупантами продолжалась. В 1924 г. вспыхнули крестьянские восстания в области Бекаа (во главе с Мельхемом Касимом) и в области Джебель Друз (во главе с Султаном Атрашем). В 1925 г. началась новая общенациональная революционная война, достигшая несравненно большего размаха, чем первая. Началась великая сирийская революция, выдвинувшая Сирию на одно из авангардных мест на фронте международной колониальной революции. Таким образом „аррьергардные“ бои первой революционной войны сомкнулись с авангардными боями второй революционной войны, подготовили почву для нового мощного революционного подъема.

5. ВОССТАНИЕ В ДЖЕБЕЛЬ ДРУЗЕ

Очагом сирийской революции была горная область Джебель Друз. Друзские крестьяне, поднимавшие не один раз знамя восстания против своих национальных и социальных угнетателей, оказались и на

¹ Jung, op. cit., стр. 151.

этот раз в авангарде революционного движения. Крестьянство было основной движущей силой друзского восстания. Феодалы же в своей значительной части находились в лагере империалистической реакции, активно подерживая карательные отряды.

Апологеты империализма в своем стремлении оклеветать освободительное движение друзов создали миф о его феодальном характере. Если верить губернатору восставшей области капитану Карбийе, против которого прежде всего был направлен гнев масс, то он, Карбийе, выступал как освободитель друзского крестьянства от феодальных пут. „Я защищал 60 000 друзов от двадцати феодалов“, — восклицает он в своих мемуарах.¹ По словам известного французского писателя Альбера Лондра, Карбийе помешал феодалам проводить бесконечные переделы земли, при которых „князьям достаются лучшие земли, а черни — булыжник“.² Он искоренял средневековье, насаждал школы и музеи, обучал детей французскому языку, строил автомобильные дороги и каналы. Его предшественник подкупал друзских феодалов, раздавая им ежемесячно 60 000 франков. Карбийе снизил эту субсидию до 4000 франков в год. Он заставлял феодалов работать на строительстве дорог и подвергал их телесным наказаниям. „Феодалы жадны, — декламирует сам Карбийе, — они эксплуатируют своих крестьян, присваивают земли, расчищенные последними, и преследуют только одну цель: накопить побольше наполеондоров в своих тенеке“.³ И вот недовольные „просзещенным абсолютизмом“ французского проконсула, мечтающие о возврате к средневековью вожди Джебель Друза подняли на защиту своих феодальных прав дружины подневольных закрепощенных сервов, которые против своей воли пошли сражаться с „благодетелями“ крестьянства — французами. Так выглядит друзское восстание в империалистических писаниях.

Но в действительности именно Карбийе опирался на самые реакционные, средневековые слои друзского общества. В действительности именно Карбийе был в тесной дружбе с друзскими клерикалами и феодалами. Напротив, гнет, испытываемый крестьянами, усилился при господстве Карбийе во много раз.

Карбийе душил друзских крестьян непосильными поборами и барщиной. Создавая в Джебель Друзе крупную стратегическую базу, французский империализм действительно опоясал область сетью автомобильных дорог. Но для прокладки этих дорог через скалы Джебеля крестьяне подвергались ужасам барщины, перед которыми бледнеет гнет друзских феодалов. Чтобы бороться с национально-освободительным движением, Карбийе разослал по друзским деревням под видом школьных учителей

¹ Capitaine Carbillet, Au Djebel Druse, 7 éd., 1929, стр. 22.

² Ibid., стр. 18.

³ Ibid., стр. 77—78. Наполеондорами в Джебель Друзе называются все золотые монеты, кроме турецких; тенеке — бидоны из-под керосина, в которых друзские феодалы, по словам Карбийе, хранят свою наличность.

своих шпионов. Маска учителя никого не обманывала. Но огромные поборы на содержание этих шпионов возбуждали недовольство крестьян. Карбийе дал „учителям“ право пороть и штрафовать крестьян, „учителя“ широко пользовались этим правом. К тому же школы были открыты только для детей феодалов и кулацкой верхушки, из которых готовились верные слуги империализма. Поборы на „просветительные“ затеи капитана Карбийе и принудительный труд превышали все ужасы турецкого налогового гнета. „Друзские крестьяне, освобожденные (?) от ига оттоманского десятинного налога, — пишет американская исследовательница Мак Коллэм, — чувствовали, что теперь иго было больше, чем в прошлом“.¹

К этому надо добавить многочисленные колониальные издевательства „просветителей“: незаконные аресты, пытки, порки — все это было обычным явлением. Когда в Суэиде у французского офицера пропала кошка, Карбийе наложил контрибуцию на все население столицы.

Поборы, барщина и колониальные издевательства — вот основные причины друзских восстаний 1920, 1922, 1924 и 1925 гг.

Империалисты подчеркивают, что во главе движения стояли крупнейшие феодалы. Действительно, такие вожди восстания, как Султан Атраш,² Зейд Атраш, Хамди-Дервиш и др., были феодалами. Действительно, они не стремились к ликвидации феодального строя, не могли и не хотели возглавить аграрную революцию. Действительно, их вражда к империализму вытекала прежде всего из противоречий между иностранными и туземными эксплуататорами.

Но эти противоречия не помешали подавляющему большинству друзских феодалов предать национальную революцию на первом же ее этапе. Многие из них с первого же дня революции шли против нее вместе с оккупантами. Напротив, вождь друзского восстания Султан Атраш остался до последнего момента бесстрашным национальным революционером, непоколебимым врагом империализма.

Когда впоследствии национальная буржуазия предала революцию, когда феодальные вожди один за другим уходили из революционного стана, несли повинную империалистическому сатрапу и взамен получали от него назад свои вотчины; когда под напором французских танков, самолетов и митральез силы революции таяли, — в это тяжелое время Султан Атраш продолжал сражаться. Разгромленный вконец, он не сдался, не каляся, не просил у оккупантов вернуть назад свои деревни, но бежал с горсткой партизан в пустыню, обещая вернуться на родину в час новой революции. Героическая судьба Атраша расходится с судьбой его класса. В отличие от феодального класса Атраш вырос с национальной революцией, крестьянской по своему составу, а не предал ее. Его феодальное происхождение, его феодальные взгляды и психика не помешали ему

¹ MacCallum, The Nationalist Crusade in Syria, New York, 1928, стр. 113.

² Султан — в данном случае не титул, но собственное имя.

стать национально-революционным вождем. Вот почему его руководство не может быть названо феодальным.

В настоящее время, находясь в эмиграции, Султан Атраш не играет активной роли в движении. Но революционный подъем может вернуть его на сирийскую арену. Трудно сказать, какую роль ему предстоит сыграть тогда. Во всяком случае, до конца своей активной политической деятельности, т. е. до конца сирийской революции 1925—1927 гг., Султан Атраш продолжал оставаться национальным революционером, выросшим на почве национально-освободительного крестьянского движения.

Национальная буржуазия руководила революционно-освободительной войной 1919—1921 гг. Ее политика привела к срыву обороны Дамаска. Но после разгрома революции 1919—1921 гг. национальная буржуазия продолжала стоять на антиимпериалистических позициях. На этот путь ее толкнули давление масс, хозяйственная катастрофа, углубление кризисных процессов.

В этой борьбе против империализма между 1920 и 1925 годом национальная буржуазия применяла преимущественно тактику петиций, которыми она наводняла Лигу Наций. Однако, по мере того, как назревала массовая революция, национальная буржуазия изменяла тактику. Незадолго до начала революции 1925 г. в Дамаске была создана новая партия национальной буржуазии Хизб-уш-Шааб („Партия народа“), во главе которой стал доктор Шахбандар, бывший президент национального правительства. Эта партия поставила своей задачей обеспечить буржуазное руководство в назревающей революции.

Не прошло и месяца после начала друзского восстания, как группа вождей Шааба во главе с Шахбандаром образовала вместе с Султаном Атрашем „временное революционное правительство независимой Сирии“. Это правительство определило на значительный период времени не только идеологию и программу движения, но также его военную стратегию и тактику.

Таким образом, национальное восстание в Джебель Друзе шло, начиная с августа 1925 г., под буржуазным руководством, в котором участвовали отдельные национально-революционные элементы, вышедшие из феодального класса, вступившие в союз с буржуазией. Друзские феодалы в большей своей части были против восстания. В дальнейшем ходе революции буржуазное руководство капитулировало перед империализмом. Сирийский же пролетариат в то время не вырос и не окреп настолько, чтобы взять руководство в свои руки. Это соотношение сил в значительной мере определило исход революции.

В июле 1925 г. делегация друзов потребовала у французского верховного комиссара Саррайля отставки губернатора Карбийе. Саррайль бросил делегатов в тюрьму.

В ответ на это 500 друзских крестьян во главе с Султаном Атрашем заняли 20 июля городок Салхад, сожгли правительственное здание, уничто-

жили архивы полиции и контрразведки. При захвате Салхада партизанам Атраша пришлось выдержать сражение с местными феодальными семьями — Азамов, Шумари и Джармаками, стоявшими на стороне оккупантов.

Из Салхада партизаны двинулись на север к Каферу. По дороге к ним присоединились повстанцы из всех соседних деревень. В течение одного только дня отряд удвоил свои ряды. В Кафере местный феодал Ассад Мершейд осведомил французского коменданта о продвижении партизан. Французы успели подготовиться к обороне. Произошло жестокое сражение. Из 1000 партизан 120 было убито. Сам Султан Атраш был ранен в ногу. Но Кафер был взят в тот же день (21 июля).

На следующее утро растущая, как снежный ком, масса партизан двинулась дальше на север к Канауату. Это селение было вотчиной столпов средневекового мракобесия, друзских религиозных вождей, выступавших целиком на стороне колониальных властей. Только за четыре дня до начала восстания эта группа церковных феодалов послала верноподданническую телеграмму верховному комиссару Саррайлю. По поручению французских властей клерикалы выполняли роль лазутчиков в стане друзов. „Следуйте за каждой нацией, более сильной чем ваша“ — этот рабский завет друзской религии был лейтмотивом их проповеди. Но никакая религиозная проповедь не могла остановить революционный вихрь. На следующий же день (22 июля) Канауат был взят. И отсюда штаб восстания начал готовить наступление на столицу Джебеля — Суэйду.

Спустя шесть дней повстанцы заняли Суэйду, загнали французский гарнизон в крепость и осадили его.

Еще спустя четыре дня кучка повстанцев разгромила карательную экспедицию полковника Мишо, состоявшую из 3—4 тысяч солдат. Сам Мишо бежал. Повстанцы захватили сотни пленных, 12 пулеметов, батарею горной артиллерии, 2000 винтовок, продовольствие и амуницию.

Французский империализм ответил на новую победу партизан воздушными бомбардировками, разрушением многих друзских деревень. Но бомбардировки только увеличивали число повстанцев. Восстание быстро росло. Оно охватило весь Джебель Друз.

Против растущего национально-революционного движения французский империализм попытался пустить в ход свою феодальную опору. На севере Джебеля это была династия Амеров; на юге — церковные феодалы и многие члены господствующей династии Атрашей. Селим Атраш (умерший еще до начала восстания), Фарес Атраш и его сыновья, а также Хусейн, Несиб, Хамад и Абдул-Гафар Атраши — все они прямо или косвенно стали на сторону французского империализма.

После разгрома экспедиции Мишо французские империалисты созвали эту свою феодальную гвардию на съезд в селение Аэре. Здесь присутствовали три Атраша, Хунейде, Амеры, Халаби, Нассары. Они выступили перед массой повстанцев с проповедью мира. Но „толпа

освистала их и грозила им смертью“.¹ Расправа с Хусейном Атрашем была еще крепче: повстанцы сожгли его дом и захватили его стада.²

Так на первом же своем этапе национальное крестьянское восстание в Джебель Друзе направило свое острие не только против империализма, но также против его феодальных союзников.

6. БОРЬБА ЗА ДАМАСК. ПОДЪЕМ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

После разгрома экспедиции Мишо французский империализм сформировал новую карательную экспедицию, возглавленную генералом Гамеленом. В ее состав входили 6500 человек, преимущественно цветных колониальных солдат (сенегальцев, алжирцев, мадагаскарцев), а также иностранных легионеров.³

Экспедиция Гамелена, оснащенная танками, броневиками, самолетами, артиллерией и всеми современными средствами борьбы, укрепилась на линии Хиджаской железной дороги (к югу от Дамаска) в пунктах Дераа, Газзали, Эзраа и Мусейфер. На этой укрепленной линии ей удалось отразить друзскую атаку (16 сентября) и даже совершить оттуда рейд в глубь Джебеля. Во время рейда отряд Гамелена захватил столицу области — Суэйду и вывел из крепости осажденный там друзами французский гарнизон (24 сентября 1925 г.). Но этот рейд не принес ожидаемых результатов: Гамелен сжег десятки друзских деревень, удержать же Суэйду и территорию Джебеля он не смог. Тем более он не смог подавить движение друзов. Его войска отступили вновь на укрепленную линию железной дороги, где им пришлось отсиживаться в течение всей зимы, отражая атаки повстанцев и совершая от времени до времени новые бесполезные рейды. Кроме сожженных деревень эти рейды имели только один результат. Они ускорили предательство тех немногих феодалов, которые шли вначале вместе с революцией. „В результате этих операций, — пишет Бурон, — несколько колеблющихся вождей, присоединившихся против своей воли к Атрашу, перешли на нашу (т. е. империалистическую. В. Л.) сторону. Но друзская масса не хотела раскаиваться“.⁴

Если друзские феодалы спешили переметнуться в лагерь империализма, чтобы вместе с ним сражаться против друзских крестьян, то с ирийские феллахи и бедуины поспешили выступить против империализма вместе с друзскими крестьянами.

Уже первые вести о друзских победах подняли всю страну. Повсюду между Дамаском и Алепо феллахи и бедуины создавали свои

¹ Bouron, Les друзes. Histoire du Liban et de la montagne Haouranaise, 2 éd., 1930, стр. 245.

² Ibid., стр. 230.

³ Всего в Сирию для борьбы с революцией было брошено около 80 000 человек.

⁴ Bouron, op. cit., стр. 248.

партизанские отряды и начинали борьбу. Неурожай 1925 г. был последней каплей, переполнившей чашу их терпения. „Недовольные элементы росли в результате экономической катастрофы, вызванной почти полной гибелью урожаев“, — пишет Мак Коллэм.¹

„Всеобщее недовольство было обострено исключительно плохим урожаем. Горожане страдали от финансовых трудностей. Бедуины испытывали физические страдания. И те и другие проклинали французов“, — отмечает майор Ньюмен.²

Таким образом, в отличие от предшествующих друзских восстаний, восстание 1925 г. быстро переросло локальные рамки, охватило другие районы страны и превратилось в общенациональную сирийскую революцию.

Важными центрами крестьянского движения были округа Алепо и Хамы — Хомса. Партизанская борьба началась здесь еще в августе. В начале октября в округе Хама вспыхнуло большое крестьянское восстание под руководством буржуазных националистов. Восставшие крестьяне прервали все средства сообщения и захватили город (3 октября). Французская карательная экспедиция, вооруженная танками и самолетами, уничтожила свыше 200 повстанцев. Ей удалось отвоевать город, но партизанское движение в округе продолжало расти.

Спустя несколько дней (7 октября), 500 вооруженных бедуинов подошли к Алепо. „В городе находился французский гарнизон, — пишет Мак Коллэм. — Но за городом бандитизм рос в ужасающих размерах и вскоре превратился в партизанскую войну, охватившую всю область между Алепо и Хамой“.³

Но важнейшим географическим центром войны был Дамаск. Важнейшей стратегической задачей на первом этапе революции было овладение Дамаском.

Дамаск — столица страны, резиденция сирийского правительства⁴ и в то же время многовековой центр исторических плебейских восстаний, центр первой сирийской национальной войны, город с великими национально-освободительными традициями — оставался в руках империалистов. Между тем, его стратегическое значение было исключительно велико. Оно определялось не только историческим, географическим и административным положением Дамаска, но прежде всего его социально-экономическими условиями. Это был крупный центр массового движения — центр, в котором наиболее тесно соприкасались между собой массы рабочих, ремесленников, крестьян и кочевников. В самом городе была сосредоточена значительная кустарная промышленность, занимавшая десятки тысяч рабо-

¹ MacCallum, op. cit., стр. 128.

² Newman, The Middle East, стр. 157.

³ MacCallum, op. cit., стр. 129.

⁴ Французский верховный комиссар и его аппарат находились в Бейруте.

чих и ремесленников. Вокруг него в оазисе Гута находился большой крестьянский район — район товарного садоводства. В соседней степи кочевали тысячи бедуинов, регулярно посещавших Дамаск в дни бедуинских ярмарок и базаров.

Захват Дамаска был намечен национальной партией Шааб на конец августа. План операции строился на совместных действиях трудящихся Дамаска и Гуты (оазис под Дамаском) с революционными друзьями. По плану восстание внутри города и в оазисе подкреплялось внешним наступлением дружеских отрядов на Дамаск. Подготавливая эту операцию, национальная партия Шааб созвала в Шаабе повстанческий съезд.

„Отступить поздно, — говорили вожди Шааба друзьям на этом съезде. — Оставаться в изоляции вам нельзя. Двигайтесь к Дамаску. Мы поддержим вас восстанием. Ворота Дамаска откроются перед Султаном Атрашем“.¹

Друзы двинулись к Дамаску. Но ворота города не открылись перед ними. Их наступление не было поддержано восстанием внутри города, но, напротив, отражено французской артиллерией и самолетами (1 сентября). Трудно сказать, почему восстание в Дамаске не началось в условленный срок.² Однако, подготовка к этому восстанию не прекращалась. В течение сентября и первой половины октября в садах Гуты (под Дамаском)³ формировались партизанские отряды. Сотни жителей Дамаска покидали город и примыкали к ним.

Пытаясь подавить растущее в оазисе движение, оккупанты сжигали одну за другой деревни Гуты и казнили крестьян. Но поджоги и казни лишь раздували пламя революции. Бездомные крестьяне присоединялись к партизанским отрядам.

В середине октября оккупанты убили в Гуте около 15—20 партизан. Они взвалили их трупы на верблюдов и пустили караван смерти по улицам Дамаска. „Тела убитых качались в такт с поступью верблюдов“, — описывает это зрелище корреспондент „Times“. После того как парад трупов прошел по улицам, тела были выставлены на главной площади. Среди убитых были жители Дамаска, и население узнало их.

Караван смерти послужил сигналом к восстанию. Спустя три дня у восточных ворот города (Баб-уш-Шарки) были найдены тела 12 убитых черкесов, состоявших на французской службе. В ночь на 17 октября были обстреляны французские войска. 18 октября утром в Дамаск вошли три партизанских отряда, составленные из жителей

¹ Bouron, Les druzes, стр. 245.

² По версии Мак Коллэм, Султан Атраш добровольно отказался войти в Дамаск по просьбе местных нотаблей, „не желавших нарушать мир“.

³ Сады составили продовольственную базу для партизанских отрядов. „Эти бандиты(?) поедали собственность богатых садовладельцев“, — в ужасе восклицает американская мещанка Мак Коллэм.

Дамаска, бежавших в Гуту, крестьян оазиса и друзов.¹ Во главе отрядов стояли Несиб Бакри, Хасан Карат и Хамед Халаки. Разоружая на своем пути жандармов, эти отряды дошли до резиденции французского губернатора. Не найдя губернатора, они сожгли его дворец.² Затем они осадили французский генеральный штаб и держали осаду, несмотря на бомбардировку в течение двух суток.

Население Дамаска поддержало партизан. Рабочие, ремесленники, учащиеся разоружали солдат и полицейских, захватывали винтовки, строили баррикады, примыкали к партизанским отрядам. „Население присоединилось к бандам, — отмечало официальное сообщение от 20 октября, — но вмешательство танков, принесшее значительные результаты, кажется успокоило горячность повстанцев“. Это циничное признание не вполне отвечало истине. Действительно, против восставшего населения были пущены в ход танки. Действительно, они „принесли значительные результаты“ в том смысле, что расстреляли сотни людей. „18 октября по улицам города непрерывно сновали французские танки, стреляя во все стороны“ — об этом свидетельствует специальный корреспондент „Times'a“. Но деятельность палачей не могла сломить решимости повстанцев. „Толпа соорудила баррикады в тылу у танков, — продолжает тот же корреспондент, — и при возвращении танки были обстреляны. Многие танкисты были ранены“.³

К вечеру 18 октября французы начали бомбардировку Дамаска. Это был непревзойденный до сих пор рекорд капиталистического варварства. В течение двух суток тяжелая артиллерия, бомбовозы и пулеметы обстреливали великий исторический город, уничтожая тысячи людей (в том числе детей и женщин), разрушая целые кварталы, дворцы, памятники искусства.

Бомбардировка Дамаска сохранила город в руках французского гарнизона. „Но она не могла запугать повстанцев, к которым примкнули жители сгоревшего Майдана (кварталы бедноты)“.⁴

* * *

Зимой 1925/26 г. незатихавшая партизанская война охватила всю территорию Сирии. Она велась по крайней мере на четырех фронтах. На севере Алепо и Хомс были окружены тесным кольцом партизанских отрядов. На востоке, в Гуте, партизанские отряды, скрываясь в садах, осаждали Дамаск. На юге Джебель Друз продолжал

¹ О численности этих отрядов даются самые разноречивые показания: от 60 до 800 человек и выше.

² По другой, более правдоподобной, версии этот дворец был уничтожен французской артиллерией.

³ „Times“, 27 X 1925 г.

⁴ MacCallum, op. cit., стр. 138.

оставаться в руках революционного правительства. Отряд генерала Гамелена, расположенный на укрепленной линии Хиджазской железной дороги, с трудом защищал от повстанцев свои оборонительные позиции. В то же время отряды друзов перешли на запад, в Южный Ливан, угрожая отсюда цитадели французского господства — Бейруту.

„Французские военные власти не могли справиться с положением, которое стало целиком вне их контроля, — пишет Ньюмен. — К началу ноября вся территория между Дамаском и Алепо фактически была в руках повстанческих банд (т. е. партизанских отрядов. В. Л.)“.¹

„Французам удалось удержаться только в больших городах, — пишет об этом периоде немецкий историк Ганс Кон, — и даже эти города подвергались частым и смелым налетам повстанцев. Небольшие городки и деревни целиком были в руках повстанцев, бандитов (т. е. партизан. В. Л.) и бедуинских племен“.²

Под Алепо действовали партизанские отряды Ибрагима Ханану. В начале января французские войска расстреляли из пулеметов и броневиков национальную демонстрацию в городе.

В Дамаске в течение всей зимы повстанцы Гуты свободно ходили по городу. Каждый день они нападали на французские патрули. Они приходили целыми отрядами на сборы в мечеть Омайядов. Они фактически владели Майданом — кварталом бедноты, которая поддерживала их. На улицах города и в оазисе ежедневно происходили стычки. В начале декабря в Дамаске произошло новое крупное сражение: на стороне повстанцев участвовало 500 человек, на стороне французов 800 человек. В феврале 1926 г. французский главнокомандующий генерал Андре спровоцировал погром Майдана. В апреле—мае 1926 г. он провел вторую бомбардировку Майдана, не уступавшую по жестокости октябрьской. Но напуганная размахом сирийской революции буржуазная пресса на этот раз предпочла обойти молчанием новый „подвиг“ цивилизаторов.

В Ливане партизанские отряды друзов во главе с Зейдом Ат-рашем заняли округа Хасбайя, Каукаба, Джедейда и подошли на 30 км к морю. После длительных боев в декабре 1925 г. они были отброшены на линию Меджель-уш-Шамса и укрепились здесь.

7. ПОДАВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

В течение зимы 1925/26 г. французский империализм занимал оборонительные позиции. Весной и летом 1926 г. он попытался развернуть наступление, но натолкнулся на упорное сопротивление партизан. Лишь

¹ Newman, op. cit., стр. 184.

² Kohn, The Nationalism and Imperialism in the Hither East, стр. 194.

в результате двух лет борьбы, к осени 1927 г., сирийская революция была побеждена.

На севере, в районе Алепо, империалистам удалось, комбинируя бомбардировки и репрессии с подкупами, перетянуть на свою сторону племенных феодальных шейхов. В районе Хомса они купили вождя партизанских отрядов феодала Рамадана Шаллаша. Но эти подкупы не могли подорвать массового партизанского движения. Вместо предателя Шаллаша руководство партизанской войной перешло к Фаузи Каукаджи. Набеги продолжались до весны 1927 г. Лишь тогда был „замирен“ округ Алепо. Округа же Хомса и Хамы вели непримиримую борьбу с империализмом до конца восстания.

В Джебель Друзе французские империалисты после тяжелой воздушной и артиллерийской бомбардировки заняли Суэйду (26 апреля 1926 г.). Спустя два месяца им удалось захватить Салхад. В течение всего лета велась воздушная бомбардировка друзских деревень. Но лишь некоторые деревни сдались. Большинство повстанцев продолжало вести борьбу. Оккупанты пытались мобилизовать против друзов хауранских крестьян. Хауранцы примкнули к друзам.

В августе — октябре 1926 г. в Хауране и Джебель Друзе прошла новая волна боев. Она закончилась поражением повстанцев. Но восстание не было разбито окончательно. Большой партизанский отряд (400 человек) ушел в пустынную, неприступную местность Ал-Леджа. В течение четырех месяцев, испытывая голод, холод, находясь под постоянным артиллерийским огнем, подвергаясь воздушным бомбардировкам, этот отряд не сдавался.

Весной 1927 г. он перешел в новое наступление вместе с другими друзскими отрядами Султана Атраша. Но это были арьергардные бои. Они продолжались до июня 1927 г., когда крестьяне разошлись по деревням, а Султан Атраш вместе с группой партизанских вождей покинул страну.

В Гуте (под Дамаском) французский империализм перешел в наступление в апреле 1926 г. 23 апреля колониальные власти объявили вождям партизан, что через пять дней все деревни, в которых скрываются повстанцы, будут сожжены без предупреждения. Началась бомбардировка деревень. В ход были пущены артиллерия и авиация. Партизаны Гуты оказали сопротивление французам: южная группа партизан разбила на голову один из французских отрядов и загнала его обратно в Дамаск. Северная группа партизан в течение трех дней сдерживала напор французской колонны.

Но натиск империалистов был слишком велик, и французам удалось оккупировать сады и деревни Гуты. Карательная экспедиция¹ сжигала

¹ В ее состав входили 6 броневиков, 22 танка, 5 тяжелых самолетов, 2 батареи и 8500 штыков.

амбары с хлебом, уничтожала многие деревни целиком. Вот что рассказывает Мак Коллэм об этой экспедиции.

„Почти в каждой деревне французы собирали представителей населения и казнили их без формальностей. Они убили свыше 1500 человек, причем среди убитых крестьян свыше трех четвертей не участвовало в сражениях. Из пленников только 300—400 человек были перевезены в город“.¹

В результате этой экспедиции партизанское движение в Гуте только выросло. Тысячи крестьян бежали из оккупированных французами деревень, присоединяясь к партизанским отрядам.

Спустя три месяца, в июле 1926 г., партизаны напали на французские посты, расположенные в садах. Вновь начался напряженный бой. Французы закрыли на десять дней воду для деревень. Повстанцы закрыли источники питьевой воды для города. После подавления этой вспышки французские карательные отряды ходили по деревням Гуты под прикрытием танков и броневинов, партизаны атаковали их с тыла.

В конце августа „французы установили сильные посты в некоторых деревнях Гуты, но повстанческие отряды продолжали действовать в садах и атаковать поезда“. К этому времени в Гуту из Джебель Друза были посланы новые отряды повстанцев. Они разгромили отряд французских войск под Кисвой и захватили поезд с припасами под Думой. 24 августа 1926 г. повстанцы возобновили атаку Дамаска и проникли в город. Тогда французы начали третью бомбардировку Дамаска. Несколько дней повстанцы скрывались в одном из кварталов города. 30 августа французы провели облаву, но им удалось поймать только 20 пленников.

В течение всей зимы 1926/27 г. продолжалась партизанская война в Гуте. Французская артиллерия и самолеты продолжали обстреливать район.

Из Южного Ливана друзские партизаны были окончательно вытеснены только в августе 1926 г. В течение всего лета они держали в своих руках округ Рашайя — Вади-Аджам — Вади-Там — Меджель-Шамс. В то же время развернулась партизанская война в других частях Ливана. В Бекаа крестьяне-повстанцы заняли окружной город Баальбек, сожгли правительственное здание, почту и телеграф. Под Тарабулусом (или Триполи) партизанские отряды атаковали железную дорогу. В Бекаа партизанская борьба продолжалась до осени.

Так в течение двух лет сирийский народ в упорной партизанской войне героически отстаивал свою свободу от французских империалистических завоевателей.

¹ MacCallum, *op. cit.*, стр. 156.

8. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СИРИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1926—1927 гг. ТАКТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ

Революция 1925—1927 гг. носила национальный характер. Революционная масса еще не выдвигала широких аграрных задач. Как отмечалось выше, единый национальный фронт революции состоял из крестьянства, боевыми организациями которого были партизанские отряды, но которое еще не имело своих массовых политических организаций; из рабочего класса, который уже имел в зачаточном виде компартию, но еще не был организован и охвачен ею; из революционной мелкой городской буржуазии и интеллигенции; из крупной национальной буржуазии, образовавшей партию Шааб и временное правительство. К этому единому фронту примкнули отдельные феодалы типа Султана Атраша.

Основной движущей силой сирийской революции 1925—1927 гг. было крестьянство. Феллахи и бедуины (кочевники) составляли основную массу партизанских отрядов.

„Восстание носит ярко выраженный крестьянский характер, — писал т. Шами в то время. — При занятии повстанцами какой-либо местности, крестьяне чуть ли не поголовно примыкали к повстанцам. В Хаурани и Гуте целые семьи, включая и женщин, брались за оружие. При подавлении же французами повстанческих сил крестьяне возвращаются к своему хозяйству, но симпатии их попрежнему остаются на стороне повстанцев... Восстание знало не только периоды успехов и поражений, — делает отсюда вывод Шами, — но и периоды прилива и отлива живой человеческой силы“¹.

Надо сказать, что эти периоды обычно совпадали между собой. Под давлением голода многие партизаны прекращали на время борьбу и шли обрабатывать поля. Это обстоятельство учитывалось французским командованием. Главные наступательные и карательные операции французов не случайно были приурочены к сезону полевых работ. Лишь в районах садоводства, где продовольственная проблема не стояла так остро, партизанская борьба продолжалась круглый год.

Крестьянство действовало не изолированно, но в союзе с трудящимися города, прежде всего с рабочими. Рабочий класс Сирии принимал непосредственное участие в дамаском восстании, в партизанской войне. В то же время он поддержал национальную борьбу рядом стачек (стачки железнодорожников и текстильщиков Алепо, текстильщиков Хамы, Хомса и Дамаска, табачников и шоферов Ливана, трамвайщиков, электриков, печатников, кожевников, портовых рабочих, деревообделочников Бейрута и т. д.). В 1925—1927 гг. рабочий класс Сирии еще был слаб и неорганизован. Возникшая накануне революции компартия еще предста-

¹ Революционный Восток, 1928, № 3, стр. 286.

вляла небольшую, организационно полностью еще неоформленную группу Вэтих условиях рабочий класс не сыграл самостоятельной роли внутри национального движения, не обеспечил своего классового влияния на партизанскую массу, хотя в партизанских отрядах рабочим принадлежало почетное место.

Руководство единым национальным фронтом принадлежало национальной буржуазии. Но это руководство встало на путь капитуляций после первых же поражений революции. Та широкая партизанская борьба, которая развернулась в 1926—1927 гг., шла в основном без феодалов (за исключением отдельных вождей) и без крупной буржуазии.

В этот момент руководство движением перешло в руки национально-революционной мелкой буржуазии.

Выше приводились примеры предательства феодальных вождей. Большинство друзских феодалов с первого же момента выступило против революции. Другие друзские феодалы перешли в лагерь империализма после первых побед Гамелена. Такое же положение было на севере, где феодальная знать в основном выступала против партизанского движения. Отдельные же феодалы, бывшие вождями партизанских отрядов, вроде Рамадана Шаллаша, а также бедуинские шейхи в результате французских субсидий оказались изменниками.

По версии Мак Коллэм дамасские нотабли в августе 1925 г. просили Султана Атраша не входить в город, чтобы не нарушать мира. После октябрьской бомбардировки они пришли к губернатору „изъявить свою покорность“. В ноябре 1925 г., когда партизанские отряды Зейда Атраша должны были занять Дамаск, они вновь просили его оставить город в покое, „опасаясь возобновления бомбардировки“.¹

В конце 1926 г. французский верховный комиссар был завален декларациями феодалов, нотаблей и купцов, изъявлявших свою покорность. Эти декларации шли со всех концов страны. Вчерашние „союзники“ и попутчики революции — помещики и купцы — теперь устраивали в Дамаске банкеты в честь ее усмирителей. Эта перемена была вызвана, с одной стороны, радикальным разворотом партизанского движения, мощным подъемом крестьянской борьбы. С другой же стороны, буржуа испугались бомбардировок, разрушавших их дома и склады; помещики испугались репрессий (конфискации земли и имущества мятежных феодалов). Вот почему они ринулись в лагерь империализма, как только увидели, что верховный комиссар Понсо отдает назад вотчины раскаявшимся феодалам.

Национальная буржуазия не сразу стала на путь капитуляции. После разгрома национально-освободительной войны 1920 г. она вела — по крайней мере на словах — борьбу за независимость. Исполком национального конгресса, так называемый Сиро-палестинский комитет, переведенный в Каир,² выдвинул следующую программу:

¹ MacCallum, *op. cit.*, стр. 139.

² В состав этого комитета входили эмир Мишель Лютфалла, доктор Шахбандар и другие вожди помещичье-буржуазного национализма. Комитет имел постоянную делега-

1. Независимость и суверенитет Сирии, Ливана и Палестины.
2. Объединение этих стран. Создание общего конституционного правительства.
3. Эвакуация иностранных оккупационных армий из Сирии, Ливана и Палестины.
4. Отмена секретных договоров о разделе арабских стран.
5. Отмена мандатов.
6. Вступление Сирии, Палестины и Ливана в Лигу Наций.¹

На основе этих же принципов была выработана программа вновь образованной партии сирийской буржуазии Хизб-уш-Шааб (1925 г.).

1. Признание национального суверенитета Сирии.
2. Единство Сирии в ее естественных границах.
3. Демократические формы правления. Свобода личности, прессы и ассоциаций.
4. Защита национальной промышленности и развитие экономических ресурсов страны.
5. Реформа системы народного образования.

Спустя несколько месяцев программа Шааба была воспроизведена в манифесте временного революционного правительства, которое призвало бороться:

1. За полную независимость и единство Сирии.
2. За создание национального правительства.
3. За свободные выборы в Учредительное собрание и за конституцию.
4. За эвакуацию иностранной оккупационной армии и создание национальной армии.
5. За принципы великой французской революции и декларацию прав человека.

Это была буржуазная национально-освободительная программа. В ней не было ни одного аграрного требования.

В дальнейшем ходе революции национальная буржуазия изменила этой программе. В момент наивысшего подъема революции, когда по всей стране шли напряженные бои за независимость, национальная буржуазия вступила в дипломатические переговоры с империализмом. Она пошла на уступки. Она сдавала без боя одну за другой свои позиции, отказывалась от своих основных программных требований, стремясь во что бы то ни стало заключить компромисс с империализмом за спиной борющихся масс и за их счет. Правда, переговоры не привели ее

цию в Женеве при Лиге Наций — в составе эмира Шекиба Арслана (панисламист, до войны член турецкого парламента и сторонник Турции, после войны один из виднейших лидеров арабского национал-реформизма) и доктора Ихсана Джабри. Эта делегация в том же составе существует и до сих пор, причем Арслан завершил свою эволюцию, превратившись в платного агента Муссолини и Гитлера.

¹ См. Kampffmeyer, Damaskus, стр. 108.

к окончательной капитуляции. Компромиссы срывались или в лучшем случае заключались лишь на короткий период. Они расстраивались из-за противоречий между их партнерами. Но поиски компромисса не прекращались ни на один день, свидетельствуя о том, что в процессе революции национальная буржуазия стала на путь реформизма.

Переговоры начались в ноябре 1925 г. в Париже, сейчас же после бомбардировки Дамаска. „Герой“ этой печальной эпопеи, французский верховный комиссар в Сирии генерал Саррайль, вынужден был подать в отставку. Назначенный вместо него сенатор де-Жувенель немедленно связался с представителем Сиро-палестинского комитета Шекибом Арсланом, находившимся тогда в Париже. Арслан потребовал обеспечить полную независимость Сирии и Ливана, но он отказался от лозунга единства. По плану Арслана Сирия и Ливан получали сепаратное дипломатическое представительство за границей. Вопрос о принадлежности спорных территорий на границе Сирии и Ливана должен был решаться плебисцитом. Арслан даже соглашался признать прежние „жертвы“ Франции в Сирии и Ливане и вознаградить ее за эти „жертвы“ концессиями, монополией на выпуск колониальных займов, контролем над сирийской армией (под видом ее обучения), созданием французской морской базы на сирийском берегу и наконец франко-сирийским военным союзом.

Арслан не поставил вопроса об эвакуации французской армии из страны. Эти требования резко отличались от национальной программы, провозглашенной временным правительством. Но Жувенель отказался принять их.

По дороге в Сирию Жувенель остановился в Каире, где он вел переговоры непосредственно с Сиро-палестинским комитетом. Комитет выдвинул следующие требования:

1. Прекратить французский мандат.
2. Объединить Сирию.
3. Свести Ливан к его довоенным границам.
4. Образовать временное правительство для выработки конституции.
5. Провести безусловную всеобщую амнистию.
6. Компенсировать Джебель Друз за вред, причиненный французскими войсками и аэропланами.

Ньюмен однако указывает, что националисты из Сиро-палестинского комитета готовы были допустить участие французских советников в конституционном правительстве; что они предлагали передать французским советникам руководство теми „техническими“ департаментами, которые „не могут управляться“ сирийцами; что они предлагали организовать небольшую сирийскую армию с французскими инструкторами; что „единство“ Сирии мыслилось ими без Ливана (и тем более без Палестины и Трансиордании); что, принимая программу империалистического раздробления, они представляли себе „единую“ Сирию как федерацию четырех

карликовых государств: Дамаска, Алепо, Латакие и Джебель Друза. Но даже эти уступки не удовлетворили де-Жувенеля.

По приезде в Сирию (декабрь 1925 г.) Жувенель продолжал политику военного режима и карательных экспедиций против трудящихся масс Сирии и в то же время вел политику переговоров и попыток компромисса с буржуазией. „Мир — жаждущим мира, война — стремящимся к войне“ — в этом лицемерном лозунге была выражена его двойственная политика. На этот призыв Султан Атраш ответил, что сирийская революция только началась.

Жувенель попытался перетянуть Атраша на свою сторону. К Атрашу был послан эмир Амин Арслан. Но партизанский вождь отказался выслушать эмиссара империалистов.

Жувенель призвал партизан сдаваться, обещая амнистию всем повстанцам кроме „вождей“ и „уголовных“. Понимая смысл этого маневра, повстанцы продолжали борьбу.

В январе 1926 г. в ответ на требование Жувенеля о сдаче партизанское руководство предложило начать мирные переговоры между независимой Сирией и Францией, как равными сторонами. Жувенель поставил предварительным условием переговоров сдачу оружия. Партизаны отказались совершить этот самоубийственный шаг.

Массы продолжали упорную борьбу с империализмом. Перевес был еще на их стороне. Но национальная буржуазия, став на путь реформизма, шла на новые уступки, продолжала добиваться компромисса. В декабре 1925 г. Сиро-палестинский комитет снял требование „полной отмены мандата“ и согласился принять мандат в форме франко-сирийского союзного договора по иракскому образцу. Но Жувенель не принял даже этой уступки, продолжая добиваться полной капитуляции.

В начале 1926 г. сирийская буржуазия согласилась создать „национальное правительство“ под контролем Жувенеля на следующих условиях:

1. Всеобщая безусловная амнистия.
2. Объединение Сирии и ее вступление в Лигу Наций.
3. Сведение Ливана к его довоенным границам.
4. Договор с Францией, обеспечивающий сирийскую независимость во внутренних делах страны.
5. Постепенная эвакуация французских войск.
6. Валютная реформа.
7. Судебная реформа.
8. Компенсация за вред, причиненный французскими войсками.

В июне 1926 г. эта программа была дополнена и уточнена в меморандуме, представленном Жувенелю. Меморандум определил размер компенсации в 5 миллионов золотых турецких фунтов. План валютной реформы предусматривал восстановление золотого стандарта и выплату компенсации за потери, испытанные вследствие перехода к бумажной валюте. Эти пункты, касавшиеся карманов сирийской буржуазии, соста-

вили сердцевину ее политической программы. Таким же по существу вопросом кармана был вопрос о выходе к морю — ливанский вопрос. Сирийская буржуазия требовала не только „сжать“ Ливан до его прежних границ, но также провести плебисцит с целью присоединения Ливана к сирийской федерации. Ни одного аграрного требования в программе не было и быть не могло. Эта программа также не была принята Жувенелем.

В мае 1926 г. под напором растущей партизанской войны Жувенель попытался заключить компромисс с национальной буржуазией. Он создал так называемое „национальное правительство“ с участием арабских националистов (хотя во главе этого правительства стоял турецкий бюрократ Ахмед Нами, зять свергнутого турецкого султана). Для достижения компромисса Жувенель принял на словах следующие национал-реформистские требования:

1. Тридцатилетний франко-сирийский договор.
2. Выход к морю для Алепо и Дамаска, путем объединения Сирии.
3. Выборы в Учредительное собрание для выработки конституции.
4. Организация национальной армии и постепенная замена французских войск ее частями.
5. Возврат к золотому стандарту.
6. Общая амнистия.

Однако компромисс вскоре сорвался. Новое правительство не собиралось выполнять эту программу. Националисты вышли из его состава и были арестованы.

Но даже после этого провала национальная буржуазия продолжала искать компромисса с империализмом на базе своих прежних требований. Летом 1926 г. в Париж была послана делегация Сиро-палестинского комитета. Содержание переговоров неизвестно. По словам Мак Коллэм соглашение было достигнуто, но в последнюю минуту переговоры сорвались.

Жувенель не справился с задачами, порученными ему французским капиталом. Он не смог подавить восстания масс. Он не смог добиться компромисса с национальной буржуазией, несмотря на всю ее готовность к уступкам. Эти задачи были осуществлены при преемнике Жувенеля — верховном комиссаре Понсо.

После разгрома сирийской революции Понсо заявил, что Франция не откажется от мандата. Национальная буржуазия приняла эту декларацию. Это привело к формальному расколу между реформистскими и революционными элементами движения (фактический раскол между ними произошел значительно раньше, еще в период подъема революционной борьбы). В ответ на новую капитуляцию Шахбандара, Лютфалла и др., изъявивших свою готовность „сотрудничать с мандатной державой на благо страны“, — мелкобуржуазные национально-революционные элементы покинули Сиро-палестинский комитет.

9. ВЫВОДЫ

Подводя итоги сирийской революции 1925—1927 гг., надо прежде всего отметить ее международное значение. Революция вспыхнула в период относительной стабилизации капитализма, когда на Западе затихли арьергардные бои первого тура революций, и революционная волна, казалось, пошла на убыль. Вместе с великой китайской революцией, вместе с национально-освободительной войной в Марокко сирийская революция показала, что общий кризис капитализма продолжается; что никакие временные конъюнктурные сдвиги не могут спасти капитализм от его неизбежной гибели.

Сирийская революция наглядно продемонстрировала единство международного пролетариата и колониальных народов в их борьбе против империализма. Французская компартия вела мужественную борьбу против посылки карательных отрядов в Сирию, за полную эвакуацию французских войск из этой страны. Она призывала французских солдат брататься с сирийскими партизанами. Она разоблачала колониальные зверства французского империализма, поддерживала освободительную борьбу сирийских рабочих и крестьян.

Сирийская революция 1925—1927 гг. ускорила размежевание классовых сил внутри страны.

Она показала, что многие феодалы являются врагами революции. В своем большинстве они выступили против революции с самого ее начала. Феодалное же меньшинство, примкнувшее к революции, перешло в процессе борьбы в лагерь оккупантов (за исключением отдельных одиночек).

Революция 1925—1927 гг. показала громадные маневренные способности крупной национальной буржуазии. В начале революции буржуазия заняла руководящую позицию в антиимпериалистическом фронте. В процессе революции она отказалась от революционных методов борьбы, пошла на компромисс с оккупантами, но не капитулировала окончательно.

Сирийская революция выявила ту крупную роль, которую может сыграть в борьбе за национальную независимость мелкая городская буржуазия. Она показала, что без участия этого класса нельзя построить подлинно народный антиимпериалистический фронт.

Сирийская революция показала огромные революционные возможности крестьянских масс, ведущих борьбу в союзе с пролетариатом, под непосредственным влиянием освободительных идей Великой Пролетарской Октябрьской революции в СССР, открывшей эру гражданских войн в передовых странах и колониальных и национально-освободительных революций в отсталых. Партизанская война 1925—1927 гг. была генеральной репетицией той будущей великой арабской революции, которая покончит раз навсегда с империалистическим и феодальным гнетом, которая поднимет над Сирией и над всем арабским Востоком знамя национальной независимости. Революция 1925—1927 гг.

показала, что народные массы Сирии способны идти на величайшие лишения, проявлять величайший героизм ради своего освобождения. Она показала, что народные массы умеют побеждать. И в иной международной обстановке, при ином классовом руководстве никакие карательные отряды не смогут разгромить во второй раз сирийскую революцию.

Партизанская война 1925—1927 гг. показала, что в революционном огне плавятся барьеры религиозной, расовой, племенной и локальной розни, созданные феодалами и империалистами. Хотя сирийская революция не преодолела до конца раздробленность страны, хотя империалистам удалось создать в Ливане свою Вандею, тем не менее революция была крупным шагом к действительному объединению всех рас, сект, племен и местностей Сирии в их борьбе с общими угнетателями.

Наконец, сирийская революция вывела на сцену новый класс сирийского общества — пролетариат, и в этом заключается ее важнейший итог. Этот класс еще не был организован. Он еще не руководил революцией и даже не вел борьбы за свое руководство. Но он вырос в процессе революции. Он прошел хорошую школу стачек и баррикадных боев — и эта боевая школа позволила ему на следующем этапе начать борьбу за новый подъем национально-освободительного движения, за гегемонию в этом движении.

Но хотя сирийский пролетариат еще не выступал в качестве самостоятельного революционного фактора, хотя он не имел еще своих самостоятельных организаций, не имел еще никаких организационных связей с международным пролетариатом — тем не менее национально-освободительная борьба сирийского народа была непосредственно связана с международной борьбой двух систем. „События в Сирии показывают, что национально-освободительное движение в колониях неуклонно растет, ослабляет империализм и укрепляет борющийся за социализм рабочий класс“.¹ Такова оценка сирийской революции 1925—1927 гг., данная Коминтерном. Эта революция была одним из звеньев „единой международной революционной цепи“ — длинной цепи пролетарских революций и колониальных восстаний; была одной из „составных частей глубочайшего общего кризиса капитализма“, подготавливающих взрыв прогнившей капиталистической системы.

„Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом... Дело вовсе не в том, что борьба на Востоке и даже на Западе не успела еще освободиться от буржуазно-националистических наслоений, — дело в том, что борьба с империализмом началась, что она продолжается и неминуемо должна дойти до своего логического конца.

¹ Из резолюции VI расширенного пленума ИККИ; цит. по сб. „Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая“, 1934, стр. 128.

Иностранное вмешательство и оккупационная политика „внешних“ империалистов только обостряют революционный кризис, втягивая в борьбу новые народы и расширяя район революционных схваток с империализмом. Так октябрьский переворот, устанавливая связь между народами отсталого Востока и передового Запада, стягивает их в общий лагерь борьбы с империализмом. Так национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма“.¹

В этих словах тов. Сталина дана классическая характеристика международного значения и Великой Октябрьской революции и связанных с нею национально-освободительных революций на Востоке.

Национально-революционная борьба в Сирии еще не освободилась от буржуазно-националистических наслоений. Но после войны миллионы арабов вместе с другими колониальными народами были втянуты в борьбу с мировым империализмом. Англо-французское вмешательство, оккупационная политика англо-французских империалистов лишь обострила революционный кризис. Так, великий Октябрьский переворот, расшатавший империализм и в его центрах и на периферии и открывший эру гражданских революционных войн в передовых странах и национально-колониальных революций в отсталых странах, стянул в общий лагерь борьбы с империализмом, на ряду с другими народами Запада и Востока, многомиллионные арабские народы. Так, арабские народы, отброшенные империализмом на задворки истории, вновь заняли свое место на исторической авансцене. Они приобщились к основному потоку мировой истории, к потоку пролетарских революций и национально-освободительных войн. Они приобщились к международной борьбе за „освобождение наций, колоний и полуколоний от империализма“. И в тех освободительных революционных боях, которые назревают сейчас во всем колониальном мире, они несомненно займут одно из почетных мест. Об этом свидетельствует весь исторический опыт их героической борьбы, весь исторический опыт мощной сирийской революции 1925—1927 гг.

¹ И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1934, стр. 56.

Г. В. ЦЕРТЕЛИ

ВНОВЬ НАЙДЕННЫЕ ПИСЬМА ШАМИЛЯ

Публикую одно из неизвестных писем Шамиля,¹ акад. И. Ю. Крачковский выразил пожелание, „чтобы настоящее издание помогло собрать сведения о других его письмах, сохранившихся в оригинале“.² С тех пор действительно было найдено несколько документов, относящихся к Шамилю.³

В частности в Тифлисе, в Музее Грузии, в архиве известного грузинского журналиста М. Б. Туманишвили,⁴ служившего продолжительное время редактором „Временного управления по делам гражданского устройства края“,⁵ обнаружено три арабских письма Шамиля. Одно из них, написанное в Калуге, после пленения Шамиля, уже опубликовано.⁶ В настоящее время мы хотим коснуться остальных двух.

Письма сохранились в пакете серого цвета, размером в 36×24,4 см. Сверху имеется надпись: „Сношения барона Л. П. Николаи с Шамилем и его сыном Джемалэджином. 1855—1856“. В папке помещены два листка желтоватой бумаги. В одном из них сохранился печатный документ на русском и грузинском языках: благодарность Александра II „нашим любезно-верным поданным всех сословий Тифлисской губернии“ за содействие, оказанное ими царскому правительству в войне против Шамиля.

Во втором листке бумаги завернута папка сероватого цвета, большого размера (36×24 см) с надписью: „Секретно. Сношения с Шамилем и Джемалэджином“. В папке сохранились письма разных лиц.

¹ ЗИВ АН СССР, II, 1, Л., 1933, стр. 1—7.

² Ibid., 7.

³ См. заметку акад. И. Ю. Крачковского в „Известиях“ от 4 XII 1935, № 281 (5834), стр. 4.

⁴ Отец М. Б. Туманишвили, Биртвел, принимал участие в войне против Шамиля. Этим и объясняется, что некоторые документы, связанные с деятельностью Шамиля, находятся в указанном архиве.

⁵ Кавказский календарь, 1859, стр. 449, и 1865, отд. IV, стр. 11.

⁶ ЗИВ АН СССР, V, Л. 1935, стр. 97—114.

1. Французские и русские письма барона Александра Павловича Николаи¹ к его брату, генералу Леонтию Николаи.²

2. Шестнадцать писем старшего сына Шамиля, Джемāl эд-Дйна генералу Николаи. Письма эти относятся к периоду от мая 1855 г. по сентябрь 1857 г. Некоторые из этих писем были в свое время опубликованы в „Русской Старине“³ бароном Александром Николаи; кроме того, часть из них упоминается в специальной литературе о Шамиле;⁴ остальные письма совершенно не известны. Все эти письма писаны собственноручно Джемāl эд-Дйном и представляют собой немаловажный материал для характеристики личности Джемāl эд-Дйна и для изучения тех чувств, которые переживал старший сын Шамиля после возвращения на родину.

3. Три письма генерала Л. Николаи, из которых одно⁵ адресовано Джемāl эд-Дйну,⁶ а остальные два⁷ — Шамилю.

4. Четыре, писанных по-русски (повидимому рукой Джемāl эд-Дйна)⁸ и снабженных печатью Шамиля, письма⁹ знаменитого имāма, адресованные генералу Николаи.

5. Два письма ген. П. Броневского¹⁰ к барону А. Николаи, касающиеся вопроса об обмене пленных.

6. Письмо¹¹ начальника военно-полевой канцелярии главнокомандующего полковника фон-Кауфмана¹² к тому же Александру Николаи.

Наконец, в папке помещен конверт размером в 19 × 13 см и с надписью:

¹ Барон Александр Павлович Николаи, в 1848 г. директор походной канцелярии, позднее — член совета Главного управления наместника (см. Новый энциклопедический словарь, кн. 28, стр. 543) и попечитель Кавказского учебного округа (см. Кавказский календарь на 1855 г., стр. 659), а впоследствии (1881—1882) министр народного просвещения, брат генерала Л. Николаи, о котором речь ниже, стр. 99—100.

² Часть этих писем опубликована в „Русской Старине“. Эпизод из истории Кавказской войны, 1855—1857. Сообщил барон А. П. Николаи. „Русская Старина“, XXXVI, 1882, стр. 268.

³ XXXVI, 1882, стр. 276—278.

⁴ Ср. Е. А. Вердеревский, Плен у Шамиля, СПб., 1856, III, стр. 54.

⁵ От 28 марта 1855 г.

⁶ Напечатано в „Русской Старине“, XXXVI, 1882, стр. 279.

⁷ Одно от 15 мая 1855 г., другое от 8 июля того же года. Ср. „Русская Старина“, XXXVI, 1882, стр. 280—281.

⁸ Ср. „Русская Старина“, XXXVI, 1882, стр. 265 и 281.

⁹ Одно из этих писем является ответом Шамиля на вышеупомянутое письмо генерала Л. Николаи от 8 июля 1855 г. и напечатано в „Русской Старине“, XXXVI, 1882, стр. 281; там же (стр. 281—282) опубликовано другое из указанных здесь четырех писем.

¹⁰ Генерал Павел Броневский служил в это время офицером для особых поручений при наместнике Кавказа; см. Кавказский календарь на 1855 г., стр. 691.

¹¹ Опубликовано в „Русской Старине“, XXXVI, 1882, стр. 264.

¹² Полковник Константин Петрович фон-Кауфман — впоследствии генерал-губернатор Туркестанского края. См. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л. 1927; стр. 182 и сл.

„Его высокопревосходительство, барону Александру Павловичу Николаи. В собственные руки. От Берже.

С глубокой признательностью возвращаю документы на арабском языке“.

Конверт запечатан сургучной печатью, которая имеет надпись: „Археографич. Комиссия при главном управ. Нам. Кавк.“.¹

К конверту приложена писанная рукой А. П. Берже записка следующего содержания: „с просьбой по миновании надобности возвратит в...“²

В конверте сохранилось восемь арабских писем: одно неизвестного лица, шесть писем Хазу, аухского на'иба³ и одно письмо Шамиля. Письмо Шамиля написано на клочке плотной, желтоватой бумаги размером в 9.7 × 3.6 см и имеет следующий вид:

[بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ]⁴
 مِنْ أَمِيرِ الْمُؤْمِنِينَ شَمُوِيلَ
 إِلَى رَئِيسِ⁵ قَلْعَةِ خَسِيْرَتِ⁶ بَارَوْنَ
 أَمَّا بَعْدُ
 فَهَذَا الْحَامِلُ الْهَرَمُ يُرِيدُ أَنْ يَذْهَبَ
 لَدَى ابْنَتِهِ⁷ الْمَأْسُورَةِ⁸ فَارْشُدُهُ
 إِلَى مَقْصَدِهِ
 لِيَتَفَحَّصَ حَالَهَا⁹
 يَوْمَ الْاِثْنَيْنِ مِنْ شَعْبَانَ
 سَنَةِ ١٢٧١

Текст писан не рукой Шамиля. В этом не трудно убедиться, если сравнить письмо с известными до сих пор автографами¹¹ Шамиля. Общий

¹ Как известно, А. П. Берже в продолжение двадцати двух лет состоял председателем Археографической комиссии с основания этой комиссии (1864 г.) до 1886 г. (дата смерти А. Берже). См. „Памяти А. П. Берже“, Тифлис, 1886, стр. 1, 3; также газету „Кавказ“, 1886, № 32.

² Фраза прерывается при этом слове. Судя по этой записке, можно предположить, что вышеупомянутые арабские документы были одолжены известному писателю М. Фет Али Ахундову, см. ниже, стр. 98.

³ О нем см. „Русская Старина“, XXXVI, 1882, стр. 269, 277; „Кавказ“, 1874, № 87, стр. 109.

⁴ В начале письма стоит знак ~, который часто встречается в арабских документах северокавказского происхождения и который, повидимому, употребляется для обозначения б а с м а л ы.

⁵ В рук.: رَائِيسِ; над *س* стоит знак: v.

⁶ Sic! Над *س*, под фатхой стои: знак: v.

⁷ Под этим словом стоит похожий на цифру неясный знак: ~r (?).

⁸ Над *و* стоит знак: ~ (возможно *ḡ*амма); над *س* — знак: v.

⁹ Под словом стоит неясный знак: r (~?).

¹⁰ Над *و* стоит знак ~.

¹¹ Ср. И. Ю. Крачковский, Неизданное письмо Шамиля, ЗИВ АН, Л. 1933, II, 1, (см. факсимиле письма Шамиля от 22 июля 1869 г.); Письмо Шамиля из Калуги от 22 августа

характер письма, хотя и имеет некоторое сходство с почерком Шамиля, но начертание отдельных букв (ср. напр. ش в начале и конце слова, также ة , ش и др.) говорит за то, что текст писан другой рукой.

Вместе с конвертом сохранился русский перевод арабских писем, писанный карандашом рукой известного азербайджанского писателя Мирзы Фет Али Ахундова на плотной бумаге размером в 35.5×22 см. в $8\frac{1}{2}$ страниц. К переводу приложено следующее письмо Ахундова:

„Ваше превосходительство.

Я не мог отыскать в Коджорах переписчика.¹ Ради бога, прикажите Вашему писарю² переписать мои переводы, потом отошлите их к его превосходительству барону³ вместе с нижайшим моим поклоном. Как я рад, что мне случилось оказать маленькую услугу его превосходительству.

Записки я получил 26-го числа вечером и на другой день переводы были готовы.

Покорнейший Ваш слуга

Мирза Фет Али Ахундов.

28-го июня 1877 года.

Коджоры“.

Перевод, исполненный М. Ф. Ахундовым, занимает первую половину первой страницы и имеет следующий вид:

„Перевод первого номера.⁴

От Шамиля, Эмира правоверных

К начальнику крепости Хасав-Юрт⁵ барону.

Податель сего письмеца, старик, желает отправиться к плененной своей дочери. Отправь его к месту, куда он должен ехать.

2-го числа м(еся)ца ша'бана $\frac{1271}{1854}$ года“.

Перевод, в общем, исполнен правильно; для большей точности мы даем новый перевод арабского текста:

„Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.

От Шамуйля, эмира правоверных.

Начальнику крепости Хасав-Юрт, барону.

1864 г., ЗИВ АН СССР, V, Л. 1936 (см. приложенную фотографию); Е. А. Вердеревский, Плен у Шамиля, СПб. 1856 (перед частью III); Русская Старина, XVIII, 1878, приложение (гравированный портрет Шамиля с его подписью).

¹ В рукописи: „перепищика“.

² В рукописи: „писарю“.

³ Очевидно имеется в виду барон Александр П. Николаи. См. „Русская Старина“, XXXVI, 1882, стр. 253—282.

⁴ В рук.: „нумера“.

⁵ В оригинале: „Хасав-Юрта“.

А затем вот что. Податель сего, старец, желает отправиться к плененной своей дочери. Направь его (к месту), куда он стремится, чтобы он расследовал ее ¹ положение.

Второй день ша'бана 1271 года".²

Комментарий письма не представляет больших затруднений. Адресатом, очевидно, является барон Леонтий Павлович Николаи (7/19 I 1820 — 21 I/2 II 1891 г.),³ хотя его имя в письме не упомянуто. Об этом прежде всего свидетельствует то обстоятельство, что письмо сохранилось среди материалов барона Николаи.

Кроме того, во время написания письма (20 апреля 1855 г.), обязанности начальника крепости Хасав-Юрт исполнял именно барон Николаи.⁴

В истории борьбы царской России с Шамилем барон Леонтий Павлович Николаи занимает видное место. Он сын русского посланника в Копенгагене⁵ и внук президента Российской Академии Наук Андрея Николаи.⁶ Его брат Александр Николаи, который долго служил на Кавказе и одно время исполнял обязанности попечителя Кавказского учебного округа, был мужем свояченицы Давида Чавчавадзе.⁷ Осенью 1847 г., по окончании военной академии, барон Л. Николаи приезжает на Кавказ и принимает участие в военных операциях против Шамиля. С тех пор почти вся его военная деятельность протекает на Кавказе. Только раз, в 1849 г., была прервана его военная служба на Кавказе, когда он участвовал в Венгерской кампании, состоя при главном штабе фельдмаршала кн. Варшавского,⁸ однако он снова возвращается на Кавказ и опять начинает служить в Кабардинском полку.⁹ 25 июня 1852 г. он назначается командиром упомянутого полка¹⁰ и в этой должности пребывает до 6 сентября 1857 г.¹¹ В 1860 г. бар. Николаи назначается начальником Кавказской гренадерской дивизии и в этом звании пребывает до 1867 г., когда он уехал в отпуск за границу и затем, в 1868 г., вышел в отставку.¹² Для характеристики

¹ Т. е. дочери.

² 20 апреля 1855 г.

³ Ср. Русский биографический словарь, СПб. 1914, стр. 353—354 (там же указана литература); см. также „Русская Старина“, XX, 1877, стр. 101—104; А. Зиссерман, История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726—1880), III, СПб. 1881, стр. 148, 283, 278—282.

⁴ Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля, СПб. 1856. Приложение II, стр. 11; А. Зиссерман, *op. cit.*, стр. 213—234; Кавказский календарь на 1855 г., стр. 691.

⁵ Русский биографический словарь, стр. 353, 355.

⁶ Русский биографический словарь, стр. 347 и сл., см. также Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, 41, стр. 113.

⁷ Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля, СПб. 1856, I, стр. 19; III, стр. 2.

⁸ Русский биографический словарь, 353; Русская Старина, XX, 1877, стр. 101—102.

⁹ А. Зиссерман, *ibid.*, III, стр. 148.

¹⁰ А. Зиссерман, *ibid.*, III, стр. 148, 278, 282.

¹¹ А. Зиссерман, *ibid.*, стр. 278; Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 275.

¹² Русская Старина, XX, 1877, стр. 103.

личности барона Николаи не безинтересно отметить, что в 1858 г. из протестантизма он перешел в римско-католическую веру, а затем, через десять лет, когда он уехал во Францию, он постригся в монахи ордена картезианцев, в монастыре la Grande Chartreuse, близ Гренобля, где и умер в возрасте семидесяти одного года.¹

В 1855 г., к которому относится наше письмо, барон Николаи, будучи командиром Кабардинского полка, был начальником крепости Хасав-Юрт, построенной в 1846 г. по приказанию Воронцова (подполковником Козловским) на р. Ярык-су.² С 27 апреля 1848 г., когда штаб-квартира Кабардинского полка переезжает в Хасав-Юрт,³ командир Кабардинского полка в то же самое время является начальником указанной крепости. Отсюда ясно, что адресат письма „Начальник крепости Хасав-Юрт, барон“ не кто иной как барон Николаи.⁴

Место написания письма неизвестно. Можно только предположить, что писано оно в Ведено, вернее в Новом Дарги, которое находилось на расстоянии 2¹/₂ верст от Ведено. К моменту написания письма (1855 г.), как известно, резиденция Шамиля находилась именно в Новом Дарги.⁵

Содержание письма на первый взгляд может показаться странным: Шамиль просит барона Николаи разрешить подателю письма, старику, свидание с его плененной дочерью. Непонятно, каким образом мог Шамиль обратиться к русскому генералу с указанной просьбой при тех враждебных отношениях, которые существовали между ним и русским командованием. Но если учесть создавшееся в начале 1855 г. положение, не трудно объяснить причину такого обращения Шамиля к барону Николаи.

Как известно, в июле 1854 г. полчища Шамиля во главе с Гәзй Мухаммадом напали на Цинандали и захватили в плен около двухсот кахетинских крестьян вместе с семьями князей Давида Чавчавадзе и Илико Орбелиани. Вслед за этим начались переговоры с Шамилем о выкупе пленных. После долгих хлопот и торговли в марте следующего года пленные

¹ Русская Старина, XX, 1877, стр. 103—104; Русский Биографический Словарь, СПб. 1914, стр. 353—354.

² А. Зиссерман, *ibid.*, III, стр. 7.

³ А. Зиссерман, *ibid.*, стр. 48.

⁴ У него имеются воспоминания о Венгерской кампании (Русская Старина, XX, 1877, стр. 104—126, 223—251, 393—406) и о кавказских войнах („Кавказ“, 1872, №№ 2, 83, 88, 95, 104; 1873, №№ 80, 81, 84, 88, 93, 96, 99, 100, 106; 1874, №№ 85, 86, 87, 99, 101, 107, 109, 123, 129, 140, 150).

⁵ См. письмо Джемал эд-Дина к барону Николаи от мая 1855 г. (хранится в Музее Грузии, в архиве Туманишвили); также Дрансе, Пленницы Шамиля. Перевод с французского Дзюбинского, Тифлис 1858, стр. 80—83, 131 и сл.; Е. А. Вердеревский, *цит. соч.*, где подробно описана жизнь семей Чавчавадзе и Орбелиани в резиденции Шамиля; там же (I, стр. 94) помещен план сераля Шамиля в ауле Дарги-Ведено, составленный княгиней А. И. Чавчавадзе; ср. также план Хаджи Юсуф Сафарова: А. Н. Генко, *Арабская карта Чечни эпохи Шамиля*, ЗИВ АН, Л. 1933, II, 1, стр. 21—36; см. также А. Зиссерман, *op. cit.*, 214.

были выкуплены за 40 000 рублей.¹ Кроме того Шамилю были возвращены 16 пленных горцев и его старший сын Джемāl эд-Дйн, захваченный русскими в качестве заложника при взятии Ахульго.²

Обрадованный возвращением Джемāl эд-Дйна Шамиль благодарен генералу Николаи, который вместе с Григорием Орбелиани и Давидом Чавчавадзе принимал горячее участие в переговорах.³ После этого между ними устанавливаются своего рода дружеские отношения.⁴ Представители русской власти стараются использовать это взаимоотношение в свою пользу, чтобы получить возможность перебросить действующие против Шамиля части русской армии на восточный фронт. По словам барона А. Николаи генерал Муравьев, который в это время⁵ приступил к исполнению обязанностей наместника и главнокомандующего, даже надеялся, что в результате этих дружеских взаимоотношений удастся закончить кавказскую войну „в условиях выгодных для самолюбия Шамиля“.⁶ С этой целью он предлагает через начальника своего штаба генерала Барятинского барону Николаи „продолжить дружеские взаимоотношения с Шамилем и стараться извлечь отсюда соответствующую пользу“.⁷

В ответ на это барон Николаи в своем письме от 27 апреля 1855 г. сообщает, что у него дружеские отношения с сыном имāма, Джемāl эд-Дйном, и „в целях заслужить доверие Шамиля он старается не упустить случая оказать ему и Джемāl эд-Дйну какую-либо услугу“.

„Так, например, — говорит барон Николаи в упомянутом письме, — мне представились некоторые случаи оказать Шамилю небольшую любезность: один раз я дозволил его лейб-купцу⁸ купить в Хасав-Юрте на 1500 руб. товара... два раза я разрешил двум старым мюридам свидание с женами их, взятыми в плен в Ахульго и с того времени вступившими во второй брак у нас, и т. п. Полагаю, что таким способом может установиться нечто вроде сердечного согласия (*entente cordiale*), сперва личного между им и мною, которое, при благоприятных обстоятельствах может привести к чему-либо более прочному, когда придет время для созревания плода“.⁹

¹ Е. А. Вердеревский, *ibid.*, III, стр. 45. Приложение второе, стр. 11; Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 253; А. Зиссерман, *ibid.*, III, стр. 214.

² А. Зиссерман, *ibid.*, III, стр. 214, примеч. первое; Русская Старина, *ibid.*, стр. 253.

³ Е. А. Вердеревский, *ibid.*, III, стр. 2, 30, 31 и сл.; Русская Старина, *ibid.*, стр. 253; А. Зиссерман, *ibid.*, стр. 214 (как уже отметили, генерал Л. Николаи являлся дальним родственником Давида Чавчавадзе).

⁴ Русская старина, XXXVI, 1882, стр. 254 и сл.

⁵ Февраль 1855 г.; см. „Кавказ“, 1874, № 101; Русская Старина, *ibid.*, стр. 254—255; Дрансе, стр. 160.

⁶ Русская Старина, *ibid.*, стр. 255.

⁷ Русская Старина, *ibid.*, стр. 255; см. также стр. 258—259.

⁸ Имеется в виду купец Мӯсā, Русская Старина, *ibid.*, стр. 261.

⁹ Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 256—257. Некоторые из вышеупомянутых писем Шамиля (писанных по-русски рукой Джемāl эд-Дйна и снабженных печатью Шамиля) представляют собой ходатайство Шамиля перед генералом Л. Николаи разрешить жителям

Публикуемое маленькое письмо написано именно в то время, когда между Шамилем и бароном Л. Николаи существовало „сердечное согласие“ (20 апреля 1855 г.), и, естественно, Шамиль мог обратиться к барону Николаи с вышеупомянутой просьбой. Нужно предположить, что и Николай удовлетворил просьбу Шамяля с целью вызвать к себе расположение подозрительного имама. Опубликованные до настоящего времени арабские письма Шамяля относятся к периоду после его пленения. В этих письмах бывший имам и глава ордена нақшбендйе проявляет скромность и подписывается „раб аллāха смиренный старец Шамуил“,¹ или „а я дряхлый старец Шамуиль“,² или же „а я, бедный, старец дряхлый Шамуиль“.³

До своего пленения Шамиль, очевидно, иначе подписывал письма или оставлял их совершенно без подписи, как об этом можно судить по опубликованным до сих пор русским переводам⁴ писем Шамяля, а также по некоторым документам, находящимся в нашем распоряжении. Вместо подписи он обычно прикладывал свою печать. К вышеопубликованному письму тоже приложена на обороте печать⁵ Шамяля. Кроме печати, в начале письма имеется фраза *من امير المؤمنين شمويل* „от эмирa правоверных Шамуиля“. Употреблением этого халифского титула Шамиль подчеркивает, что ничьей верховной власти над собой он не признает.

подвластных имāму селений свидание с их родственниками, плененными при Ахульго. Интересно сравнить слог этих писем, писанных по-русски Джемāl эд-Дйном, с публикуемыми арабскими письмами Шамяля. Для примера приводим одно из этих писем полностью, тем более, что оно является хорошей иллюстрацией для взаимоотношений Шамяля с бароном Л. Николаи в указанную эпоху:

„Ваше превосходительство
Леонтий Николаевич (sic!)“

Препровождая при сем подданного мне жителя сел. Балахаи Гусейна Багдаил-оглы, покорно прошу Ваше превосходительство приказать отправить его в Город Кизляр по надлежащему порядку, для свидания с родственницами своими, взявшими (sic! чит.: взятыми) еще при разбитии Ахуль-го, чем много обяжете меня.

С этим вместе предъявляю, что если женщины эти согласятся возвратиться на родину, то будут выменены за грузин. Имам всех горских народов Шамиль.

24 М[еся]ца Зилькаиды. Дарго“.

¹ Письмо к генералу Барятинскому от 14 февраля 1865 г. Русская Старина, XXVII, 1880, стр. 809.

² Письмо к генералу Д. Н. Богуславскому от 12 рабй' первого 1286 г. (22 июня 1869 г.); см. И. Ю. Крачковский, Неизданное письмо Шамяля, ЗИВ АН, II, 1, 1933, стр. 4—5.

³ Вышеупомянутое письмо к капитану Руновскому от 19 рабй' первого 1281 г. (22 августа 1864 г.). ЗИВ АН СССР, V, Л. 1936, стр. 101, 108.

⁴ Ср., напр., „Имам всех горских народов Шамиль“. Русская старина, XXXVI, 1882, стр. 281, 282.

⁵ Печать эта опубликована у Е. А. Вердеревского, Плен у Шамяля, СПб. 1856 (перед приложениями); см. также П. Ильин, Историческое описание о Шамиле, М. 1859 (приложения).

В языковом отношении письмо не характеризуется какими-либо особенностями, которые выделяли бы его из обычного литературного арабского языка. Обращает на себя внимание арабское начертание слова Шамиль: شمويل „Шамуйль“, обычно употребляющееся в письмах Шамиля и его сподвижников.¹ Указанное слово, как это уже отметил Garcin de Tassy,² не что иное, как мужское собственное имя Самуил. Употребляемый вместо обычного сада шин указывает на то, что это имя распространено в горах в еврейско-арабской форме: (שמׁוּאֵל) صموئيل „Шамуйль“. Путем изменения комплекса уй в й получена распространенная на Кавказе форма „Шамиль“, хотя в орфографии до сих пор сохранилось старое начертание.³

Второе письмо Шамиля помещается рядом с упомянутым конвертом. Оно, очевидно, попало среди остальных писем позднее, так как не имеет номера.

Письмо имеет следующий вид:

[بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ]⁴
 مِنْ اَمِيْرِ الْمُؤْمِنِيْنَ شَمُوَيْلِ
 اِلَى عَظِيْمِ⁵ الرَّوْسِ⁶ كِيْنا رِا ل كِنِيْياز وَ بَارون
 اَمَّا بَعْدُ⁷ فَقَدْ بَلَّغْتَنِيْ اَنْكُمْ قَدْ جَمَعْتُمْ فُقَرَاءَ
 اَنْتُرْلُ وَ عِيَالَهُمْ الَّذِيْنَ جَاؤْا⁸ اِلَى وِلايَةِ جُارِ⁹
 لِمَعِيْشَتِهِمْ لِلاُسْتَبْدالِ¹⁰ بِالاسارى¹¹ الَّذِيْنَ فِيْ اَيْدِيْنا
 وَذَلِكَ عَيْبٌ عَلَيْكُمْ وَ عَارٌ اَيَّ عارٍ¹²

¹ См. письмо Шамиля из Калуги от 19 рабй' первого 1281 г. (22 августа 1864 г.); также ЗИВ АН, II, 1, стр. 3; Garcin de Tassy, J. A., S. 5, t. XV, 1860, стр. 271; В. Dorn, Über die im Asiatischen Museum befindlichen Briefe Schamil's und seiner Anhänger, Mélanges Asiati-ques, t. VII, 1873—1876, стр. 47, 50; ср. также печать Шамиля: Е. А. Вердеревский, Плен у Шамиля, СПб. 1856; такое же начертание имеет указанное слово на карте Хаджи Юсуф Сафарова, см. А. Н. Генко, Арабская карта Чечни эпохи Шамиля, ЗИВ АН, II, 1, 1933, стр. 26, 27.

² Garcin de Tassy, *ibid.*, стр. 270, примечание.

³ Впрочем, еще в документах, относящихся к эпохе Шамиля, нередко встречается соответствующее произношению начертание указанного слова: شامل; см. Dorn, *ibid.*, стр. 50; А. Н. Генко, *ibid.*, стр. 27; И. П. Линевич. Карта горских народов подвластных Шамилю. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. VI, Тифлис, 1872, см. арабскую карту.

⁴ В начале письма помещается знак ب, который, как уже отметили, должен означать б а с м а л у.

⁵ В оригинале как будто عظيمي; над م стоит сукун.

⁶ Над س стоит знак: ˘.

⁷ Над этим словом стоит знак: و.

⁸ В рук. جاؤا.

⁹ Над ر стоит сукун.

¹⁰ Над س стоит знак ˘; над ل — сукун.

¹¹ Над س стоит знак: ˘.

¹² Над ر стоит сукун.

و ارسلتم¹ المهاجرين المأسورين² منّا
 الآن وقبل³ الى صبير³
 فاعلموا انكم لا تستهزون⁴ بنا بذلك الامور
 وانتم تستهزون⁵ انفسكم⁶ وترسلون⁷
 اسراكم بافعالكم⁸ القبيحة الى القبور⁹
 فان كان لكم صبير¹⁰ و لنا قبور¹⁰
 فلحاصل اما ان تظلقوا المهاجرين المأسورين¹¹
 مبتدأ بالبشير¹² او تعلمونا عدم اهتمامكم¹³ ||
 برعيتكم || بالاهتمام || و الاعتبار¹⁴ || وانا الآن ||
 لجواب ذلكم || بالانتظار¹⁵ || ولا نبالي بايهما ||
 استحسنتم¹⁶ وعلى || ايهما بالاختيار || فالجواب بلا ||
 تطويل و لا تأخير ||
 في ٨ رمضان سنة ١٢٧١.

К тексту приложен русский перевод, который, судя по почерку, не принадлежит Мирзе Фатали Ахундову, как перевод первого письма. Этот перевод был в свое время опубликован в „Русской Старине“¹⁷ бароном Александром Николаи, но для того, чтобы показать, в какой степени владел переводчик арабским или русским языками, приводим его полностью, несмотря на то, что однажды он уже был напечатан:

¹ Над *س* стоит знак *v*.

² Над *س* стоит знак *v*.

³ Над *ر* стоит знак *c*.

⁴ В рук. *تستهزون*.

⁵ В рук. *تستهزون*; над *س* стоит знак *v*.

⁶ Над *س* стоит знак *v*.¹

⁷ Над *س* стоит знак *v*; над *ون* — непонятный знак ~ (дамма?).

⁸ Над *م* стоит сукун.

⁹ Над *ر* стоит сукун.

¹⁰ Над *ر* стоит сукун.

¹¹ Над *س* стоит знак *v*.

¹² Над *ر* стоит сукун.

¹³ С этим словом текст переходит на поля.

¹⁴ Над *ر* стоит сукун.

¹⁵ Над *ر* стоит сукун. —

¹⁶ Над вторым *س* стоит знак *v*.

¹⁷ XXXVI, 1882, стр. 279.

„Перевод¹ с арабского.

От князя мусульман Шамиля к начальнику русских генералу барону.

Мы слышали, что Вы собрали бедные² семейства,³ которые вышли из Джара для пропитания⁴ своих семейств;⁵ это неприлично с Вашей⁶ стороны.

И также мы слышали, что Вы посылаете наших абреков,⁷ которые⁸ находятся⁹ у Вас в руках, в Сибирь.

По этому делу Вы¹⁰ не обманываете меня, а обманываете сами себя и с этим¹¹ Вы пошлете Ваших пленных в гроб; у Вас есть Сибирь, а у нас гроб.

Последние¹² слова мои:¹³ если¹⁴ Вы передадите¹⁵ всех пленных абреков,¹⁶ начиная от Башира, в таком случае Вы получите своих пленных, и я буду ожидать от Вас ответа, имеете ли Вы намерение¹⁷ отдать наших и взять своих, и прошу Вас выбирать из двух одно: возьмете ли¹⁸ Ваших пленных или же оставите здесь, на что жду от Вас скорого ответа.

Рамазана 8-го дня 1271 года.

10-го мая 1855 года.“¹⁰

Приведенный перевод показывает, в какой степени владел переводчик русским языком. Ниже мы приводим новый перевод, по которому видно, как понимал он смысл арабского текста.

[„Во имя Аллāха, милостивого, милосердного]

От эмир̄а правоверных Шамуйля.

¹ В оригинале: „первод“ (sic!).

² В рук.: „бедных“.

³ В рук.: „семе́йствы“.

⁴ В рук.: „припитаний“.

⁵ В рук.: „семе́йствы“.

⁶ В рук.: „ваши“.

⁷ В рук.: „обреков“ (sic!).

⁸ В рук.: „которых“.

⁹ В рук.: „находиться“.

¹⁰ В этом месте в рук. написано слово „мы“, но затем зачеркнуто.

¹¹ В рук.: „с этими“.

¹² В рук.: „последний“.

¹³ В изданном бароном Николаи тексте: „последнее слово мое“.

¹⁴ В рук. более старая форма указанно́го слова: „есть ли“.

¹⁵ В рук.: „передададите“ (sic!).

¹⁶ В рук.: „обреков“.

¹⁷ В рук.: „намерений“.

¹⁸ В рук.: „возмете-ли“.

¹⁰ Внизу, слева, приписано рукой барона Л. Николаи: „получено 15 мая“.

Русскому начальнику, генералу,¹ князю² и барону.

А затем вот что. До меня дошло, что Вы собрали бедняков **أَنْتَكْرَلْ** a³ и их семейства, которые пришли в Джарский вилайет за своими припасами, для обмена на находящихся в наших руках пленных. Это срам для Вас и позор, какой позор!

И что послали беженцев, плененных у нас теперь и раньше, в Сибирь.

Знайτε, что этими Вашими делами Вы не над нами смеетесь, а смеетесь над собой⁴ и посылаете Ваших пленных Вашими мерзкими делами в могилы, так как, если у Вас есть Сибирь, у нас есть могилы.⁵

Одним словом, или же освободите плененных беженцев, начиная от Башіра, или же сообщите нам, что Вы не заботитесь о Ваших подчиненных заботой и вниманием.

Теперь мы в ожидании Вашего ответа. Нам все равно что из этих двух вы предпочитаете и какое из них выбираете, только ответ безотлагательно и без опоздания.

Рамадана 8, 1271 г.⁶

Это письмо написано на месяц позже предыдущего. Относительно места его написания можно сказать то же самое, что и по поводу первого письма. Писано оно, очевидно, тоже в Ведено. Адресатом и в данном случае является барон Николаи, тем более, что в архиве Туманишвили сохранился писанный рукой барона Николаи ответ на публикуемое послание Шамиля. Ответ этот, как мы уже отметили выше,⁷ в свое время был опубликован в „Русской Старине“,⁸ но в виду того, что в напечатанном тексте внесены некоторые изменения, мы его приводим полностью.

¹ В арабском тексте — **ينارال** „янарал“. В такой форме употребляется указанное слово в горских диалектах грузинского языка, как, напр., в хевсурском; встречается оно и в литературном грузинском языке; см. грузинскую „Литературную газету“, 30 I 1935 г., № 5/97 (Стихотворение Акакия Цертели); как известно, барон Л. Николаи был произведен в генералы после знаменитого сражения при Исти-су (3 октября 1854 г., ср. Воспоминания Л. Николаи, „Кавказ“, 1874, № 101, стр. 2; А. Зиссерман, *op. cit.*, III, стр. 197; о сражении при Исти-су см. там же, стр. 181—197; также „Кавказ“, 1874, № 99); характерна передача русского „К“ через араб. **ك**; в грузинском в данном случае вместо придыхательного **კ** (**к**) употребляется резкий смычный **კ** (**к**).

² Князем б. Николаи не был, но как уже отметил акад. И. Ю. Крачковский, „во время войн с русскими у многих кавказских горцев сложилось представление, что это — титул видных военных и чиновников“ (ЗИВ АН, II, 1, стр. 5, прим. 12).

³ Название этого аула мне неизвестно. Находится он, очевидно, в Джарском вилайете.

⁴ Ср. подобное выражение Шамиля в беседе с Громовым: Е. А. Вердеревский, *op. cit.*, III, стр. 20.

⁵ В рук.: **القبور** „могилы“, но очевидно Шамиль имеет в виду ямы, в которые он сажал особо провинившихся пленных. Подробное описание этих ям дает кн. И. Орбелиани, который сам сидел в них в 1842 г.; см. Е. А. Вердеревский, Плен у Шамиля. Приложение третье, стр. 22—42.

⁶ 25 мая 1855 г.

⁷ Стр. 96.

⁸ XXXVI, 1882, стр. 280 и сл.

Хасав-Юрт.
 Май 15, 1855.

„Высокостепенному¹ имаму Шамилю.

Я только-что возвратился из поездки и мне Ваш посланный вручил письмо Ваше.² Признаюсь, что оно меня очень удивило и могло бы даже обидеть.³ Я очень хорошо⁴ знаю, что стыдно и очень стыдно обманывать; поэтому то⁵ я до сих никогда не обманывал и надеюсь, что⁶ и впредь этого не будет. У нас это считается грешным, а для благородного человека унижительным. Не моя вина, если Вы верите коварным языкам таких людей, которые, по ненависти или невежеству, готовы всегда нас оклеветать; они близки Вам, а я далеко,⁷ поэтому они остаются правыми. Когда дело шло о размене сына Вашего, Джемалэдина, они также пользовались тем, что, по причинам, независимым⁸ от моей воли, переговоры длились, чтобы⁹ на каждом шагу внушать Вам, что русские Вас обманывают; однако же¹⁰ на деле оказалось, что они лгали. Они только-что успели стереть с лица стыд,¹¹ и вот они опять начинают свою старую песнь; но¹² я их презираю. Жалею только, что Вы меня еще так мало знаете, или так скоро изменяете Ваше мнение.

Вы, имам, полновластны в Ваших владениях и я знаю, что Вам только нужно слово сказать,¹³ чтобы¹⁴ освободить¹⁵ пленников¹⁶ или¹⁷ послать их¹⁸ в гроб.

¹ Титул, употребляемый представителями русских властей при обращении к местным правителям в Средней Азии и на Кавказе; см. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, 1927, стр. 118, 181; в рук. сначала написано: *В ы с о к о п о ч т е н н о м у*, но потом это слово зачеркнуто и переделано: *В ы с о к о с т е п е н н о м у*.

² В напечатанном тексте: „Ваше письмо“.

³ В рук. сначала написано „рассердить“, но потом зачеркнуто и вместо этого вписано слово „обидеть“, в напечатанном тексте: оскорбить.

⁴ Слово это прибавлено нами.

⁵ В напечатанном тексте пропущено.

⁶ После этого слова в рукописи написано „это“, но потом зачеркнуто.

⁷ В напечатанном тексте: „я же далек“.

⁸ В напечатанном тексте: „не зависевшим“.

⁹ В рук.: „чтоб“.

¹⁰ В напечатанном тексте пропущено: „же“.

¹¹ В рук. написано: „их“, но потом зачеркнуто.

¹² В рук. написано: „они“, но потом зачеркнуто.

¹³ В напечатанном тексте: „сказать одно слово“.

¹⁴ В рук.: „чтоб“.

¹⁵ В рук. написано „или“, но потом зачеркнуто.

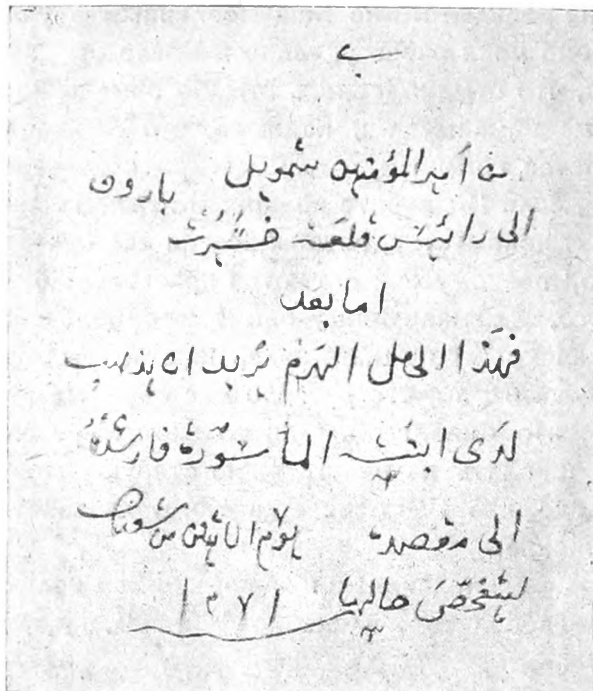
¹⁶ В рук.: „пленников освободить“.

¹⁷ Стр. 280 напечатанного текста.

¹⁸ В опубликованном в „Русской Старине“ тексте пропущено.

Но я этой¹ власти не имею; у меня есть начальники и против закона я не могу поступить.² Поэтому я не могу так скоро действовать, как Вы.³ Я у Вас просил списка пленных Ваших, которых Вы желаете освобождения и по получении его сейчас же⁴ послал⁵ в Грозную и в Тифлис;

я не обещал Вам дать ответ к сроку.⁶ Сын Ваш скажет Вам как далеко до тех мест (и он может объяснить Вам⁷ порядок наш⁸).⁹

Башир же сам абрек и скрытно приходил подучать наших мирных кумык к измене, я его давно стерег и наконец он попался; я его наказал так, как и Вы,¹⁰ вероятно, наказали бы у Вас за¹⁰ подобный проступок.

То, что я обещал, то я сдержу, но я никогда не обещал, что не буду впредь наказывать тех, которые будут оказываться виновными против нашего правительства.

На счет же Джарцев, я удивляюсь Вашему обвинению. Не мной они взяты, не мной арестованы и (даже не знаю по какой причине они взяты, или они выбежали),¹¹ а только держу их¹² по просьбе князя Орбе-

¹ В опубликованном тексте: „подобной“.

² В рук. сначала написано „действовать“, но потом переправлено.

³ После этого слова в рукописи написано „я не могу заставить Вас мне верить, но всё-таки повторяю, что (у этого слова текст переходит на оборот листа) слова мои — правда“. Указанная фраза впоследствии зачеркнута.

⁴ В опубликованном в „Русской Старине“ тексте пропущено.

⁵ В рук. написано „его“, но потом зачеркнуто; в опубликованном тексте приб.: „его“.

⁶ В рук. написано „в несколько дней“, но затем зачеркнуто; в напечатанном тексте: „и не обещал даже Вам ответа к сроку“.

⁷ В напечатанном тексте: „Вам объяснить“.

⁸ В напечатанном тексте: „порядки наши“.

⁹ Слова, поставленные в скобках, вписаны потом; в рук. сперва вместо этих слов была фраза: „а пока я не получу разрешения от высших своих начальников, много пройдет времени злым языкам твердить Вам что мы Вас обманываем“.

¹⁰ В опубликованном тексте пропущено.

¹¹ Слова, поставленные в скобках, вписаны потом.

¹² В напечатанном тексте: „держу я их только“.

شعبل

آب المؤمنین

الاعظمی الروض بنارال کنیاز وبارون

اما بعد فقد بلغنی انکم قد جمعتم قضاة
انزلت وعمالهم الذین جاوا الی ولایة جار
لمعینهم للامتبدال بالاسارى الذین فی ایدینا
وذلك عیب علیکم وعاذای عاز

وارسلتم المهاجرین المأسورین منا
الآن وقیل الی صید

فاعلموا انکم لا تستنصرون بنا بذکم الا نوز
فانتم تستنصرون انفسکم وتسلون
انفسکم بافعالکم الغیبة الی القبور
فان کان لکم صیبر ولنا فنبورن

فالیصل اما ان تطلقوا المهاجرین المأسورین
مبتداء بالبشر او تعلمونا عدم اهتمامکم

Handwritten marginal notes in Arabic script, including the word 'مستنصر' (mستنصر) and other illegible text.

лиани,¹ который пишет мне задержать их² до получения от Вас ответа на счет их размена.

Вот сущая правда, не могу заставить Вас мне верить, но совесть моя чиста, и какие бы не были последствия, о которых Вы упоминаете, греха не будет лежать на моей душе“.

Неточный перевод арабского текста вызвал недоразумение. Слова Шамиля *فاعلموا انكم لا تستهزئون بنا بذلك الامور و انتم تستهزئون انفسكم* „и знайте, что этими Вашими делами вы не над нами смеетесь, а смеетесь над собой“, переводчик перевел: „по этому делу Вы не обманываете меня, а обманываете сами себя“, на что барон Николаи обиженно отвечает, что он до сих пор „никогда не обманывал“ и что „у нас это считается грешным, а для благородного человека унижительным“.

Несмотря на то, что письмо написано в то время, когда между Шамилем и генералом Николаи существовало „сердечное согласие“, тон этого послания существенно отличается от первого письма. Речь идет об обмене пленнх. Как известно, во время переговоров об обмене пленнх семейств князей Чавчавадзе и Орбелиани, Шамиль требовал один миллион рублей деньгами и кроме того своего сына Джемал эд-Дйна, племянника Хамзата, сына аварского Алибега Харасилау, Шахислама (сына Хамзата) и остальных горцев, плененных в разное время.³

Впоследствии Шамиль согласился снизить сумму выкупа до 40 000 руб. и с целью, чтобы возвращение Джемал эд-Дйна не откладывать на долгое время, выразил согласие отложить возвращение остальных пленнх горцев, местопребывание которых в то время не было известно.⁴ После этого Шамиль часто напоминает генералу Николаи об условиях обмена пленнх. Барон Николаи просил у Шамиля список лиц, освобождения которых он желал, и по получении, как видно из вышеприведенного письма, послал его немедленно генералу Барятинскому с просьбой поддержать дело освобождения пленнх и сообщить к какому, приблизительно, сроку нужно ожидать возвращения горцев.⁵ В ответ на это ген. Барятинский сообщает, что Николай I уже дал согласие на освобождение пленнх

¹ Имеется в виду известный грузинский поэт и полководец князь Григорий Дмитриевич Орбелиани, командовавший в то время в Дагестане; Русская Старина, XXXVI, стр. 180, прим.

² В напечатанном тексте: „чтобы я задержал их“.

³ Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля, III, стр. 4; прил. I, № 3, стр. 17; ср. также письмо Гр. Орбелиани от 22 сентября 1854 г.; его же письмо от 1 октября 1854 г. (рукопись грузинского музея № 1555 Q а). Ср. также Дрансе, Пленницы Шамиля, Тифлис 1858, стр. 87—191; также А. Зиссерман, История 80-го пехотного кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка, III, СПб. 1886, стр. 214—216; ср. также „Русскую Старину“, XXXVI, 1882, стр. 253 и сл.

⁴ Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 257.

⁵ Ср. письмо ген. Николаи к ген. Барятинскому от 27 апреля 1855 г.; Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 257—280.

горцев,¹ а в сентябре 1855 г. ген. П. Броневский сообщает барону Николаи, что уже отдано распоряжение об обмене 270 горцев на плененных летом 1854 г. кахетинцев и что из этого числа 33 уже посылаются в Грозный, а остальные возвратятся постепенно, когда удастся выяснить их местопребывание.² Весной 1857 г., когда ген. Барятинский был назначен главнокомандующим и наместником Кавказа, события стали развиваться в другом направлении, и первоначальный план об обмене пленных не осуществился.³

Вышеприведенное письмо Шамиля написано после того, как он передал ген. Николаи список пленных. Оттягивание ответа вызвало в Шамиле подозрения. Эти подозрения тем более усиливались, что как раз в это время русские пленили мирных джарцев, которых потом держал при себе ген. Николаи по просьбе кн. Григория Орбелиани.

К этому письму, как и к предыдущему, приложена печать Шамиля. Кроме того в начале письма упоминается титул Шамиля امير المؤمنين

Обращает внимание на себя стиль Шамиля. Лаконичность, выразительность и некоторая строгость придают ему своеобразный характер. Несмотря на отдельные неловкие фразы, опубликованные письма в общем свидетельствуют о блестящем знании Шамилем классического арабского языка.

Интересны эти письма в палеографическом отношении. Обращает на себя внимание употребление неясных знаков: ۛ (или ۛ): انفسكم[ۛ], ۛ (или ۛ): انفسكم[ۛ], ۛ (или ۛ): انفسكم[ۛ], ۛ (или ۛ): انفسكم[ۛ], ۛ (или ۛ): انفسكم[ۛ] и т. д.; иногда над или под отдельными буквами встречаются цифры: ۛ, ۛ, ۛ, ۛ и т. д. (يوم[ۛ], حالها[ۛ], ابنته[ۛ]) и т. д.), сукун ставится над согласной после долгой гласной (для обозначения паузы): الانتظار[ۛ], بالبشير[ۛ], القبور[ۛ], الامور[ۛ], صبير[ۛ], عار[ۛ], للاستبدال[ۛ], جار[ۛ], الاعتبار[ۛ]; и т. д. В начале каждого письма стоит знак ب, который, очевидно, означает басмалу. Для выяснения значения этих знаков и для палеографического вообще изучения упомянутых документов, необходимо привлечение остальных памятников арабской письменности на Кавказе. Думается, что такого рода работа может принести некоторую пользу делу выяснения вопроса о роли арабской культуры и традиции в истории культурной жизни народностей Северного Кавказа.

Тифлис. Май 1935 г.

¹ Ср. письмо П. Броневского Александру Николаи от 18 августа 1855 г. (хранится в архиве Туманишвили).

² Ср. письмо П. Броневского к барону Ал. Николаи от 4 сентября 1855 г. (хранится в архиве Туманишвили).

³ Русская Старина, XXXVI, 1882, стр. 275.

⁴ В рук. رائييس.

⁵ Возможно, что этот знак употребляется для подчеркивания сйна, но иногда (хотя и редко) он ставится и над другими согласными.

А. Я. БОРИСОВ

ОБ ОТКРЫТЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ МУТАЗИЛИТСКИХ РУКОПИСЯХ И ИХ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ ИСТОРИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ МЫСЛИ

Мое настоящее сообщение вызвано вполне конкретным поводом, благодаря чему и содержание его является в своей основе строго конкретным и, в известной мере, узко-специальным. В течение последних лет мне удалось обнаружить в Ленинграде довольно значительное количество рукописей, имеющих отношение к одному из наиболее интересных моментов истории ислама — к движению так наз. му'тазилитов. Ни в какой мере не будучи исламоведом, я, тем не менее, счел себя обязанным предпринять первые шаги к тому, чтобы обнаруженный мною материал дошел до сведения специалистов. Результатом этой первоначальной, а для меня, вероятно, и окончательной стадии изучения ленинградских му'тазилитских рукописей явилось их описание, отнюдь не претендующее на полноту, но, тем не менее, вполне достаточное, чтобы дать всем интересующимся понятие о характере материала. Это самое описание положено мною и в основание моего настоящего доклада, рамки которого, таким образом, оказываются несколько тесными. Я не ставлю своей задачей изобразить здесь общую картину развития му'тазилитского движения или дать истолкование сущности этого — во многом для нас пока неясного — идеологического явления; разрешить подобную задачу станет возможным лишь после того, как будет в основном завершена ведущаяся сейчас нашими историками работа по изучению социально-экономической структуры халифата и форм проявления его классовых и иных противоречий. Большой шаг вперед в этом последнем направлении представляет, несомненно, доклад А. Ю. Якубовского, заслушанный нами на одном из первых заседаний настоящей сессии; на данных этого доклада я в значительной степени и основываю те несколько общих соображений, которые будут посланы мною характеристике ленинградских му'тазилитских рукописей в качестве краткого введения.

Мы можем констатировать необычайную сложность социальной обстановки омейядского халифата, где классовые противоречия осложнялись взаимоотношениями между завоевателями-арабами и всей массой покоренного местного населения, весьма пестрого и этнически и конфессионально. Сирия, местопребывание арабской власти, в течение ряда десятилетий жила за счет богатого Ирака, питая этим резко-оппозиционные настроения во всех слоях населения этой области. Аббасидский переворот, совершенный силами антиомейядской оппозиции, не только не уничтожил, однако, раздиравших халифат противоречий, но в известной мере даже обострил их. При Аббасидах к господствующей группе арабских феодалов примкнула численно перевешивающая ее группа феодалов иранских, бывших прежде в неравноправном положении со своими арабскими собратьями по классу. Нередко лишь внешне отойдя от зороастризма к исламу, эта группа иранских феодалов возродила в халифате ряд традиций сасанидской государственности. Что же касается народных масс, то, убедившись, что иранские феодалы ничуть не менее враждебны им, чем арабские, они устремляются на борьбу против самых основ феодального общества. „Если в омейядском периоде, — говорит А. Ю. Якубовский, — общая ненависть к Сирии и Дамаску, как символам угнетения арабских феодальных верхов, могла на время объединить классово-враждебные элементы Ирака, то при Аббасидах, когда иракские феодалы стали хозяевами положения, трудящиеся массы получили возможность легко видеть, где их настоящие враги“.¹

Вполне естественно, что сложная социальная обстановка породила не менее сложную обстановку идеологическую. Я оставляю здесь в стороне те многочисленные и подчас не вполне нам ясные пережитки старых местных традиций — греческих, вавилонских, арамейских, иранских и иных, — которые цепко держались в халифате в первые века его существования. Общины сиро-византийских христиан различных толков, а также иудеев, самаритян, манихеев и зороастрийцев, харранские звездопоклонники, остатки гностицизма и древних вавилонских верований (вроде учения так наз. мандеев) — все это, несомненно, делало идеологическую жизнь халифата чрезвычайно пестрой. Однако, согласно теме моего доклада, мы должны остановить здесь наше внимание лишь на идеологии мусульманского населения халифата, так или иначе нашедшей свое выражение в литературных памятниках на арабском языке.

Надо помнить, что ислам аббасидского периода представляет уже нечто иное, нежели ислам времени Омейядов. Если при Омейядах ислам был в основном распространен лишь на территории Сирии, то теперь мусульманство простирается значительно более широко — и в среде иранских феодалов, вошедших в состав господствующей верхушки, и в среде других слоев населения — купцов, ремесленников, крестьян. Само собою

¹ А. Ю. Якубовский. Цитирую по рукописному тексту доклада.

разумеется, что при этом меняется и самый облик ислама: под его оболочкой, подчас очень тонкой, отчетливо проступают очертания старых местных идеологических традиций, самых разнообразных и нередко враждебных одна другой. Довольно скоро под именем единой „веры Мухаммеда“ складывается несколько в основном независимых аспектов ислама, в различной степени приближающихся к учению Корана и Сунны, а подчас и не имеющих с последними ничего существенно общего, несмотря на чисто внешнее признание мусульманских „основ“. Каждый из этих аспектов в основном, несомненно, связывается с определенной социальной группой, отображая в себе ее мирозерцание. И хотя работа по выявлению социального базиса идеологических конструкций халифата еще не проделана, тем не менее здесь можно наметить — в самых общих и, так сказать, предварительных чертах — четыре главных направления.

Во-первых, при дворах крупнейших феодалов — аббасидского халифа и, позднее, династий, водворившихся в различных областях халифата — культивировалась так наз. арабская философия; наиболее кратко это идеологическое течение следует, на мой взгляд, определить, как своеобразную формулу, в которую отлился — в условиях слагающегося феодального общества — философский синкретизм, существовавший в Месопотамии и Сирии со времен эллинизма. Во-вторых, среди высшего городского слоя и некоторой части феодалов большой популярностью пользовались догматические доктрины му'тазилитов, о которых подробнее будет сказано ниже. В третьих, преимущественно в кругах ремесленников возникло и распространилось мистическое направление, известное под именем суфизма, идеологические истоки которого представляются загадочными и выводятся одними из Индии, другими — из христианства и неоплатонической философии, в действительности же, возможно, в значительной степени коренятся в мало известных нам верованиях сасанидского Ирана. Наконец, в четвертых, крестьянские движения халифата, по своим тенденциям антифеодальные и уравнивательные, сопровождаются религиозными теориями, часто лишь номинально связанными с исламом, по существу же являющимися отголосками идей старых иранских маздакитов. Эта схема в том виде, как она изложена здесь мною, конечно, очень упрощена и не во всех своих элементах одинаково убедительна; при дальнейшей работе многое в ней должно быть дополнено, углублено и изменено; в частности, именно в пункте, касающемся му'тазилитства, для меня более всего неясного и проблематического; и все же, я считаю для себя необходимым пока придерживаться изложенной схемы — в качестве своего рода рабочей гипотезы.

Из четырех названных идеологических течений первое, а именно арабская философия, наименее значительное по количеству своих адептов, является не только по своим истокам, но и по своей основной тенденции прямым и непосредственным продолжением античной философии. В то время, когда в христианских странах Европы, на исконной территории антич-

ных государств, всюду безраздельно господствовала феодальная схоластика, — на Востоке, в аббасидском халифате, одетая в оболочку арабской речи, доживала свой долгий век античная философская традиция. Называя арабскую философию прямым продолжением античной, я отнюдь не хочу сказать, что она лишена всяких черт феодальной идеологии; утверждать это было бы абсолютно неправильным, так как арабская философия обладает целым рядом и крупных и мелких признаков идеологии феодализма; я имею здесь в виду лишь основную тенденцию арабской философии, которая продолжает собою основную тенденцию античной философии в ее позднейшей — так наз. александрийской — стадии. Эту основную тенденцию, согласно высказываниям ее носителей, можно вкратце формулировать следующим образом: философия есть религия мудрецов, религия, стоящая выше всех остальных народных религий; мудрец, т. е. философ, может притти к познанию религиозных основ, исходя лишь из своей собственной личности, из своего разума и чувства и не прибегая ни к чему, находящемуся за пределами его существа. Эту тенденцию мы находим ясно выраженной, напр., в энциклопедии „Любящих Братьев и Верных Друзей“; нетрудно видеть, что это та самая тенденция, которая лежала в основе систем, возникших в эпоху разложения античного общества и известных под именем неоплатонизма и неопифагорейства. Арабская философия, в ее метафизической части, так же как и эти последние, есть прежде всего „философская религия“. Понятно отсюда, что она внутренне ничем не связана с исламом, становясь с ним порою в самые резкие противоречия, что нашло свое ясное выражение в знаменитом учении латинских аверроистов о двух истинах; вполне понятны поэтому и гонения, претерпеваемые мусульманскими философами со стороны ортодоксов.¹

Но если арабская философия в ее метафизике есть „философская религия“, то му'тазилитское течение, из которого впоследствии возникла ортодоксальная догматическая школа аш'аритов, с полным правом может быть названо схоластикой ислама, хотя и схоластикой еретической. Как и всякая схоластика, доктрина му'тазилитов вырастает всецело из стремления дать разумное обоснование религиозных догматов ислама, т. е. является „религиозной философией“, в которой разум призван на служение вне-разумным положениям религии. И если арабская философия является своеобразным гибридным — феодально-античным — идеологическим организмом, быть может, единственным в своем роде в истории человеческой мысли, то му'тазилитство есть уже чисто феодальная идеология. Что касается материала, из которого му'тазилитские учителя сконструировали свои системы,

¹ Необходимо отметить здесь, что вопрос о причинах, вызвавших пережитки античной идеологии в условиях слагающегося феодального общества, в высшей степени интересен, но и настолько же сложен; в настоящий момент я не пытаюсь его разрешить, за отсутствием ряда необходимых для этого данных, однако полагаю, что ключ к нему лежит в особых свойствах переднеазиатского феодализма той эпохи со свойственными ему значительными пережитками рабства.

то вопрос этот не вполне еще ясен, однако очевидно, что в качестве материала здесь были использованы элементы различных идеологических течений, существовавших в передней Азии в эпоху первых Аббасидов. Еще Штейнер и Кремер указывали на связь некоторых му'тазилитских положений с сиро-византийским христианским богословием в том его виде, в каком оно изложено в трудах Иоанна Дамаскина и Феодора Авукара; Шрейнер связал некоторые моменты раннего му'тазилитства с иудейством; Горовиц выяснил влияние античных стоиков на одного из крупнейших му'тазилитских авторитетов — Ибрахима ан-Наззама; влияние аристотелевской логики не нуждается ни в каких доказательствах; вероятно, затем, известное воздействие манихейства; наконец, Хортен говорит о возможных заимствованиях из буддийской философии.

Действительно, система му'тазилитов, несмотря на разнородность своих составных элементов, в целом — органически самостоятельная, в одном кардинальном пункте как бы приближается к учению философских школ буддизма, влияние которого на развитие мусульманской догматики все же едва ли может быть доказано. Все дело, повидимому, лишь в том, что и буддийские мыслители и му'тазилиты исходили из одних и тех же — чисто рационалистических — предпосылок, последовательно и целно их развивая, что и привело как тех, так и других, при всей независимости их путей, к относительно близким выводам. Как известно, средиземноморский философский цикл (так называю я комплекс философских традиций, существовавший и развивавшийся в бассейне Средиземного моря, имея своей исходной точкой античную Грецию), — средиземноморский философский цикл до самого XVII в., когда зарождается новая философия буржуазной Европы, не знал строгих и законченных гносеологических систем — в противоположность индийскому философскому циклу, где гносеологические проблемы всегда стояли в центре внимания мыслителей. Му'тазилиты представляют, насколько мне известно, единственное исключение: принадлежа всецело к средиземноморскому циклу, они, однако, создали довольно законченную систему рационалистической теории знания, резко отличаясь этим от остальных философских и религиозно-философских учений как мусульманских стран, так и феодальной Европы. Этой своей стороной учение му'тазилитов представляет для нас особенный интерес, и полная история гносеологии и логики не может быть написана без учета сохранившихся памятников му'тазилитской философской литературы. Очень интересна, кроме того, атомистическая теория, лежащая в основе му'тазилитской натурфилософии и обуславливающая собою своеобразные концепции времени и пространства. Заслуживает внимания также система морали му'тазилитов с казуистически разработанным учением о зле и воздаянии.

В мою задачу не входит здесь изложение самой му'тазилитской доктрины. Подробное изложение ее завело бы меня слишком далеко, и, кроме того, в значительной мере выходит за пределы моей компе-

тенции; краткий же пересказ не имеет смысла, так как он, несомненно, являлся бы негодной попыткой дублировать прекрасный очерк И. Гольдциера в его „Лекциях по исламу“ — книге, смею надеяться, хорошо известной каждому арабисту. Не берусь я также дать здесь очерк исторических судеб му'тазилитства; отмечу лишь, что уже очень рано му'тазилитская догматика связывается с ши'итством. Когда ал-Ма'мун, в определенный период своего правления, попытался опереться на средние, ши'итски настроенные слои населения, му'тазилитство приобрело такое значение, что одно из основных его положений — догмат о сотворенности Корана — было на время провозглашено государственной теорией. Правда, вскоре после этого произошел поворот в политике халифов, и му'тазилиты, после кратковременного торжества, подверглись жестоким преследованиям; но позднее, в X столетии, в эпоху распада аббасидского халифата, при дворе ши'итов-Бувейхидов, равно как и в государстве Саманидов, му'тазилитские учителя вновь встретили благосклонный прием, находя последователей и покровителей среди высших государственных деятелей эпохи. Так, приверженцем му'тазилитских воззрений был ас-Сахиб Абу л-Касим Исма'ил Ибн 'Аббад (ум. 995 г. хр. э.), исполнявший должность везира сначала при Бувейхиде Му'айяд ад-Даула, а затем при брате последнего, Фахр ад-Даула; этот сановник, принадлежавший к числу образованнейших людей своего времени, посвящавший свои досуги литературным занятиям и собравший библиотеку, с трудом умещавшуюся на четырехстах верблюдах, известен, между прочим, своим покровительством одному из крупнейших авторитетов позднего му'тазилитства, кадию 'Абд ал-Джаббару, о котором речь будет ниже. В эпоху Бувейхидов и Саманидов му'тазилитское движение переживает, в известной мере, свой второй — и последний — расцвет, распространяя свое влияние на отдаленные восточные и северо-восточные области мусульманского мира, где этому влиянию удалось продержаться в течение ряда столетий; так, в Хорезме оно, по словам В. В. Бартольда, „имело представителей еще в конце XIV в., при Тимуре, когда в других мусульманских областях ученых этого направления давно уже не было“.¹ Ко всему этому необходимо добавить, что на му'тазилитстве в значительной степени основывается господствующая ши'итская догматика и в современной ши'итской литературе еретический рационализм первых веков ислама дожил до наших дней.

Всего вышеуказанного, конечно, еще слишком мало для того, чтобы считать данную здесь характеристику му'тазилитства хотя бы относительно полной; отмеченные мною черты этого сложнейшего идеологического явления явно отрывочны и недостаточны и, собственно, даже не могут быть названы характеристикой; однако более подробное освещение этого вопроса заставило бы меня выйти за пределы задачи, поставленной мною

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, 1927, стр. 65.

себе в настоящем сообщении. Мне нужно было лишь показать, что такое сильное и длительное движение, каким было движение му'тазилитов, — движение, распространившееся в свое время по всему огромному пространству мусульманского мира, вплоть до Испании, — движение, из которого в значительной мере вышла ортодоксальная догматика аш'аритов и которое, как было только что сказано, дожило до наших дней в ши'итстве, — мне нужно было лишь показать, что такое движение заслуживает глубокого и всестороннего изучения и что без этого изучения невозможно подлинное понимание ислама и вообще идеологии мусульманских стран феодального периода. Но здесь мы встречаемся с фактом, хорошо знакомым всякому, кому приходилось иметь дело с изучением так называемых „ересей“: несмотря на то, что му'тазилиты, как нам хорошо известно, создали огромную и разнообразную литературу, ортодоксы, в течение ряда столетий, приложили столько усилий для ее истребления, что, когда в прошлом столетии Штейнер предпринял написание первой вообще монографии, посвященной „вольнодумцам ислама“ (так называл он му'тазилитов),¹ то под его руками не оказалось, за исключением трудов аз-Замахшари, ни одного действительно му'тазилитского сочинения, и изложение пришлось строить исключительно на сведениях, почерпнутых из вторых рук, от ортодоксальных мусульманских авторов, отнюдь не свободных от враждебных му'тазилитам тенденций. Шахрастани, Ибн Хазм, ал-Иджи и Маймонид — вот основные источники, на которых в течение долгого времени европейская наука основывала свои представления о доктрине му'тазилитов. Однако уже с конца прошлого века стали понемногу обнаруживаться жалкие остатки подлинной му'тазилитской письменности. Шведский ориенталист Нюберг в арабском предисловии к недавно изданному им му'тазилитскому трактату (Китаб ал-Интисар)² говорит о трех путях, которыми дошли до нас эти остатки. Во-первых, отдельные памятники му'тазилитской литературы были обнаружены среди трактатов близкой к му'тазилитству иеменской секты Зейдийя, обширные собрания рукописей которой хранятся в Милане и Берлине. Во-вторых, некоторые из му'тазилитских сочинений попали в частные библиотеки ортодоксальных мусульманских ученых, ценивших их за обилие разнообразных сведений и тонкую разработку ряда положений, не связанных непосредственно с проблемами „справедливости и единосущия“. К числу таких сочинений относится, напр., изданный Нюбергом трактат ал-Хаята — Китаб ал-интисар, а также находящаяся в Берлинской библиотеке и еще полностью неизданная книга о разногласиях багдадских и басрийских му'тазилитов, принадлежащая перу Абу Рашида ан-Найсабури. Наконец, в третьих, несколько единичных памятников му'тазилитства избежали уничтожения лишь благодаря случайности, как, напр., хранящийся также в Берлинской библиотеке ал-Китаб ал-Мухит

¹ Steiner. Die Mu'taziliten oder die Freidenker im Islam, Lpz., 1865.

² H. S. Nyberg. Le Livre de Triomphe et de la Réfutation . . . , Le Caire 1925, стр. 10.

кадия 'Абд ал-Джаббара. Однако к этим, указанным Нюбергом, трем путям необходимо прибавить четвертый путь, на который, в самое последнее время, удалось напасть автору настоящего доклада. Этим четвертым путем является старая арабоязычная литература восточных караимов.

Уже давно известно, что средневековая догматическая и философская письменность евреев Востока испытала на себе глубокое влияние мусульманских му'тазилитских идей, причем караимы подверглись этому влиянию в несравненно большей степени, нежели раббаниты; так, догматические труды крупнейших караимских авторитетов — Якуба ал-Киркисани, Сахла ат-Тустари, Юсуфа ал-Басира и Абу л-Фараджа Фуркана — представляют собою, в основном, лишенные оригинальности своды поздне-му'тазилитских воззрений. В виду этого, само собою разумеется, что караимские ученые, живо интересуясь му'тазилитством, изучали и переписывали для себя мусульманские му'тазилитские трактаты, и эти-то копии, написанные, к тому же, в большинстве своем еврейскими буквами, избегли уничтожения со стороны ортодоксального ислама и дошли, — правда, лишь во фрагментах, — до нашего времени. Тайники караимских молитвенных домов Палестины и Египта послужили, таким образом, убежищем для обломков мусульманской му'тазилитской письменности.

Из этих именно тайников и составила, в основе своей, знаменитая коллекция еврейских и еврейско-арабских рукописей, собранная крымским хахамом караимов, Авраамом Фирковичем, во время его поездок по Востоку, и хранящаяся ныне в Ленинградской Государственной Публичной Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Эта замечательная и далеко еще не исчерпанная коллекция уже обогатила науку рядом неизвестных доселе первоклассных памятников еврейско-арабской литературы, которым посвящена серия публикаций Гаркави, Коковцова, Израельсона и др.; однако и для истории мусульманской письменности здесь хранится под спудом немало ценного материала.

В течение моих шестилетних занятий рукописями А. Фирковича, мне удалось обнаружить среди них ряд фрагментов, несомненно принадлежащих мусульманским му'тазилитским сочинениям. До настоящего момента мною зарегистрировано 13 таких фрагментов значительной величины — от 30 до 147 листов, дающих в сумме около 1100 листов текста, и 10 отрывков меньшей величины — по несколько листов каждый. Сохранность некоторых из этих отрывков мало удовлетворительна: они значительно повреждены тлением и жучком.

Все обнаруженные мною му'тазилитские фрагменты написаны на старой восточной бумаге, семь — крупным квадратным еврейским письмом, характерным для древнейших караимских рукописей, остальные 6 — беглым и мало разборчивым насхом, почти совершенно лишенным диакритических точек. Некоторые из этих последних (т. е. написанных насхом) рукописей производят впечатление спешных черновиков, до того небрежно их выполнение: в них нередки зачеркнутые слова, а иногда и целые строки.

Что касается времени и места написания, то из несомненно му'тазилитских фрагментов всего лишь один снабжен колофоном с соответствующими данными. Из колофона мы узнаем, что данный фрагмент написан неким 'Али Ибн Сулейманом в Фостате (т. е. старом Каире) в месяце Раджабе 472 г. хиджры (т. е. в конце ноября или начале декабря 1083 г.). Среди рукописей Фирковича мне удалось, кроме этого отрывка, найти еще два фрагмента, несколько более раннего времени, переписанные тем же 'Али Ибн Сулейманом, но не в Фостате, а в селении по имени Танас, на границе Ифрикии и Магриба; один из этих фрагментов датирован месяцем Шаввалем 436 г. хиджры (т. е. апрелем 1044 г.), другой же — месяцем Зу-л-хиджа 446 г. хиджры (т. е. февралем 1057 г.). Оба последних фрагмента содержат, как мне кажется, части одного и того же догматического сочинения, му'тазилитский характер которого несколько сомнителен, почему я и не включил его в серию описанных мною рукописей.

Кто же этот переписчик 'Али Ибн Сулейман? Оказывается, что это — лицо в достаточной мере известное, которому в европейской науке посвящена даже небольшая литература. В 1928 г. американский ученый С. Сköz (из Филадельфии) издал одно арабское сочинение, принадлежащее перу средневекового караимского писателя, Абу л-Хасана 'Али Ибн Сулеймана ал-Мокаддаси.¹ В обширном предисловии С. Сköz пытается выяснить вопрос о времени и месте жизни этого автора, причем в распоряжении его оказываются две даты, из которых одна очень подозрительна. Несомненно все же, что названный автор действовал во 2-й половине XI в.; что же касается места его жизни, то на основании куньи — ал-Мокаддаси — Сköz считает за таковое Иерусалим (Бейт ал-Мокаддас). Выводы Сköz подверглись критике палестинского ученого Банета, в результате чего между обоими учеными возникла полемика, не приведшая, за неимением действительно веских аргументов, ни к каким окончательным результатам. Для меня несомненно, что названный переписчик трех ленинградских фрагментов, 'Али Ибн Сулейман, есть не кто иной, как именно этот караимский писатель Абу л-Хасан 'Али Ибн Сулейман ал-Мокаддаси. Вопрос, вызвавший полемику между Сközом и Банетом, благодаря этим новым данным оказывается разрешенным: выясняется, что местом жизни 'Али Ибн Сулеймана, несмотря на его кунью, является не Иерусалим, а северная Африка, и что начало его литературной деятельности следует отодвинуть еще в первую половину XI в.²

Таким образом, из тринадцати ленинградских му'тазилитских фрагментов единственный датированный относится к XI в. хр. э.; что же касается остальных, лишенных датировки, то, судя по внешним признакам, их следует отнести к тому же столетию или, по крайней мере, к следую-

¹ S. L. Skoss. The Arabic commentary of 'Ali ben Suleiman the Karaite on the Book of Genesis. Philadelphia, 1928.

² Подробности этого вопроса см. в моей статье: „К вопросу о времени и месте жизни караима 'Али ибн Сулеймана“ (печатается).

щему, позже которого они вряд ли могли быть написаны. Местом их возникновения является, повидимому, северная Африка; впрочем, некоторые из них могут происходить и из Передней Азии. С определенностью судить об этом мы не имеем возможности, так как А. Фиркович не оставил никаких указаний о месте приобретения им той или другой рукописи, локализация же на основании почерка едва ли может считаться вполне безупречной, в виду недостаточной разработанности как арабской, так, особенно, и еврейской палеографии.

Если трактаты, сохраненные зейдитами, являются продуктами деятельности багдадской школы му'тазилитов, традиция которой перешла к иеменским сектантам, то ленинградские рукописи содержат сочинения другой, более древней и более, пожалуй, популярной школы — басрийской. Однако среди них мы не находим памятников, восходящих к эпохе расцвета этой школы, не находим сочинений ее крупнейших авторитетов, Абу 'Али Мухаммеда ал-Джуббаи (ум. 915 г. хр. э.) и его сына, Абу Хашима 'Абд ас-Салама (ум. 932 г. хр. э.); в ленинградских фрагментах сохранились лишь трактаты, принадлежащие к позднейшей поре существования басрийской школы, эпохе эпигонов му'тазилитства, хронологически — ко второй половине X и первой половине XI столетий.

Так как почти все ленинградские фрагменты не имеют ни начала, ни конца, то определение авторов и заглавий сочинений представляется предприятием почти неосуществимым, особенно если принять во внимание скудность наших сведений о му'тазилитской литературе вообще. Мне удалось установить имена всего лишь двух авторов. Один из них — известный кадий Абу л-Хасан 'Абд ал-Джаббар Ибн Ахмад ал-Хамадани, происходивший из селения Асадабад. В начале своей деятельности он принадлежал к догматической партии аш'аритов, но затем перешел в лагерь му'тазилитов, примкнув к тому же басрийскому толку „ал-Джуббайя“, из которого, за несколько десятилетий перед тем, вышел сам ал-Аш'ари.

В то время, к которому относится начало деятельности 'Абд ал-Джаббара, т. е. в 50-е годы X в. хр. э., учение Абу 'Али ал-Джуббаи приобрело широкую популярность в форме, приданной ему сыном последнего, Абу Хашимом 'Абд ас-Саламом, основателем значительнейшего из поздних му'тазилитских толков, известного под именем „ал-Бахшамийя“. 'Абд ал-Джаббар в длинном ряде сочинений продолжил и развил взгляды Абу 'Али и Абу Хашима. В 971 г., когда 'Абд ал-Джаббар находился в Багдаде, упомянутый выше буидский везирь Исма'ил Ибн 'Аббад призвал его в Рей, где он был облечен званием главного кадия на территории владений Муайяд ад-Даула. За время своей более чем пятидесятилетней деятельности в Рейе, 'Абд ал-Джаббар создал здесь многочисленную школу, пользуясь неизменным расположением Ибн 'Аббада, который отзывался о нем, как о „лучшем из людей“. Кадий пережил своего покрови-

теля на 30 лет и скончался в Рейе в 414 или 415 г. хиджары (т. е. в 1023—1025 гг. хр. э.), имея более 90 лет от роду.¹

Литературная деятельность кадия 'Абд ал-Джаббара была, по имеющимся у нас сведениям, очень значительной, и труды, вышедшие из-под его пера, пользовались в свое время популярностью, однако впоследствии они разделили судьбу остальной му'тазилитской литературы, и в настоящие дни, насколько я знаю, из них известны всего лишь два, а именно: 1) изданный в начале нашего века полемический трактат, озаглавленный: Танзих ал-куран 'ан ал-мата'ин (очищение Корана от поношений) и 2) большой свод му'тазилитских основ, ал-Китаб ал-мухит, сохранившийся в единственной рукописи Берлинской библиотеки, но не в своем первоначальном виде, а в эксцерптах одного из учеников автора, Ибн Маттавайхи.

Среди ленинградских рукописей находятся два фрагмента сочинений 'Абд ал-Джаббара. Один из них — меньший — является частью названного свода — ал-Китаб ал-мухит, однако незначительные размеры отрывка (30 листов) не дают возможности определить, имеем ли мы здесь дело с подлинным текстом автора, или так же, как в берлинской рукописи, лишь с сокращенной редакцией Ибн Маттавайхи. В тексте фрагмента встречаются ссылки на два другие труда 'Абд ал-Джаббара, не дошедшие, насколько мне известно, до наших дней: 1) ал-Китаб ал-мугни, или просто — ал-Мугни, и 2) Китаб ад-дава'и вас-савариф. Второй фрагмент, значительно большего размера (67 листов), содержит части сочинения, название которого мне определить не удалось. Несомненная принадлежность этого сочинения перу 'Абд ал-Джаббара может быть установлена из встречающихся на его страницах ссылок, как на более ранние труды автора, на книги ал-Мугни и Китаб ад-дава'и вас-савариф, упоминаемые, как только что было сказано, и в ал-Китаб ал-мухит.

Другим автором, которого мне удалось определить на материале ленинградских рукописей, является известный ши'итский деятель, аш-Шариф ал-Муртада Абу л-Касим 'Али Ибн Тахир, глава (накиб) багдадских алидов (он умер в Багдаде в 1044 г. хр. э.). Литературное наследие этого автора состоит из ряда трактатов ши'итского содержания; кроме того, ему приписывается большой диван, содержащий десять тысяч стихов, и сборник апокрифических сентенций халифа 'Али.² Среди ленинградских фрагментов один содержит части текста принадлежащей перу аш-Шарифа ал-Муртада книги, озаглавленной: Китаб захират ал-'алим ва басират ал-мута'аллим — „Сокровище сведущего и разумение наставленного“. Сочинение это полностью выдержано в чисто му'тазилитском духе. Заглавие книги и имя ее автора вполне определенно указаны в колофоне фраг-

¹ Литературу о 'Абд ал-Джаббаре см. в моей статье: „Мутазилитские рукописи Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде“ — „Библиография Востока“, вып. 8—9 (1935), стр. 69 сл.

² Литературу об аш-Шарифе ал-Муртада см. в моей статье, названной в предыдущем примечании.

мента, а потому находятся вне сомнения: рукопись написана в 1083 г. хр. э., т. е. всего лишь через 39 лет после смерти автора. Следует отметить, что в известных мне списках сочинений аш-Шарифа ал-Муртада „Книга сокровища сведущего“ отсутствует.

Что же касается остальных фрагментов, то мне не удалось установить ни авторов, ни заглавий содержащихся в них сочинений; однако можно с уверенностью сказать, что большинство этих сочинений относится, самое раннее, к первой четверти XI в., так как почти во всех них цитируется кади ал-кудат („кадий кадиев“), т. е. Абд ал-Джаббар, умерший, как было сказано, в 1024 г. хр. э.

По содержанию, ленинградские фрагменты в той или иной мере затрагивают почти все проблемы, входящие в круг доктрины му'тазилитов. Так, один из отрывков содержит часть сочинения по натурфилософии; названия глав показывают, что здесь говорится о трех путях познания субстанции, о постижении атома и о различных его свойствах, о земле, о движении звезд, причем отвергается учение философов, представляющее звезды одушевленными существами, об обстоятельствах бытия и небытия субстанции, о пустоте и полноте и о других подобных вопросах. Гносеологическим проблемам посвящен ряд глав во многих фрагментах. Здесь говорится о сущности знания, о различных его видах, о путях к знанию, об истинном знании и о ложном, о сомнении и т. п. В большинстве отрывков имеются разделы, посвященные проблемам тесдицей и морали (абваб ал-'адл); часто встречаются также главы, трактующие об атрибутах (абваб ат-таухид). Дать более подробную характеристику содержания рукописей я не могу здесь не только потому, что эта в высшей степени специальная материя сильно затянула бы мое изложение, но еще и потому, что это для меня отчасти трудно и фактически: помимо того, что почерк многих из фрагментов мало разборчив и почти лишен диакритических точек, сами фрагменты сильно повреждены, листы их часто перемешаны в хаотическом беспорядке, так что систематическому изучению материала должна предшествовать большая и сложная предварительная работа, которую я сейчас — по ряду причин — лишен возможности проделать в нужной мере.

Если мы теперь поставим вопрос о значении открытых в Ленинграде му'тазилитских фрагментов, то прежде всего придется отметить, что ценность этих материалов несколько умеряется их происхождением из поздней эпохи му'тазилитства. В конце X и начале XI вв., когда были написаны сочинения, сохраненные нам ленинградскими фрагментами, учение му'тазилитов уже выродилось в схоластику в худшем смысле этого слова. В бесконечных спорах как между багдадской и басрийской школами, так и между различными авторитетами внутри каждой из этих школ, дело шло часто более о словах, чем о смысле. Казуистикой были наполнены и многочисленные му'тазилитские выпады против аш'аритов. Однако необходимо признать, что и эти казуистические хитросплетения, если в них достаточно разобраться, значительно разъясняют суть миропонимания му'тазилитов,

так как под их словесной шелухой, не лишенной порою тонкости и остроумия, почти всегда можно различить вполне определенную систему идей. Поэтому ленинградские фрагменты, несомненно, представляют существенный интерес, являясь немаловажным дополнением к уже имеющемуся материалу. Очень интересны также ленинградские рукописи и многочисленными цитатами из более старых му'тазилитских авторов, подлинные сочинения которых не сохранились; так, здесь встречаются наиболее часто: Абу 'Али ал-Джуббаи, Абу Хашим 'Абд ас-Салам, Абу 'Усман ал-Джахиз, известный мастер арабской прозы и один из крупнейших авторитетов басрийской школы му'тазилитов, Ибрахим ан-Наззам, Абу 'Абдаллах ал-Басри, Абу л-Хузайл ал-'Аллаф, Абу л-Касим ал-Балхи, Джа'фар Ибн Харб, Бишр Ибн Му'тамир, Ибн ар-Раванди и другие. Довольно часто, кроме того, приводятся названия различных му'тазилитских сочинений, среди которых встречаются и совершенно неизвестные; так, например, Абу Хашиму 'Абд ас-Саламу приписывается сочинение ал-Багдадийят, нигде не отмеченное в списках трудов этого автора.

На мой взгляд, ленинградские фрагменты, несомненно, значительно обогатят наши сведения об учении му'тазилитов, однако, действительная и всесторонняя оценка ленинградского материала должна исходить не от меня. Как я уже говорил в начале настоящего доклада, я ни в какой мере не являюсь исламоведом, и задачу изучения обнаруженного мною нового му'тазилитского материала я поставил себе, так сказать, в самом минимальном объеме. Сообщить всем интересующимся более подробные сведения о ленинградских фрагментах есть уже дело исламоведов, которое, надо надеяться, в будущем ими будет выполнено. Что же касается меня, то я ограничил свою задачу лишь предварительным описанием материала; в настоящий момент это описание закончено и напечатано в одном из органов Института востоковедения Академии Наук.¹

16 июня 1935 г.

¹ См. выше, примечание 1 к стр. 123.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

ЗАДАЧИ АРАБСКОЙ ЭПИГРАФИКИ В СССР

Одной из особенностей культуры арабов является та исключительная роль, которую играет в ней письмо. Оно не только средство обмена мыслей, фиксации научных и литературных форм, административных сношений, но служит для вещественной документации и в самом широком масштабе для декоративных целей.

Сперва распространение арабской культуры на огромном протяжении халифата обусловило ее контакт и обмен с целым рядом народов и областей. Он усилился с принятием ислама, выразителем которого явился арабский язык, проникший вместе с кораном в обиход многих народов не семитического происхождения, а вслед затем у них возникла арабская письменность. Так образовались памятники арабской эпиграфики у народов иранского, тюркского и монгольского происхождения, часть которых жила, живет и поныне на территории СССР. Сила арабской культуры была настолько велика, что она вовлекала в свою сферу также не исламизованные страны и население. Примером для данного случая служат христианские народности Кавказа, особенно Армения и Грузия.

Арабская письменность слагается из многих слишком разнородных и обширных областей, а потому для удобства изучения их подразделяют условно на несколько категорий. Одну из таких категорий представляет эпиграфика, т. е. изучение арабских надписей, объединенных по признаку материала и назначения. В эпиграфику не входят обычно те категории арабской письменности, которые служат предметом изучения самостоятельных научных дисциплин, а именно литература (рукописи), нумизматика (монеты), палеография, дипломатика (шрифт, документы), сфрагистика (печати), геральдика (должностные знаки, гербы), метрология (меры и веса).

При огромном размахе строительства во многие периоды халифата и у некоторых феодалных властителей, когда на каждом памятнике стремились зафиксировать дату сооружения, ремонта, перестройки, имя строителя, производителя работ, мастера и другие подробности, при широком развитии ремесел, где надписи служили одним из важнейших художественных ингредиентов, при той высшей оценке, которую письмо имело в гла-

зах арабов по сравнению с изобразительными искусствами, понятно, что количество эпитафических памятников должно быть очень значительно.

Основная задача эпиграфики — установить правильный арабский текст, дать верный перевод и необходимые комментарии, в которые входят определение датировки, среды, социальных отношений и других культурно-исторических моментов. Если бы все эпитафические материалы находились в идеальной сохранности, то и тогда труд эпиграфиста не был бы легким, принимая во внимание особенности арабского шрифта и языка. Но удовлетворительная сохранность надписей — довольно редкое явление и издание текстов требует продолжительной работы, хорошей подготовки, владения специальными методами и знаниями. Так, напр., без знания языка и палеографии (в данном случае разумеется эволюция знаков) невозможно установить чтение и перевод текста; без знания истории и материальной культуры нельзя оценить в должной степени его значение.

Наша страна должна быть признана скорее богатой, чем бедной эпитафическими памятниками. Они распадаются на две группы. Первую составляют надписи, возникшие в географических пределах СССР и некоторых областях, входивших прежде в границы России и находящиеся у нас в настоящее время; вторую составляют аналогичные надписи, находящиеся в СССР, но созданные вне его территории. По существу, за немногими исключениями надписей на предметах недвижимых (скалы, постройки *in situ*), состав обеих групп одинаков. Это — надписи с построек или памятников, прочтенные на месте, зафиксированные каким-нибудь способом или вывезенные с места в виде плит, обломков; затем надписи на предметах обихода и прикладного искусства, без ограничения материала, т. е. не взирая чем, на чём, как исполнена на предмете арабская надпись, но с учетом ее содержания.

Материалы по арабской эпиграфике в СССР охватывают теоретически более чем тысячелетний период, со времени проникновения арабов на территории, ныне входящие в состав нашего Союза, т. е. с конца VII в. н. э. до настоящего времени. Фактически мы не имеем до сих пор ни одной собственно надписи VII в., однако находка 1933 г. в пределах Согдианы в замке Муг Қал'а арабского документа на коже, датированного 100-м годом хиджры, показывает, что существование их возможно.

Местонахождением эпитафических памятников в СССР являются, с одной стороны, области, население которых тесно соприкасалось с арабами и их культурой, а именно Кавказ, Средняя Азия, Приуралье, Поволжье, Крым, Украина, с другой — музейные хранилища, библиотеки, архивы в различных городах Союза, главнейшие из которых Баку, Бахчисарай, Евпатория, Ереван, Казань, Киев, Ленинград, Махач-Кала, Москва, Самарканд, Симферополь, Саратов, Старый Крым, Ташкент, Тбилиси.

Если не считать упоминаний некоторых ранних путешественников, изучение наших эпитафических материалов начато с первой четверти

XIX в. акад. Френом, работы которого не утратили своего значения до настоящего времени. Максимальный интерес к эпиграфике в прошлом веке падает на 40-е — 60-е годы и поддерживается главным образом акад. Дорном и его корреспондентами, особенно Ханыковым и Бартоломеем. Их трудам мы обязаны основной частью печатных сведений о монументальных надписях Кавказа, часть которых с той поры исчезла. Судьба эпиграфических материалов этого периода довольно печальна. Дорну не пришлось при жизни издать собранные им надписи; они только зарегистрированы в его отчетах о путешествии на Кавказ 1861 г., отчасти воспроизведены литографским способом в атласе, изданном уже после его смерти, но основная часть не разыскана, в том числе его записные книжки. Еще больше приходится жалеть об исчезновении нескольких десятков эстампажей Бартоломея с куфических надписей в различных местностях Кавказа, которыми пользовался Ханыков, так как только эстампирование наравне с фотографией передает механически все детали письма, что не достижимо при самом точном и добросовестном изображении на-глаз и от руки. Между тем, изданные Ханыковым тексты не безупречны с современной точки зрения и требуют переиздания.

Около трех десятилетий после смерти Дорна тянулось затишье. Этот период не был, конечно, совершенно бесплодным. Можно отметить, напр., приобретение в Палестине Фирковичем в 1870 г. плиты 486 г. х., но она, попав в Публичную библиотеку, оставалась неизвестной в течение 60 лет. Эпиграфическая работа двигалась главным образом в Крыму.

Следующий благоприятный период собирания и опубликования надписей падает на конец XIX в., захватывая разные районы; с той поры оно не прекращается, но интенсивность его колеблется.

Наследие, которое нам оставили наши предшественники-эпиграфисты, не велико по сравнению с объемом и значением нашего эпиграфического фонда; уровень его обработки очень неодинаковый. В одних случаях удовлетворительное чтение сильно искажено в печати, в других явное непонимание текста, зависевшее порой не от незнания языка, а от общего состояния эпиграфики в прошлом веке, настоящим творцом которой был гениальный арабист конца XIX в. и первой четверти XX в., Max van Berchem. Мешало также качество и способ репродукций и недостаточное знакомство с палеографией, примером чего служит хотя бы неверно прочтенное Френом звание должностного лица القاضى на двери в Гелатах. Некоторые монументальные надписи дошли до нас в нескольких списках, но ни одна редакция, к сожалению, не правильна. Это особенно печально, когда памятник более не существует. Случалось даже, что один и тот же текст приурочивали к различным пунктам и теперь трудно установить, которая из атрибуций верная. С подобными фактами мы сталкиваемся, между прочим, среди надписей с Апшеронского полуострова, которыми занимался Дорн и его современники. Не легкое положение

эпиграфиста и в тех случаях, когда приходится иметь дело с анонимными памятниками в музеях.

С наступлением XX в. научные запросы, предъявляемые к арабской эпиграфике, стали серьезнее и глубже; можно назвать конкретные случаи совершенно правильного подхода к делу собирания эпиграфического материала, как было, напр., в период археологических работ на Кавказе Н. Я. Марра и его соотрудников; можно указать образцовые издания надписей, напр. Гератского бронзового котелка 559/1163 г. Н. И. Веселовским и К. А. Иностранцевым и др. Но чаще, к сожалению, уровень публикуемых материалов не высок. Упрек может быть сделан со стороны недостатка критического подхода, неполноты информации, небрежности издания текста и плохого оформления, т. е. малого количества и низкого качества репродукций. Такие погрешности лишают возможности пользоваться изданиями; нельзя полагаться на искаженный текст, плохое воспроизведение которого, даже отсутствие его, не дает возможности установить или проверить чтение.

Некоторые учреждения начали и ведут систематическую работу в своих собраниях. Так, в Государственном Эрмитаже, не считая изданных ранее надписей, из которых особенно важны вышеупомянутый Гератский котелок, „Inscriptions mobilières“ М. van Berchem'a, „Восточное серебро“ Я. И. Смирнова, надпись „изразцового люстрового Михраба“ В. Крачковской, готовится Л. Т. Гюзальяном свод арабских надписей на бронзе, обработана часть люстровой керамики, предполагается приступить к обработке надписей на тканях и др.; изданы арабские надгробия, находящиеся ныне в Институте книги, документа и письма АН. Уделялось внимание эпиграфике в Крыму, особенно в Бахчисарае и Эски-Крыме, где надписи собраны во вновь основанных музеях; продолжается собирание в Закавказской федерации (напр., в Музей Грузии в 1934 г. поступил камень с куфической надписью, найденный близ Тбилиси) и Ср. Азии, но работы подвигаются неравномерно и с большим отставанием.

В то время, как основные музеи за границей посредством прекрасных изданий сделали свои фонды общедоступными, рядом крупных ученых и учреждений создана богатая литература по арабской эпиграфике, мы, владея первоклассным материалом, можем противопоставить чрезвычайно мало. Такое положение недопустимо не только ради нашего научного престижа, но и в наших прямых интересах. Польза расшифровки монументальных и вещевых надписей очевидна: эпиграфический анализ заставит их заговорить, поможет восстановить многие черты местных культур и производств. Для иллюстрации ограничимся одним только примером. Известно, какую важную роль в индустрии халифата занимало ткачество, стоявшее на очень высоком уровне. Многие города славились своими специальными сортами тканей. Их выработывали в государственных мастерских и снабжали особыми вытканными или вышитыми надписями,

так называемым *ṭirāz*. Подобных образцов сохранилось довольно много. Между прочим, в прошедшем году обнаружена 'аббасидская ткань с надписью, вытканная в Мерве в 278/891 г. (издана Н. Hawary, *Bulletin de l'Institut Égyptien*, т. XVI, 1934). Эта находка имеет не только эпиграфический и историко-культурный интерес, но и чисто-практическое значение, и мы можем только пожалеть, что фрагмент не в одном из наших музеев. Отсюда ясно, что эпиграфические штудии у нас не могут ограничиваться кругом только нашего материала и литературы, и мы должны постоянно учитывать иностранную литературу, которая не только освещает то, что вышло из географических пределов нашей страны, но в некоторых случаях служит основным источником сведений о нашем материале. Таково положение, напр., со знаменитым Ташкентским надгробием 230 г. х., которое было издано М. Hartmann'ом и имеет значительную иностранную библиографию (см. *Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*, т. I, стр. 244 — 245, № 310).

Конечно, не следует питать преувеличенных надежд на сплошь блестящие результаты использования эпиграфического материала. Оригинальные надписи крупного значения сравнительно редки, гораздо чаще они шаблонны. Надпись может быть не прочитана из-за дефектности или, при хорошей сохранности, содержание не даст значительных выводов. Но наш долг прежде всего планомерно и добросовестно вести в общем масштабе подготовительную работу собирания, учета и регистрации всех эпиграфических материалов, не пугаясь трудностей и не пренебрегая ничем: опыт показывает, что надпись плохой сохранности иногда удается восстановить до последнего слова (блестящий случай имеется в эпиграфике Каира), утерянные или разобщенные части порой удается отыскать, изолированные фрагменты могут пролить свет на сложные и запутанные вопросы и, кроме того, они создают почву для палеографических, а следовательно, и хронологических суждений.

Для каждой существующей или вновь находимой надписи должны быть собраны точные сведения, как-то: время и место нахождения или покупки (то есть, установлено происхождение), краткое описание памятника, место хранения, обмеры, материал, сохранность, число строк, характер шрифта, арабский текст или транскрипция по одной системе, которая позволила бы в любое время безошибочно восстановить полный арабский текст; дата, фотография и эстампаж; в качестве подсобного материала может служить рисунок. Если оригинал надписи недоступен или утрачен, приходится ограничиваться изучением прежних изданий, описаний и изображений по отчетам экспедиций, архивным материалам, фотошкалам и соответствующей литературе, с учетом их качества и степени достоверности.

В старой литературе иногда встречаются краткие упоминания надписей. Напр., И. А. Бартоломей (в *Lettres... relatives aux antiquités géorgiennes*, *Mél. As.*, II, 1856) заметил на колокольне церкви в Dbanis, округа

Somkhetl камни с рельефными куфическими надписями. Эти указания необходимо отмечать: они могут служить вехами путей проникновения арабского языка и культуры в данную местность и повести к отысканию оригиналов.

Особенное внимание должно быть направлено на те наши современные издания, которые затрагивают арабскую эпиграфику. Чрезвычайно редко в них можно почерпнуть полноту сведений. Арабский текст порой пестрит ошибками неизвестного происхождения: может быть это корректурная небрежность или погрешности оригинала, которые в образцовом издании обязательно надо оговаривать. Русская или латинская транскрипция, совершенно случайная, скорее вредит, чем помогает делу. Между тем, даже в последние годы иногда пользовались русской транскрипцией Дорна, извинительной семьдесят лет назад, но непригодной в настоящее время, особенно с искажением ее.

Приходится возражать также против изданий текстов в одном только русском переводе, хотя бы и безупречном, без арабского текста или транскрипции: русский текст, конечно, нужен, особенно для широкого круга читателей, но надо помнить, что эпиграфисту, историку, востоковеду необходим подлинный текст; восстанавливая его посредством обратного перевода с русского на арабский язык, легко впасть в неточность при большом выборе синонимов, сложности арабской титулатуры и синтаксиса.

Намеченный план подготовительной работы, с применением карточной системы, позволит вести учет эпиграфического материала, легко в нем ориентироваться и перегруппировывать его смотря по необходимости. Последнее условие особенно важно, если иметь в виду организацию капитального издания наших эпиграфических материалов. Потребность в этом ощущается все острее. Просмотр специальной иностранной литературы показывает в настоящее время почти идеальную быструю информацию относительно европейских, американских и восточных собраний, из которых на первом месте стоит несомненно Египет с Музеем арабского искусства в Каире. В то же время упоминания наших материалов, даже изданных, редки, как оазисы в пустыне, потому что количество и качеств публикаций не соответствуют современным темпам научного развития, чрезвычайно слаба информация и распространение наших изданий за границей.

Задаваясь вопросом о типе предстоящих эпиграфических изданий, приходится остановиться особенно на каирских изданиях. В Каире, исключительно на египетском материале, был создан Мах'ом van Berchem монументальный первый том капитального свода арабских надписей (*Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum*), который послужил образцом для всех позднейших аналогичных работ самого автора, его сотрудников и его продолжателей. *Corpus* — свод имеет конечной целью собрать постепенно и должным образом осветить все существующие арабские тексты, входящие в сферу эпиграфики. Такая грандиозная задача сразу не выпол-

нима, осуществлялась и осуществляется по частям, причем отдельным странам, напр., Египту, Сирии, Испании и другим, посвящается особый том.

Заняв первенствующее положение в конце XIX в., Египет до настоящего дня стоит во главе эпиграфических штудий. Кроме продолжения свода, монографий и предметных каталогов, где эпиграфика доминирует, Египту принадлежит инициатива и издание хронологического списка арабских надписей (*Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe*) при широком участии эпиграфистов многих стран.

Оба издания преследуют различные цели. *Corpus* — свод — чисто научное исследование надписей в общем хронологическом порядке, который нарушается для отдельных памятников, если они имеют надписи разных периодов. Арабский оригинальный текст и перевод приведен полностью, коранические цитаты только отмечены ссылками; текстуальный анализ чрезвычайно глубокий, с обширными экскурсами, исчерпывающей библиографией и указателями.

Хронологический список (*Répertoire*) ставит своей целью не исследование, не переиздание, а научно поставленную регистрацию текстов, учет всего наличного фонда и достижений мировой науки в области арабской эпиграфики. В нем регистрируются только датированные или датируемые монументальные надписи со всех концов арабского мира, в музеях или в изданиях, изданные и неизданные, наконец, эпиграфические материалы из арабских источников. Арабский текст сопровождается французский перевод, точная характеристика и полезная библиография. Тексты передаются с сохранением арабской транскрипции оригинального издания, без исправления ошибок. Для облегчения ориентировки в издании надписи, в зависимости от происхождения, расположены в пределах каждого года в известной последовательности стран с запада на восток, теоретически начиная с Испании, кончая Дальним Востоком. Стремясь к исчерпывающей полноте, *Répertoire* в одном отделе должен был все же ввести большие ограничения, а именно произвести отбор египетских надгробий, громадное количество которых грозило нарушить равновесие смешанного списка.

Опубликование первых пяти томов из предположенных шестнадцати дает отчетливое представление о характере, подборе, формах надписей, прежде рассеянных. Между прочим, оказалось, что среди вещевых надписей первых веков хиджры гораздо большее место занимают датированные текстилии, чем можно было ожидать. Несомненно, что в этой и других отраслях издание стимулировало пересмотр материала. Наши некоторые материалы вошли в издание, но далеко от исчерпывающего объема.

К сожалению, пока нельзя указать ни одного сводного издания наших арабских текстов, которое хотя бы отдаленно приближалось к масштабам *Corpus Inscriptionum Arabicarum*. Это — дело будущего. Перед эпиграфистами СССР стоит трудная задача подготовки издания свода арабских надписей, который должен слагаться из нескольких отделов или томов, как-то: свода арабских надписей Кавказа, зародышем которого

является статья Н. Ханыкова, написанная в 1862 г. (*Mémoire sur les inscriptions musulmanes du Caucase. J. A., V série, t. XX, 1862*), надписей Средней Азии, Крыма, Поволжья, Украины, музейных собраний. В силу местных условий, к основной части некоторых томов должны быть даны дополнения, куда надо включить надписи персидские, татарские и т. п. в тех случаях, когда они идут параллельно или связаны с арабскими на одних и тех же памятниках, как это имеет, напр., место, на некоторых постройках Армении, Азербайджана и Средней Азии.

Одновременно со Сводом надписей надо составлять и хронологический список, который определит объем, состав и степень обработки нашего фонда. Необходимо ускорить собирание надписей на местах, потому что время идет, а памятники разрушаются и исчезают, как исчезли, напр., надписи на огромной стене по горному хребту за Дербендом.

Программа так велика, что, конечно, не под силу одному человеку и требует многолетней работы высококвалифицированных специалистов по определенному плану. Для ее осуществления нужно не только систематическое выполнение подготовительной работы, но необходимо монографическое изучение важных текстов, серий надписей по отдельным памятникам и категориям, переиздание опубликованных текстов, наконец, подготовка специалистов.

Одним из крупных затруднений в работе является раскиданность материалов, их трудная доступность, не только из-за расстояний, которые можно до известной степени преодолеть техническими средствами, а именно работой по фотографиям и эстампам, но и из стремления оградить местные интересы и права издания. Но нам кажется, что необходимо стремиться к объединению и полноте распыленного материала; надо отказаться раз навсегда от кустарного издания текстов и поставить это дело на научную высоту, чтобы надписи получили правильную оценку и из мертвого капитала превратились в живую основу материальной культуры и истории страны.

Ленинград.
9 июня 1935.

ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I. ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Том I. 1932. 321 стр. Ц. 8 р.	Том II. Вып. 4. 1934. 68 стр. Ц. 2 р.
» II. Вып. 1. 1932. 36 стр. Ц. 2 р.	» III. 1935. 214 стр. Ц. 2 р.
» II. Вып. 2. 1933. 70 стр. Ц. 3 р.	» IV. 1935. 81 стр. Ц. 3 р. 50 к.
» II. Вып. 3. 1933. 54 стр.
Ц. 2 р. 25 к.	» V. 1936. 231 стр. Ц. 10 р.
	» VI. 1937. 175 стр. Ц. 9 р.

II. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- I. Проблемы литературы Востока. 1932. 126 стр. Ц. 3 р.
- II. Беляев, В. И. Арабские рукописи бухарской коллекции Азиатского музея. 1932. XVII + 52 стр. Ц. 2 р.
- III. Крачковский, И. Ю. Абӯ-л-'Алā' ал-Ма'аррӣ. 1932. VIII + 86 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- IV. Зарубин, И. И. Белуджские сказки. 1932. VIII + 220 стр. Ц. 6 р.
- V. Поппе, Н. Н. Бурят-монгольское языкознание. 1933. 119 стр. Ц. 5 р.
- VI. Новичев, А. Д. Экономика Турции в период мировой войны. 1935. 143 стр. Ц. 3 р.
- VII. Материалы по истории каракалпаков. 1935. 299 стр. Ц. 12 р. (в перепл. 14 р.).
- VIII. Востриков, А. И. и Поппе, Н. Н. Летопись баргузинских бурят. 1935. 75 стр. Ц. 3 р. 50 к.
- IX. Поппе, Н. Н. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. 1935. X + 172 стр. Ц. 15 р.
- IX. Казакевич, В. А. Летописи хоринских бурят. Вып. 2. 1935. X + 126 стр. Ц. 12 р.
- X. Бертельс, Е. Э. Персидская поэзия в Бухаре. 1935. 57 стр. Ц. 2 р.
- XI. Невский, Н. А. Материалы по говорам языка Цоу. 1935. 136 стр. Ц. 6 р.
- XII. Поппе, Н. Н. Летописи селенгинских бурят. 1936. IV + 55 стр. Ц. 5 р. 50 к.
- XIII. Петров, А. А. Ван-Би (226—249). Из истории китайской философии. 1936. 136 + 2 стр. + XVIII т. Ц. 8 р.
- XIV. Поппе, Н. Н. Монгольско-тюркский словарь Мукаддимат ал-Адаб. (Печатается).
- XV. Потапов, Л. П. Очерки по истории Шорин. 1936. 260 стр. + 1 карта. Ц. 9 р.
- XVI. Жамцарано, П. Ж. Монгольские летописи XVII века. 1936. 121 стр. Ц. 7 р. 50 к.
- XVII. Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР, 20 марта 1935 г. 198 стр. + 6 табл. Ц. 10 р.

- XVIII. Тураев, Б. А. Абиссинские хроники XIV—XVI вв. Перевод с эфиопского под редакцией И. Ю. Крачковского. 1936. 188 стр. Ц. 7 р.
- XIX. Библиография печатных работ академика Игнатия Юлиановича Крачковского. (К 30-летию научной деятельности). 1936. 62 стр. Ц. 2 р.
- XX. Думан, Л. И. Аграрная политика цинского (маньчжурского) правительства в Сивьцзяне в конце XVIII века. 1936. 254 стр. + 1 табл.
- XXI. Поппе, Н. Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник. 1936. 166 стр. 4 нел. + 471 стр.
- XXII. Санжеев, Г. Д. Монгольская повесть о хане Харангуй. 1937. 170 стр.
- XXIII. Кильберг, Х. И. Восстание Араби-паши (антибританское национальное освободительное движение в Египте в 1879—1882 гг.). Ц. 5 р.
- XXIV. Труды первой сессии арабистов 14—17 июня 1935 г. 1937. 134 стр. Ц. 4 р. 50 к.
- XXV. Баранников, А. П. Легенды о Кришне. Т. I. Лалу джи лал Прем Сагар. Перевод с хинди. 1937. 4 нел. + 471 стр.
- XXVI. Поппе, Н. Н. Халха-монгольский героический эпос. 1937.

III. БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Вып. 1. 1932. 143 стр. Ц. 6 р. 50 к.	Вып. 7. 1935. 164 стр. Ц. 9 р.
Вып. 2—4. 1934. 201 стр. Ц. 8 р. 50 к.	Вып. 8—9. 1936. 194 стр. Ц. 12 р.
Вып. 5—6. 1935. 144 стр. Ц. 7 р.	Вып. 10. (Печатается).

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Гюзальян, Л. Т. и Дьяконов, М. М. Рукописи Шах-намэ в ленинградских собраниях (совместно с Государственным Эрмитажем). 1934. XXIV + 123 стр. Ц. 7 р.
- Фердовси (совместно с Государственным Эрмитажем). 1934. 223 стр. Ц. 8 р.
- Бертельс, Е. Э. Абу-л-касим Фирдоуси и его творчество. 1935. 72 стр. Ц. 1 р. 75 к.
- Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Сборник статей. 1934. 642 стр.
- Bibliotheca Friedlandiana. Каталог еврейских книг (изданных до 1892 г.) Библиотеки Института Востоковедения Академии Наук СССР. Вып. VIII. Составил И. Г. Бендер под ред. акад. П. К. Коковцева. 1936. 657—690 стр. + 4 нел. Ц. 2 р.
- Bibliotheca Buddhica, XXIX. Prajñā pāramitā-ratna-guṇa-saṃcaya-gāthā. Sanscrit and tibetan text edited by **E. Obermiller**. 1937.
- Bibliotheca Buddhica, XXX. Madhyānta-vibhanga. Discourse on discrimination between the Middle and Extremes ascribed to bodhisattva Maitreya and commented by Vasubandhu and Sthiramati. Translated from the Sanscrit by Th. Stcherbatsky. 106 + 058 стр. Ц. 8 р.
- Биснек, А. Г. и Шафрановский, К. И. Библиография библиографии Средней Азии. Отдельный оттиск из «Библиографии Востока», № 8—9 (1935). 1936. 48 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Цена 4 руб. 50 коп.

Прием заказов и подписки

■■■■■■ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОИЗВОДИТСЯ:

■■■■■■

1. В Отделе распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, проезд Художественного театра, 2. Тел. 33-44.
2. В Ленинградском отделении Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, 104, пр. Володарского, 53а. Тел. 1-99-18.
3. Доверенными Издательства, снабженными специальными удостоверениями.

Вниманию абонентов

■■■■■■

научные работники и учреждения, состоящие абонентами, направляют запросы и заказы в Абонементный сектор Издательства Академии Наук СССР — Москва, проезд Художественного театра, 2.